РУССКАЯ БЕСѢДА

ІЮНЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. (Окончаніе). *С. А. Гадзяцкаго* 1

II. Естественный Законъ въ Духовномъ мірѣ. *Генриха Друммонда.* Гл. I. Біогенезисъ. Гл. II. Вырожденіе. Сокр. пер. *Л. П. Никифорова* 19

III. Проклятіе или Невольница Злата. Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла* 39

IV. Абхазія. Очеркъ. *А. Городищева* 58

V. Рабочій день. Политико-экономическій очеркъ. *И. Гофштеттера* 82

Зарубежное Славянство.

VI. Австрійская Оккупація Босніи и Герцеговины. *А. П. Липранди (А. Волынецъ)* 93

VII. Мольба Славянина. Стих. *Л. Трефолева* 110

VIII. Изъ *Халупки.* Со словацкаго. Стих. пер. *Н. Новича* . 111

IX. Изъ *Прерадовича.* Съ сербскаго. Стих. пер. *Н. Новича.* 112

Вопросы внутренней жизни Россіи.

X. Орошеніе полей. *Г. И. Аристова* 113

XI. Нѣмецкое землевладѣніе въ Россіи. *И. Гофштеттера* . 137

XII. Привѣтъ жаворонку. Стих. *Н. А. Панова* 142

XIII. Нѣсколько словъ о Румыніи и о святыхъ Румынской Церкви. *Н. Д.* 144

РУССКАЯ БЕСѢДА

БИБЛІОТЕКА ... ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
26421
Прив. 50

ІЮНЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюня 1895 года.

Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ.

(Окончаніе).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сотрудничество въ „Русской Бесѣдѣ"; труды о сельской общинѣ; о крестьянахъ; труды литерат. и публицист., профессура Ив. Дм. (1857—1860 г. [224]).

Съ наступленіемъ новаго царствованія наступила и новая эра въ исторіи родного просвѣщенія: какъ будто всѣ ожили, встряхнулись, вновь народились на свѣтъ. Испыталъ на себѣ этотъ подъемъ духа и славянофильскій кружокъ; въ сохранившейся отъ той поры переписки это такъ и чувствуется [225]). Вмѣстѣ съ тѣмъ проснулась потребность подѣлиться печатно тѣми мыслями и выводами, которые накопились за это время въ кружкѣ, высказать свое мнѣніе по тѣмъ или другимъ жгучимъ вопросамъ современной дѣйствительности. Въ рядахъ славянофиловъ давно уже игралъ довольно видную роль Ив. Серг. Аксаковъ, которому довелось служить соединительнымъ звеномъ между старшимъ поколѣніемъ и послѣдующимъ выраженіемъ славянофильства: славянофилъ не теоретикъ философъ, не теоретикъ ученый, а теоретикъ публицистъ... Кружокъ задумалъ основать свое повременное изданіе, которое послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, прекрасно описанныхъ у Колюпанова [226]), наконецъ, разрѣшено было издавать—„Русскую Бесѣду" (около того же времени основались и западническіе „Рус. Вѣст." и болѣе крайній „Атеней"). Въ предисловіи „Рус. Бес." была поставлена широкая задача проводить въ жизнь русское воззрѣніе и при этомъ признавалась полная свобода мнѣнія, лишь бы въ принципахъ было согласіе. Сначала, хотя и выска-

---

[224]) Матеріаломъ для этой главы послужили, кромѣ печатнаго, который будетъ указанъ въ св. мѣстѣ, рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова и въ Мос. Пуб. и Рум. Муз.; также мы воспользовались свѣдѣніями изъ Арх. Имп. Моск. Ун.

[225]) См. Рус. Арх. 1879 г. кн. II.

[226]) «Біог. Ал. Ив. Кошелева» т. II.

зано было кое-что противъ предисловія въ „Моск. Вѣд.“, но и славянофилы и западники жили мирно, такъ что взаимно дѣлились трудами; но это продолжалось недолго: славянофилы, какъ мы видѣли уже въ словахъ Хомякова, задались не только выработать извѣстныя положенія, но (и это лежало въ самомъ цѣлостномъ характерѣ ихъ религіозно-философскаго ученія) и провести ихъ въ разные сферы умственной и практической жизни. Въ „Рус. Бесѣдѣ“ мы видимъ дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ ученія въ трудахъ Ив. Вас. Кирѣевскаго и Хомякова; видимъ въ статьяхъ болѣе молодыхъ Самарина и Аксакова попытку установить особый, научный методъ, имѣющій свой національный характеръ. Ю. Ѳ., которому принадлежитъ развитіе этой темы, отмѣтилъ дѣйствительный фактъ, существованіе котораго, по нашему мнѣнію, нельзя отрицать: народный, т. е. въ силу извѣстныхъ расовыхъ, историческихъ и др. условій, складъ ума, въ зависимости отъ котораго лежитъ и весь характеръ просвѣщенія. Однако мало указать фактъ; въ этомъ согласны, пожалуй, были и западники: необходимо сдѣлать оцѣнку этого факта, а въ связи съ этимъ выработать извѣстное отношеніе къ нему; вотъ здѣсь-то и разошлись: славянофилы признали въ этомъ фактѣ не односторонность и не зло, а наоборотъ именно средство исполнить еще Гегелемъ развитое ученіе о національномъ предназначеніи, а другіе, западники увидѣли въ этомъ какой-то обскурантизмъ, погруженіе въ собственную національность до забвенія общечеловѣчества, а въ самомъ содержаніи ученія опасный примѣръ для ненаучныхъ пріемовъ изученія различныхъ общественныхъ наукъ. Возгорѣлся горячій принципіальный споръ, въ которомъ приняли участіе молодые славянофилы во главѣ съ Хомяковымъ, а противъ нихъ главнымъ образомъ Чичеринъ и Соловьевъ. Здѣсь не мѣсто входить въ содержаніе спора; для насъ достаточно будетъ указать на основу спора, продолжавшагося почти черезъ всю „Рус. Бес.“ и въ которомъ впослѣдствіи принялъ участіе И. Д. Бѣляевъ. За принципіальнымъ разногласіемъ о самомъ научномъ методѣ послѣдовало разногласіе и въ самомъ его примѣненіи къ матеріаламъ о прошлой нашей жизни. „Рус. Вѣст.“ и „Рус. Бесѣда“ оказались на двухъ противоположныхъ полюсахъ: одинъ стоялъ за родъ, его разложеніе и появленіе государства всемогущаго и вседѣлающаго, государства, совершенно поглощавшаго народъ съ его самодѣятельностью, словомъ—чисто формальный, внѣшній взглядъ; другая видѣла общину, особый и многознаменательный удѣлъ Россіи, землю, съ которою государственная власть стоитъ въ особыхъ отношеніяхъ, и притомъ землю, народъ — не пассивное орудіе въ рукахъ правительства, а живой, основной организмъ общины — государства. Притомъ одинъ видѣлъ древнюю Русь въ слишкомъ мрач-

номъ свѣтѣ, другая, напротивъ, считала старую Русь чуть не раемъ земнымъ: и при этомъ, какъ и двадцать лѣтъ ранѣе все еще малая разработка фактовъ и самая скудость ихъ, позволявшая такъ удобно пригонять ихъ къ тому или другому мнѣнію. Вотъ въ общихъ чертахъ сущность полемики между двумя названными изданіями. „Въ „Рус. Вѣст.“ появилась ст. Чичерина „Истор. разв. сельск. общины въ Рос.“, въ которой авторъ приходитъ къ чисто отрицательнымъ взглядамъ на общину: сначала родъ, смѣнившійся вотчиннымъ, частноправнымъ порядкомъ княжескаго и отчасти дружиннаго владѣнія: община образована государствомъ въ своихъ видахъ, именно для несенія тягла государственнаго. Всѣ эти положенія свои Чичеринъ подтверждаетъ многочисленными свидѣтельствами лѣтописей и актовъ: такимъ образомъ онъ нападалъ на основныя положенія славянофильской исторической теоріи и при томъ уже на основаніи не общихъ взглядовъ съ болѣе или менѣе отвлеченно-философскимъ характеромъ, а подробнаго изученія матеріаловъ; для опроверженія его уже не достаточно было общаго образованія, необходимы были чисто спеціальныя историко-юридическія свѣдѣнія. Тутъ и пришлось выступить Ивану Дм. Благодаря своей огромной начитанности, какъ въ печатномъ, находящемся подъ рукой матеріалѣ, такъ и въ рукописяхъ, позволявшихъ установить тѣ или другіе общіе взгляды, Ив. Дм. разбираетъ каждое положеніе Чичерина и или отвергаетъ его, приводя свои данныя, или придаетъ факту освѣщеніе съ точки зрѣнія общинной теоріи; изъ этого можемъ видѣть, что положительнаго рѣшенія въ ту или другую сторону едва ли можно ожидать отъ такого спора; да его и не было. Чичеринъ нашелъ сторонниковъ въ лицѣ Соловьева (хотя далеко не безусловнаго), Лохвицкаго и др. Ив. Дм. въ лицѣ славянофиловъ и Иванишева, представившаго весьма цѣнныя указанія на существованіе древнихъ юридическихъ общинъ до довольно поздняго времени [227]). Споръ, начавшійся съ сельской общины, продолжался на другихъ вопросахъ, такъ или иначе затрогивавшихъ основное

---

[227]) Статьи см. прил. I. Споръ о сел. общ. и вообще крит. ст. Ив. Дм., помѣщен. въ «Рус. Бес.»; въ черновыхъ и бѣловыхъ подлинникахъ, писанныхъ рукою Ив. Дм., въ рук. И. Д. Бѣляева, хран. въ Мос. Пуб. и Рум. Муз. № 1869; любопытны замѣтки и исправленія, въ этихъ рукописяхъ, изъ нихъ видно, что статьи Ив. Дм. подверглись чтенію редакторовъ «Рус. Бес.» и преимущественно А. С. Хомякова: при этомъ Хомяковъ не рѣдко подправлялъ слогъ Ив. Дм. и дѣлалъ отмѣтки о пополненіи и т. д. Особенно пришлось сгладить Хомякову отвѣтъ Соловьеву (см. «Рус. Бес.» 1856 г., т. IV), гдѣ Ив. Дм. очень много говорилъ объ «историкахъ скоропекахъ». Здѣсь же находимъ и подлинникъ послѣсловія ред. о спорѣ о сельск. общ. (см. «Рус. Бес.» 1857, т. III): А. С. Хомяковъ проредактировалъ ст. Иванишева и замѣтку Ив. Дм. и тутъ же на отрывкѣ бумаги написалъ и исправилъ послѣсловіе, напечатанное въ «Рус. Бес.»

отношеніе къ старинѣ и ея внутреннему быту: мы видимъ цѣлый рядъ критическихъ статей Ив. Дм., въ которыхъ добродушнѣйшій Ив. Дм. съ инквизиторскимъ чутьемъ ловитъ проявленіе „западническихъ“ мыслей и тогда достается автору. Изъ этой борьбы болѣе любопытны критическія статьи, напечатанныя Ив. Дм. подъ иниціалами И. Кр...яевъ (Красняевъ? Вѣроятно вслѣдствіе рѣзкаго тона ихъ): одна изъ нихъ посвящена „Обл. учр. въ Рос. въ XVII в.“ Чичерина, другая ст. Буслаева „О народ. въ др. рус. ист. и искус.“ [228]). Горячность автора въ той и другой статьяхъ завлекла его сдѣлать нѣсколько мало обоснованныхъ предположеній и слишкомъ напасть на нѣкоторыя основанныя на фактахъ положенія Чичерина и Буслаева, но въ то же время Ив. Дм. выказалъ тутъ всю свою начитанность въ памятникахъ нашей древней литературы и администраціи. Особенно любопытна первая статья: какъ извѣстно „Обл. учр.“ подверглись въ „Рус. Бес.“ 1857 г. замѣчательному разбору Н. И. Крылова; рядомъ съ этимъ разборомъ стоитъ и разборъ Ив. Дм.; это позволяетъ сравнить оба разбора, по сколько они обусловлены личностью ихъ авторовъ. Н. И. и Ив. Дм. сошлись въ чувствѣ горячей любви къ русской, родной старинѣ, но представляли по своему ученію, спеціальности полную противоположность: одинъ воспитанникъ знаменитой исторической школы Германіи, широко и въ высшей степени талантливо воспользовавшійся ея уроками, при томъ замѣчательно чуткій ко всѣмъ явленіямъ европейской образованности, словомъ ученый теоретикъ въ лучшемъ значеніи этого слова, другой, вынесшій скудныя юридическія познанія изъ русскаго университета, всю жизнь потомъ прокопавшійся въ архивахъ, въ разнаго рода историческихъ и юридическихъ документахъ и вынесшій оттуда, вѣрное или невѣрное, это другой вопросъ, но зато живое воззрѣніе на русскую старину и знаніе подавляющаго множества фактовъ [229]). Этотъ характеръ обоихъ всецѣло отразился въ ихъ разборахъ: Н. И. Крыловъ возра-

---

[228]) См. рук. И. Д. Бѣляева Моск. Пуб. и Рум. Муз., № 1869; намъ удалось найти собственноручныя подлинники этихъ статей въ рук. Ив. Дм., что и раскрываетъ эти иниціалы, до сей поры неизвѣстные.

[229]) Пет. Ник. Мрочекъ-Дроздовскій разсказывалъ намъ слѣд. случай: Ив. Дм. былъ постоянный посѣтитель славянофильскихъ кружковъ; тамъ, между прочимъ, когда подняли однажды вопросъ о сельской общинѣ, Ив. Дм. представилъ экспромтомъ цѣлое изслѣдованіе объ ней, приведя массу фактовъ, почерпнутыхъ изъ всевозможныхъ источниковъ печатныхъ и рукописныхъ; всѣ были въ восторгѣ отъ ясности и богатства мыслей и фактовъ въ словахъ Ив. Дм. Послѣ бесѣды Хомяковъ сталъ неотступно требовать, чтобы Ив. Дм. изложилъ свой взглядъ въ статьѣ, что это будетъ великолѣпное изслѣдованіе и т. д. Ив. Дм. отказался, говоря, что теперь онъ и самъ не можетъ припомнить всѣ ссылки, которыя въ горячей бесѣдѣ какъ-то сами собой являлись, а что собрать ихъ по документамъ, которые когда-либо приходилось читать, онъ и самъ не возьмется, силъ не хватитъ.

жаетъ противъ теоретической основы труда Чичерина; онъ выясняетъ общую точку зрѣнія Чичерина, указываетъ ея односторонность, указываетъ на отсталость ея сравнительно съ новѣйшими требованіями науки, затѣмъ разсматриваетъ, какъ теоретическая постановка Чичерина отразилась на освѣщеніи цѣлаго ряда фактовъ, освѣщеніи вслѣдствіе этого получившемъ односторонній и даже невѣрный характеръ; въ параллель онъ приводитъ примѣръ подобнаго построенія римской исторіи и странные выводы, которые получились бы черезъ это; наконецъ, разбираетъ чисто юридическія понятія Чичерина. Разборъ Ив. Дм. совсѣмъ иного характера: шагъ за шагомъ, съ фактами въ рукахъ, слѣдитъ онъ за выводами Чичерина и, какъ въ спорѣ о сел. общ., указываетъ ихъ малую обоснованность и произвольность толкованія.

Дѣятельность славянофиловъ и ихъ изданій до 1860 г., кажется, можетъ считаться внѣ всякихъ упрековъ и навсегда оставитъ благодарную память по одному вопросу, именно по вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ: они разбирали и теоретическіе вопросы, такъ или иначе, связанные съ положеніемъ крестьянъ на Руси, и всѣ силы употребляли, чтобы отстоять и въ дѣйствительной жизни тѣ стороны, которыя, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствовали сколько нибудь ихъ идеалу; и одно несомнѣнно: въ каждомъ словѣ ихъ лежала искренняя любовь къ младшему брату, терпѣвшему много отъ тяжелыхъ условій, въ которыя онъ былъ поставленъ. Конечно, Ив. Дм. по своему образованію и вообще знаніямъ могъ только разрабатывать теоретическіе вопросы; если онъ и касался болѣе практическихъ, то ограничивался лишь постановкой общей точки зрѣнія на данный вопросъ, внѣ подробныхъ примѣненій его. Ив. Дм. не могъ не принять участія въ крестьянскомъ вопросѣ: сестра Ив. Дм. Ел. Д. Погожева говорила съ грустью намъ, что эта сторона дѣятельности Ив. Дм. совершенно оставлена въ тѣни, а между тѣмъ Ив. Дм. всегда интересовался крестьянскимъ вопросомъ и принималъ живое участіе въ дѣятельности славянофильскаго кружка. [230]) Мы уже указывали, какъ развивалась любовь Ив. Дм. къ русскому народу, отмѣчали, гдѣ проявлялась она, можетъ быть, даже во вредъ его ученому безпристрастію, но лучшимъ свидѣтельствомъ остаются труды Ив. Дм. Уже въ вопросѣ объ общинѣ выработаны были славянофилами основы,

---

[230]) Въ восп. о кн. Черкасскомъ Безсонова въ «Рус. Арх.» 1880 г. приведены слова кн. Черкасскаго, въ которыхъ кн. Черкасскій свидѣтельствуетъ, что онъ многимъ обязанъ въ своихъ взглядахъ и вообще знакомствѣ съ крестьянскимъ вопросомъ Ивану Дм. Мы лично слышали отъ Ив. Ег. Забѣлина, что Ив. Дм. былъ въ кружкѣ Хомякова истиннымъ знатокомъ по вопросамъ русской исторіи и къ нему обращались въ разныхъ вопросахъ. Помѣщеніе сочиненія «Крестьяне на Руси» въ Рус. Бес. указываетъ на значеніе этого труда у славянофиловъ.

которыя впослѣдствіи легли въ основу защиты общины, веденной въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ (прил. къ Рус. Бес.) и др. изданіяхъ и въ 60-хъ годахъ въ „Днѣ“, защиты, которой и по наше время приходится быть во всеоружіи; и здѣсь пришлось И. Дм. поработать для общаго дѣла; но кромѣ исторіи общины Ив. Дм. работаетъ и спеціально по исторіи крестьянъ, мы видѣли уже, что этотъ вопросъ и прежде занималъ славянофиловъ, и что Самаринъ и кн. Черкасскій пытались писать исторію крестьянъ, пытался и К. С. Аксаковъ [231]) но, кажется, всѣ эти попытки не имѣли успѣха именно вслѣдствіе того, что никто изъ помянутыхъ славянофиловъ не былъ историкомъ-ученымъ, а все были болѣе или менѣе дилетантами или если и историками, то философами историками, не привыкшими къ черной работѣ архивиста. Не таковъ былъ Ив. Дм.: онъ именно и былъ силенъ въ послѣднемъ, и его основной трудъ „Крестьяне на Руси“ замѣчателенъ по богатству (для своего, конечно, времени) матеріаловъ: приведемъ слова Ив. Дм. въ письмѣ къ А. Н. Попову: „На чредѣ моихъ занятій на нынѣшній годъ стоитъ исторія крестьянства въ Россіи, которую я кончилъ; это будетъ книга листовъ въ 25 печатныхъ; начало ея уже печатается, и вы увидите его въ первой книгѣ „Рус. Бес.“ нынѣшняго года. Въ этомъ трудѣ своемъ конечно я не судья; но могу только сказать, что мнѣ посчастливилось разобрать множество никому еще неизвѣстныхъ матеріаловъ, относящихся къ сему предмету. Напримѣръ, печатно намъ извѣстны десятка полтора порядныхъ крестьянскихъ записей; а я прочелъ ихъ болѣе ста только за время отъ Уложенія 1649 года до единодержавія Петра Великаго. Кромѣ того я имѣю нѣсколько господскихъ приказовъ управляющимъ и старостамъ, въ которыхъ наглядно изображаются отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ въ разное время. У меня также есть довольно кабальныхъ и поступныхъ записей, въ которыхъ проливается яркій свѣтъ на общественное значеніе крестьянъ; такъ одна поступная, писанная въ 1686 году въ приказной избѣ, свидѣтельствуетъ, что владѣльческія крестьяне имѣли своихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, покупали ихъ и продавали, не спрашиваясь своихъ владѣльцевъ. Вообще матеріалы, находящіеся у меня въ рукахъ, раскрываютъ даже въ печатныхъ памятникахъ много такого, чего прежде нельзя было видѣть [232]) [233]) [234]). Кромѣ этого капитальнаго

---

[231]) Соч. К. С. Акс. т. I.

[232]) «Рус. Арх.» 1886 г. кн. 10 стр. 258—259 (6 янв. 1858 г.).

[233]) Вотъ отзывъ о соч. Бѣляева В. И. Семевскаго, прекрасно характеризующій значеніе, труда Ив. Дм.: «Трудъ Бѣляева былъ замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени, и одного его достаточно для того, чтобъ сохранить благодарную память въ русской исторіографіи объ этомъ ученомъ... по его книгѣ мы всѣ начинали учиться исторіи русскихъ крестьянъ, и до сихъ поръ это единственное сочиненіе, обнима-

труда Ив. Дм. написалъ нѣсколько ст., имѣющихъ болѣе публицистическій характеръ: такъ въ „Рус. Бес,» 1858 г. т. 2, помѣщенъ разборъ „Истор. взгл. на крѣп. сост. Рос.“ и разск. о томъ же пред. въ газ. „Le Nord“ (№ 1 „Жур. земледѣл.“)[235]). Имѣемъ свѣдѣніе и еще объ одной статьѣ Ив. Дм.: отрывокъ письма Чижова, очень любопытный для выясненія роли, которую игралъ въ это время у славянофиловъ Ив. Дм. „Милостивый Государь Ив. Дм.! Приношу Вамъ искреннюю благодарность за присылку статьи изъ Вашей книги. Не понимаю почему ее (?) не пропустилъ Щербининъ; было бы любопытно знать эту причину. Я намѣреваюсь напечатать ее отъ себя въ Спб. вѣдомостяхъ; французскій переводъ готовъ и надняхъ отправляется въ le Nord. Манифестъ о вольности крестьянъ уже подписанъ 19 февраля... Еще благодарю Васъ за „Круговую поруку“ чрезвычайно, окончательно и еще разъ подтверждающую все, что намъ нужно для защиты общественнаго самоуправленія“ [236]) [237]).“ Кромѣ крестьянскаго вопроса Ив. Дм. въ „Рус. Бес.“ занимался и другими. Изъ письма Чижова мы видимъ ст. Ив. Дм. „О круг. пор.“ представляющую, собственно говоря, исторію общины въ одной изъ ея существенныхъ сторонъ: это какъ бы заключеніе статьямъ о сельской общинѣ. Еще за это время имѣемъ одну ст. въ „Истор. чт. рус. яз. и слов.“ (1857 г.) „Данилъ Митр. Москов.“ и этимъ исчерпываются собственно историческія произведенія Ив. Дм. Дѣло въ томъ, что въ это время Ив. Дм. кромѣ „Кр. на Руси,“ отнявшихъ не мало вре-

---

ющее всю ихъ прошлую жизнь до начала XIX вѣка. Нужно, замѣтить однако, что Бѣляевъ вовсе не даетъ намъ исторіи всѣхъ разрядовъ крестьянъ, на которые они постепенно раздѣлились. Не смотря на заглавіе, заставляющее ожидать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исторіею, хотя бы и сжатою, всего крестьянскаго сословія, мы встрѣчаемъ въ концѣ труда заявленіе, что цѣль автора: «состояла только въ томъ, чтобы на основаніи памятниковъ, показать постепенное развитіе той болѣзни нашего общества, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостнаго состоянія» (стр. 302, 2-го изд.). Съ этой точки зрѣнія, на сколько могъ въ то время, прекрасно исполнилъ свою задачу: онъ даетъ даже болѣе того, что обѣщаетъ въ приведенныхъ словахъ, такъ какъ во первыхъ подробно говоритъ о времени, предшествовавшемъ крѣпостному праву, а во вторыхъ въ эпоху его существованія (въ XIII и въ XVIII вѣкѣ) касается иногда и не крѣпостныхъ, напр.; нерѣдко говоритъ о крестьянахъ, принадлежащихъ духовенству, къ сожалѣнію не выдѣляя ихъ въ особые очерки». См. «Рус. мысль» 1881 г. ст. «Ист. Кр. въ Рос.» кн. 2 стр. 226, въ рук. Ив. Дм., хр. въ Мос. Пуб. и Рум. муз. находимъ отрывокъ его собственнаго разбора «Кр. на Руси;» вотъ что между прочимъ тамъ говоритъ Ив. Дм.: «въ этой книгѣ, вышедшей какъ нельзя болѣе кстати по случаю всѣхъ занимающаго крестьянскаго вопроса, авторъ со всѣми подробностями, по древнимъ и новымъ памятникамъ, прослѣдилъ постепенное измѣненіе значенія крестьянъ въ Русскомъ обществѣ» См. № 1869.

[234]) О печатаніи книги и о награжденіи Ак. Н. см. письмо къ А. А. Куникy Прил. II.

[235]) Подлинникъ, писанный рукой И. Дм. въ рук. Ив. Дм. хран. въ Мос Пуб. и Рум. Муз. № 1869.

[236]) См. рук. Ив. Дм. хран., у Ельп. Вас. Барсова: письма № 8 (отъ 24 Января 1861 г.) Статьи мы не могли отыскать, въ Le Nord помѣщенъ цѣлый рядъ статей

мени, а также диссертаціи „О насл. безъ завѣщ.“ [238]), о которой сейчасъ скажемъ, читалъ лекціи въ университетѣ и задумалъ гиганскій трудъ написать русскую исторію. Въ рукоп. Ив. Дм., хранящихся въ Моск. Пуб. и Рум. Муз., мы находимъ подготовительныя работы Ив. Дм., это нѣсколько редакцій внѣшней русской исторіи до Петра, которыя означены Викторовымъ, какъ „Рус. исторія, отъ начала Русской земли до смерти Петра Великаго, по княж. и потомъ по царств.“ [239]); мы имѣемъ возможность судить по этимъ отрывкамъ о порядкѣ работы Ив. Дм.: онъ сначала дѣлалъ краткій пересказъ событій рус. исторіи и затѣмъ дѣлалъ болѣе полные очерки, которые отчасти и появились въ „Народ. чтеніи“ за 1859 и 1860-й г. Послѣ этого Ив. Дм., воспользовавшись повидимому предшествующими опытами построенія рус. исторіи, напечатанными во „Времен.“ обработалъ первую половину древнѣйшаго періода рус. исторіи, которую и издалъ въ 1861 г. Чтобы покончить съ

объ освобожденіи крестьянъ и вообще о крѣпостномъ состояніи; см. «Крест. вопр.» Межова стр. 353. Также не находимъ ст. Чижова и въ «Спб. Вѣд.»; вѣроятно и тамъ непропустили.

[237]) Друг. ст. см. въ прилож. I. Ив. Дм. чрезвычайно интересовался крестьянскимъ вопросомъ и это выражалось между прочимъ въ томъ, что онъ какъ говорится, тряхнулъ стариной. Въ рук. его, хран. въ Мос. Пуб. и Рум. муз. № 1868, находимъ особое сказаніе (помѣчено 28 ноября 1856 г.) «Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!» Приведемъ заключительныя слова; «Молитва же крестьянская Царю Небесному, чтобы благословилъ царя нашего на дѣло важное, чтобы послалъ ему добрыхъ совѣтниковъ, бояръ разумныхъ. Молитва ко Господу, Онъ услышитъ моленія усердныхъ и благословитъ Своего избранника, радость нашу, царя-батюшку, на дѣло великое, на свободу крестьянскую. И обновится святая Русь, зацвѣтетъ трудомъ вольнымъ, польются богатства» и такъ далѣе. Здѣсь же находимъ и собственноручные стихи Ив. Дм., подъ складъ народныхъ произведеній: «Зачиналася зарождалася»:

«Нова долюшка крестьянская,
Доля новая, молёная,
У Господа Бога прошенная;
Наканунѣ дня Николина
Государь, Царь-батюшка,
Александръ свѣтъ Николаевичъ,
Писалъ грамоту великую
Ко всѣмъ боярамъ, ко помѣщикамъ:
Вы-ль бояре, вы-ль помѣщички,
Слуги мои вѣрные, надёжные,
Собирайтесь по уѣздамъ, по губерніямъ
И вы думайте думу крѣпкую,
Думу крѣпкую великую
Какъ уладить со крестьянами и т. д.»

Есть и еще одно стихотвореніе такого же рода: «Нижегородскимъ дворянамъ:»

«Какъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ
Собиралися помѣщики,
Собиралися они, съѣзжалися,
Думу думали крѣпкую, великую».

У г. Эксъ'а (Чебышева-Дмитріева ст. Лыкова «Рус. ист. библіогр.» т. II. «И. Д. Бѣляевъ») въ его оч. и замѣт. «На полъ пути» читаемъ: «однажды онъ (И. Д. Бѣляевъ) читалъ мнѣ написанную имъ пѣсню въ древне-русскомъ складѣ, вещь весьма хорошую. Не знаю, сохранилась ли она въ бумагахъ покойнаго; знаю только, что онъ не предназначалъ ее для печати, да по содержанію своему она, кажется, и не могла пройти сквозь цензуру, потому что (если не обманываетъ меня память), направлена была противъ тогдашняго генералъ-губернатора гр. Закревскаго» стр. 325. Не объ этихъ ли стихотвор. идетъ рѣчь?—см. рук. Моск. Пуб. и Рум. Муз. № 1868.

[238]) Въ «Ж. М. Ю.» 1860 г. № 2 помѣщ. еще ст. по судопроизводству «О выз. въ судъ по древ. зак. до Уложенія».

[239]) См. Викторова: «Собр. рук. И. Д. Бѣл.» стр. 121 (описаніе собственныхъ рукописей Ив. Дм. очень поверхностно ср. прил. I.)

трудами Ив. Дм. за этотъ періодъ его жизни упомянемъ еще о публицистическихъ статьяхъ Ив. Дм. въ „Рус. Бес." за 1857 и 1858 г.г.: „Приходъ", „Кварталъ", „Городъ и Деревня"; всѣ эти статьи однородны: въ нихъ содержится горячій призывъ къ самодѣятельности, къ тому, чтобы люди не заботились только о своихъ выгодахъ и мелкихъ житейскихъ дрязгахъ, а, памятуя законъ Христовъ, вносили во всѣ свои отношенія великое начало христіанской любви: „свѣту, побольше свѣту!", такъ заключаетъ эти статьи Ив. Дм. [241]) [242]). Наконецъ въ „Молвѣ" по свидѣтельству человѣка, близко стоявшаго къ Ив. Дм., было напечатано нѣсколько очерковъ Ив. Дм., конечно, при соблюденіи строжайшей тайны объ именп автора; эти очерки „Богомольцы и богомолки" — приведемъ слова того же близкаго человѣка—отличаются „большимъ мастерствомъ разсказа, мягкимъ колоритомъ и чарующею задушевностью, теплотою чувства" [243]).

Такова была учено-литературная дѣятельность Ив. Дм.; въ то же время Ив. Дм., камъ мы сказали, продолжалъ чтеніе лекцій: съ содержаніемъ ихъ мы познакомились уже въ предшествующей главѣ, теперь приведемъ свидѣтельство его ученика о самомъ устномъ ихъ изложеніи: „Бѣляевъ былъ плохой разговорщикъ и уже совсѣмъ не ораторъ на каѳедрѣ: лекціи свои, не блестящія по изложенію и крайне сухія по содержанію, онъ читалъ слово въ слово по заранѣе написаннымъ тетрадкамъ" [244])... Собственно служба Ив. Дм. проходила мирно, хотя въ то время уже были партіи, какъ и ранѣе, въ средѣ профессоровъ и къ одной изъ этихъ партій—Шевыревской, принадлежалъ и Ив. Дм.; впрочемъ, онъ всегда старался держаться въ сторонѣ, хотя борьба страстей, какъ мы уже видѣли, отчасти отразилась на его критическихъ разборахъ. Этою борьбой и должно объяснить тѣ газетные толки, которые поднялись по случаю защиты Иваномъ Дм. магистерской диссертаціи: говорили объ устройствѣ диспутовъ такъ, что не всѣ могутъ возражать и т. д., конечно, намекая на заранѣе подготовленное съ извѣстною цѣлью дѣло [245]).

---

[240]) Подписано Б., но ср. «Указ. къ Рус. Бес. и Моск. сбор.» И. Бартенева въ «Рус. Арх.» 1893 г. также подлинники въ рук. И. Д., хран. въ Моск. Пуб. и Рум. муз. ср. Эксъ'а (Чеб.-Дм.) стр. 355.

[241]) См. прил. I.

[242]) Ср. Эксъ'а (Чебышева-Дмитріева) «На полъ пути» стр, 354.

[243]) Ibidem стр 355.

[244]) Ibidem.

[245]) См. «Дисп. въ Моск. Ун.» въ «От. Зап.», т. CXIX, отд. III, стр. 45—52; «Отч. о дисп. въ унив. 5 іюня (Бѣляева)», «Моск. Вѣд.», 1858, № 74, стр. 678—680. «Русскій Вѣстн.», т. XV (№ 11, Іюнь, кн. 1), стр. 196.—«Ж. М. Н. Пр., ч. XCIX», стр. 30 — 35. — «Нѣск. объясн. по пов. отч. о дисп. г. Бѣляева» С. В. Ешевскаго, «Моск. Вѣд.», лит. отд. № 75, стр. 301—303.—Судя по разбору диссертаціи, см. «Отеч.

Какъ бы то ни было, въ формулярѣ Ив. Дм. значится: „1858 г., іюня 5, по надлежащему испытанію и согласно удостоенію Совѣта Моск. Унив. Г. Мин. Нар. Просв. утвердилъ“ Ив. Дм. „въ степени магистра гражданск. пр.“ [246]). Послѣ этого Ив. Дм. сначала былъ утвержденъ адъюнктомъ, а 1860 г. 23 ноября, по приказу Мин. Народн. Просв. утвержденъ исправ. должн. экстраорд. проф. [247]). Въ это время кромѣ ученыхъ занятій, Ив. Дм. постоянно бывалъ въ кружкахъ славянофиловъ и изъ его ученой дѣятельности можемъ судить о значеніи его для нихъ: они были сильны общимъ образованіемъ, Ив. Дм. спеціальнымъ и, конечно, взаимно другъ другу помогали.

Къ сожалѣнію, точнѣе установить отношенія ихъ за утратой переписки нѣтъ возможности: мы могли воспользоваться лишь однимъ письмомъ Конст. Серг. Аксакова, написаннымъ по поводу кандидатуры К. С. Аксакова на каѳедру рус. слов. въ Моск. Унив., хлопотать о которой предлагалъ Ив. Дм.; письмо написано въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ, указывающихъ на близость Ив. Дм. къ Конст. Серг. [248]). Кромѣ славянофиловъ Ив. Дм., какъ профессоръ, завелъ многочисленныя знакомства среди студентовъ и товарищей-профессоровъ, а также знатоковъ старой письменности; въ ихъ кружкѣ, который собирался у Ив. Дм. запросто, и короталъ свой досугъ Ив. Дм. Такъ проходила его жизнь:

Зап.», т. CXIX. отд. III, стр. 81 — 89 (Л.), т. е. Ешевскаго, см. пред. къ I т. полн. собр. соч. Ешевскаго и «Атеней» 1859 г., № 3, ч. 1, стр. 370—401. (Дмитріева), диссертація была довольно слаба: Ив. Дм. не давалась теоретическая подготовка, недоставало солиднаго юридическаго образованія; это, можно сказать, общій голосъ. Вотъ что находимъ у Экс'а (Чебышева — Дмитріева), человѣка, безусловно расположеннаго къ Ив. Дм.: «При своихъ громадныхъ познаніяхъ по исторіи древне-русской жизни и до-петровскаго права, онъ былъ скорѣе начетчикомъ, нежели ученымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ зналъ только русскіе памятники, — правда, онъ зналъ ихъ, какъ свои пять пальцевъ, но зато все новѣйшее движеніе историко-юридической литературы на западѣ Европы оставалось ему совершенно неизвѣстнымъ. У него не было солиднаго общаго образованія и въ его сужденіяхъ обо всемъ, что выходило изъ круга его спеціальности, блестѣлъ не возвышенный взглядъ европейски-просвѣщеннаго человѣка, а слышался не болѣе, какъ здравый смыслъ простого русскаго человѣка», см. «На полъ пути», стр. 353—354.

[246]) См. Арх. Имп. Моск. Ун. Дѣл. Сов. № 311, за 1873 г. и № 466, за 1852 г.— Протокола совѣта за время экзамена Ив. Дм. не сохранилось въ Арх. (кстати протоколъ съ подписями профес. объ экзаменѣ Чичерина и Никольскаго, см. въ рукоп. И. Д. Бѣляева № 66 (1875), л. 271 и 272 Моск. Публ. и Рум. Муз.

[247]) Ibidem.

[248]) Рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова: письма разн. лицъ № 26. Содержаніе письма состоитъ въ отвѣтѣ на предложеніе Ив. Дм. ходатайствовать о профессурѣ К. С.; К. С. Аксаковъ говоритъ, что онъ не хочетъ подать просьбы въ Совѣтъ, разъ подавъ въ факультетъ, «можетъ имѣть вопъ, что я напрашиваюсь силою, что я жалуюсь Совѣту на факультетъ». К. С. считаетъ достаточнымъ заявленія на засѣданіи факультета о желаніи К. С. занять каѳедру. Подпись: Искренне Васъ любящій и глубоко уважающій Константинъ Аксаковъ. Августа 19 (1857)», а, извѣстно, что въ устахъ К. С. это значило болѣе, чѣмъ простыя слова.

работа надъ любимымъ предметомъ, чтеніе лекцій, да дружеская бесѣда, и изрѣдка посѣщеніе „свѣта“, будь то засѣданіе общества или гостиная какого-нибудь московскаго барина—вотъ и все разнообразіе; жизнь окончила періодъ борьбы и вступила на ровную дорогу, ведущую къ общей всѣмъ цѣли [249]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣдніе годы Ив. Дм. (1860 — 1873 г.) [250]).

Въ началѣ 60-хъ годовъ, передъ тѣмъ, какъ совершилось величайшее событіе въ исторіи русской жизни за это столѣтіе, смерть похитила Хомякова и К. С. Аксакова; еще раньше сошли въ могилу бр. Кирѣевскіе. Во главѣ славянофильскаго кружка остались И. С. Аксаковъ и, до извѣстной степени, Ю. Ѳ. Самаринъ, и много лицъ, причислявшихъ себя и при-

[249]) «И. Д. Бѣляевъ хоть и вступилъ впервые на университетскую каѳедру уже въ мое время, но по всему своему складу принадлежалъ къ порядкамъ добраго, старого времени. За это онъ всегда былъ особенно дорогъ моему сердцу. Старый холостякъ, простодушный, какъ младенецъ, чуждый всякихъ свѣтскихъ условій приличій, недоступный голосу тщеславія и честолюбія, не знавшій никакихъ развлеченій, незнакомый съ комфортомъ жизни, вѣчно зарытый въ своихъ рукописяхъ и книгахъ, безкорыстно и беззавѣтно преданный изученію русской исторіи,—И. Д. Бѣляевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ аскетовъ науки, которые переводятся теперь даже въ Москвѣ; это былъ (какъ выразился про него одинъ его пріятель) «евангельскій человѣкъ». Кто его зналъ, тотъ не могъ не любить его и не уважать. Какъ теперь вижу я его невидную, некрасивую, вѣчно наклоненную впередъ фигуру съ вихристой головой и кривой ногой. Какъ живой рисуется онъ передо мною, когда онъ, бывало, выплялъ на лекцію въ университетъ въ картузѣ и камлотовой шинели, или когда, бывало, на вечернихъ сходкахъ въ домахъ своихъ собратьевъ по службѣ или литературѣ, «прифрантившись» въ поношенный сюртукъ, въ какой-нибудь клѣтчатый жилетъ, съ серебряной луковицей въ карманѣ и въ миткалевой манишкѣ безъ воротничковъ. Замѣчательно, что, несмотря на всю его чудаковатую внѣшность, въ немъ не было ничего смѣшного, ничего рѣжущаго глазъ,— можетъ быть потому, что въ немъ не было ничего напускного, дѣланнаго. Онъ былъ простъ въ обращеніи и одинаковъ всегда—сидѣлъ-ли онъ въ своемъ убогомъ кабинетѣ, среди своихъ учениковъ-студентовъ, или находился въ какомъ-нибудь великолѣпномъ салонѣ московскаго мецената. Онъ не зналъ тѣхъ различій въ обхожденіи съ людьми, смотря по ихъ общественному положенію, на которыя такъ изобрѣтателенъ русскій человѣкъ, по замѣчанію Гоголя» (стр. 349—350). «Я сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ этихъ воскресеній, на которыхъ, кромѣ студентовъ, я чаще другихъ встрѣчалъ: неистощимаго и мастерского разсказчика, нашего извѣстнаго ученаго И. М. Снѣгирева, вѣчно со своимъ Владиміромъ на шеѣ; знаменитаго библіофила В. М. Ундольскаго, который подавлялъ самого Ивана Дмитріевича необъятнымъ знаніемъ древней русской письменности; рано погибшаго для русской науки и литературы Ил. В. Бѣляева; И. А. Безсонова и нѣкоторыхъ другихъ знатоковъ и любителей русской исторіи» (стр. 353). См. «На полъ пути» Экс'а (А. Чебышева-Дмитріева).

[250]) Матеріаломъ для этой главы, кромѣ печатнаго, который будетъ указанъ въ своемъ мѣстѣ, послужили рук. Ив. Дм., хран. у Ельп. Вас. Барсова, равнымъ образомъ рук.. хран. въ Моск. Публ. и Рум. Муз.; воспользовались также свѣдѣніями Арх. Имп. Моск. Унив.

числяемыхъ; отлетѣла основа кружка, не успѣвъ поставить прочно и опредѣлить принципы своего ученія, не говоря уже о проведеніи ихъ въ жизнь; задача осталась почти открытой и все болѣе и болѣе усложняющейся, такъ какъ жизнь не ждала и съ каждымъ днемъ давала все новыя и новыя явленія, выставляла новые и новые вопросы. Не было почти ничего выработаннаго въ подробностяхъ и, так. обр., открывалось широкое поле толкованіямъ, и достаточно взглянуть на разнообразіе мнѣній разныхъ лицъ, такъ или иначе, и каждый по своему раздѣляющихъ ученіе первыхъ славянофиловъ, чтобы увидѣть, что толкованіемъ пользовались довольно широко. Исторія славянофильства не теоретически-философскаго, а славянофильства, какъ общественной, публицистической партіи (не скажемъ политической) ждетъ своего историка. Мы укажемъ, что Ив. Дм. продолжалъ поддерживать связи съ остатками славянофильства и участвовалъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ въ Аксаковскомъ „Днѣ“; но, разсматривая статьи Ив. Дм., невольно замѣчаешь ослабленіе таланта его: въ самомъ дѣлѣ, Ив. Дм. затрогиваетъ многіе вопросы, интересовавшіе тогда общество, но нѣтъ широкой постановки ихъ, когда въ каждомъ частномъ явленіи видишь проявленіе общаго начала. Все объяснится, по нашему мнѣнію, въ нѣсколькихъ словахъ: тогда вырабатывалась основа ученія, его основныя положенія; теперь этого не въ силахъ были дѣлать: самое бо̀льшее, что ставили какую-нибудь замѣтку, дополненіе въ частномъ случаѣ. Вотъ отъ этого въ „Днѣ“ мы и не найдемъ вообще тѣхъ чертъ, какими отличались изданія первыхъ славянофиловъ. Въ своихъ трудахъ Ив. Дм. касался главнымъ образомъ житейскихъ вопросовъ: идетъ споръ объ общинномъ землевладѣніи—Ив. Дм. пишетъ письмо, гдѣ разъясняетъ юридическую конструкцію его, неясно сознаваемую противной стороной; затрогивается ли вопросъ, касающійся такъ или иначе русскаго народа, его національной особенности, самостоятельности—Ив. Дм. спѣшитъ откликнуться и сказать свое мнѣніе, привести историческій примѣръ. Но во всей этой дѣятельности есть одна сторона въ высшей степени симпатичная: Ив. Дм. является продолжателемъ и развивателемъ мыслей, высказанныхъ имъ еще въ ст. „Рус. Бес.“, т. е. поборникомъ общественной самодѣятельности и горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ просвѣщенія: читая ст. его о народныхъ школахъ или превосходную ст. въ №№ 50 и 52 „Дня“ 1862 года: „Своевременна ли отмѣна тѣлесн. нак. въ Рос. въ наст. пору“, (эта ст. получаетъ особый смыслъ, если вспомнимъ, что то время было канономъ судебной реформы); невольно проникаешься уваженіемъ къ личности Ив. Дм., съ такой ясностью и сердечной теплотою излагавшаго свои человѣчныя убѣжденія—въ этомъ несомнѣнная заслуга Ив. Дм. Но рядомъ съ этимъ

мы замѣчаемъ въ Ив. Дм. нѣкоторую нетерпимость: можно увидѣть ее и въ ст. о „Вѣстн. Юго-зап. Рос.“, можно увидѣть и въ неизданной ст. о собств. третьей кн. „Разск. изъ рус. ист.“, Ив. Дм. [251]), хотя, опять должны сказать, эта нетерпимость никогда не переходила въ фанатизмъ; для этого Ив. Дм. былъ слишкомъ христіанинъ. Замѣтно начинаетъ преобладать и особый характеръ въ трудахъ Ив. Дм.: они болѣе и болѣе останавливаются на вопросахъ, такъ или иначе затрогивающихъ религіозную жизнь и въ частности жизнь духовенства. Это направленіе постепенно захватываетъ Ив. Дм. и отдаляетъ (?) отъ тогдашняго славянофильства: Ив. Дм. возвращался къ той средѣ, гдѣ росъ въ молодости, въ которой прожилъ въ тѣсномъ кругу молодые годы по выходѣ изъ университета; это направленіе выразилось и въ статьяхъ публицистическаго характера, и въ житіяхъ святыхъ, написанныхъ около этого времени Ив. Дм., наконецъ, въ участіи въ духовныхъ журналахъ. Самый кругъ знакомства Ив. Дм. принялъ особый характеръ [252]).

Собственно ученая дѣятельность Ив. Дм. за этотъ періодъ его жизни вся почти сосредоточилась на „Разсказахъ изъ Русск. Истор.“. Мы уже коснулись отчасти этой стороны дѣятельности Ив. Дм., по скольку она восходитъ къ концу 50-хъ годовъ. Тогда мы видѣли только начало ея, во многомъ подготовленное предшествующими трудами Ив. Дм., теперь она получила дальнѣйшее развитіе: кажется въ началѣ, еще въ ст., помѣщенныхъ во „Времен.“, Ив. Дм. думалъ представить исторію Руси, не только внѣшнюю, государственной власти въ связи съ исторіей государства, но и внутреннюю, исторію народной жизни, при этомъ Ив. Дм. тщательно собиралъ всевозможные матеріалы и пользовался ими при изложеніи: черта во всякомъ случаѣ очень цѣнная въ изслѣдованіи. Затѣмъ, Ив. Дм. мѣняетъ свой пріемъ; онъ перестаетъ относиться исчерпывающимъ образомъ къ матеріаламъ, т. е. перестаетъ группировать, ссылаться на него; онъ относительно разсказовъ дѣлаетъ почти то, что сдѣлалъ въ курсѣ истор. рус. законовъ,—онъ задался цѣлью, какъ намъ кажется, представить лишь общій характеръ русской жизни въ разныя эпохи, при чемъ представить этотъ характеръ не путемъ группировки массы фактовъ, а путемъ передачи тѣхъ основныхъ впечатлѣній, какія самъ авторъ вынесъ изъ изученія фактовъ, т. е. мы здѣсь имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ опытомъ художественной исторіи. Таковъ, намъ кажется, былъ общій взглядъ, но въ частностяхъ проведеніе этого взгляда требовало извѣстной выработанной системы и между

---

[251]) См. рук. Ив. Дм., хран. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз. № 1869.
[252]) См. прил. I.

прочимъ рѣшенія вопроса, какъ разсматривать, въ отдѣльности или въ цѣломъ, различныя земли, вошедшія въ составъ собственно-русской земли, сложившейся лишь въ позднѣйшее время. Когда Ив. Дм. приступилъ къ своему труду, то, кажется, онъ не останавливался долго надъ этимъ вопросомъ: въ первой кн. Ив. Дм. разсматриваетъ въ цѣломъ Рус. Землю, что являлось не очень затруднительнымъ въ виду первоначальной скудости извѣстій и того общаго характера, который носитъ вообще этотъ періодъ русск. истор., но уже послѣ Ярослава, съ развитіемъ удѣловъ этотъ вопросъ выступаетъ постепенно; еще излагая внѣшнюю исторію, понимая подъ ней исторію князей, можно по тому или другому началу внести извѣстный распорядокъ, какъ знаменитая родовая система Соловьева; но если мы будемъ обращать вниманіе на внутреннюю исторію, оставляя княжескую власть въ сторонѣ, тогда явится цѣлый рядъ весьма сложныхъ вопросовъ, въ которыхъ необходимо найти руководящую нить. Необходимо оглянуть общій ходъ событій и вообще жизни народа за все существованіе и найти смыслъ его, руководящую цѣль, словомъ составить себѣ общее философское воззрѣніе. Несомнѣнно, что Ив. Дм. сознавалъ эту потребность; въ ст. „Тысячелѣт. Рос.“. („День“ 1862 № 12), указанной нами ст. о Псковѣ и его исторіи, наконецъ, въ ст. „О великорос. племени“ („Сборн. соч. и ст. о Рос.“ Дашкова 1868 г.) мы видимъ именно стремленіе разгадать этотъ смыслъ. Ив. Дм. не пришолъ, по крайней мѣрѣ, судя по имѣющимся трудамъ его, къ вполнѣ ясному рѣшенію и формулировкѣ основныхъ воззрѣній своихъ: но, можно судить по упомянутымъ статьямъ, ему видѣлось въ исторіи что-то стихійное: событія внутренней и внѣшней жизни шли подъ воздѣйствіемъ факторовъ, но сами факторы эти, самая жизнь народа являлись выраженіемъ или лучше сказать орудіемъ Высшей Воли, руководившей ими; въ этомъ взглядѣ Ив. Дм. въ существѣ примыкалъ къ ученію славянофиловъ, какъ тѣ въ свою очередь примыкали къ европейскимъ философскимъ системамъ. Кромѣ того. Ив. Дм. останавливался и ранѣе и теперь на тѣхъ болѣе постоянныхъ формахъ, въ которыя укладывалась жизнь; онъ выступилъ въ то время, когда подъ воздѣйствіемъ западной и отечественной переработки философіи у насъ утвердился взглядъ, придававшій слишкомъ большое значеніе этимъ формамъ [253]) и мы видѣли, что еще въ 1848 г. Ив. Дм. одинъ изъ

---

[253]) Это явленіе, замѣтимъ, чрезвычайно любопытное, кажется, нужно искать въ самомъ характерѣ тогдашней философіи: предшествующее развитіе привело къ понятію личности, обладавшей разумомъ, даровавшимъ такъ или иначе ей полную свободу: но эта свобода граничила съ произволомъ и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалась мнѣомъ: она вся обусловлена была болѣе или менѣе сложными воздѣйствіями,

первыхъ останавливался на элементахъ нашего общества въ разныя эпохи его существованія и ихъ взаимодѣйствіи. Начала, выработанныя частью самостоятельно, частью подъ большимъ или меньшимъ воздѣйствіемъ славянофиловъ, были приняты во вниманіе Ив. Дм.: и так. обр. составлялась мало по малу гигантская схема, своеобразное проявленіе которой въ исторической жизни русскаго народа и составляло его исторію. Но, какъ мы указали нѣсколько выше, въ самомъ проявленіи можно найти нѣсколько, если можно такъ выразиться типовъ: общія начала, дѣйствовавшія на всей русской землѣ, принимали своеобразный видъ смотря по краю, гдѣ они проявлялись; это и принялъ въ соображеніе Ив. Дм. Пришелъ ли онъ къ этому самостоятельно или его натолкнула на это исторія отдѣльныхъ княжествъ у Погодина, или наконецъ, проявившееся тогда стремленіе разрабатывать областную исторію и вообще интересъ къ областному элементу въ Русской Исторіи, мы не можемъ рѣшить; знаемъ, что Ив. Дм. придавалъ большое значеніе своему новому „методу“, какъ онъ выражался; вотъ что говоритъ С. А. Петровскій, близко знавшій Ив. Дм.: „Ив. Дм. задумалъ планъ обширнаго труда— объяснить исторію Московскаго государства, возвеличенія Москвы въ сердце и столицу Россіи, объяснить успѣхъ и объединеніе всѣхъ русскихъ княжествъ подъ властію московскихъ князей“. „Чтобы понять естественное приростаніе къ Москвѣ одного княжества за другимъ, одной области за другою, чтобы уяснить слабость сопротивленія ихъ, а подъ часъ и добровольное тяготѣніе къ центру—къ Москвѣ, желаніе слиться съ нею“, обыкновенно говаривалъ онъ, „надо разсмотрѣть исторію бывшихъ отдѣльныхъ, независимыхъ княжествъ, кольцомъ окружающихъ Москву, посмотрѣть на ихъ судьбу, отношенія къ сосѣдямъ русскимъ и не русскимъ, православнымъ и иновѣрцамъ, посмотрѣть на прочность и крѣпость ихъ внутренняго быта и отсюда уже перейти къ окончательному акту—потерѣ ими самостоятельности и слитію съ Москвой“ [254]). Достаточно сравнить эти слова Ив. Дм. со статьей его „Тысяч. Россіи“, чтобы увидать, что это лишь часть плана, что Ив. Дм. не говоритъ о начальной исторіи, не говоритъ объ исторіи объединеннаго Московскаго государства [255]). Здѣсь мы ясно видимъ, что Ив. Дм. дѣ-

---

законами: вотъ эти то законы и старалась установить сначала реакціонная философія, особенно Гегель, а потомъ цѣлый рядъ вышедшихъ изъ нея философскихъ системъ: личность—орудіе Бога или природы, родъ, община и т. д. это ближайшее проявленіе вѣчныхъ законовъ.

[254]) см. «Отч. и рѣчи, произ. въ тор. соб. Имп. Моск. Ун». 1881 г. рѣчь С. А. Петровскаго, стр. 66.

[255]) Москву Ив. Дм. особенно любилъ; черта общая ему со славянофилами, Петебургъ же крѣпко не долюбливалъ: вотъ что писалъ ему теперь одинъ изъ извѣ-

лалъ предметомъ разсмотрѣнія не только внѣшнюю, но главнымъ образомъ внутреннюю жизнь отдѣльныхъ земель, так. обр. особенно важнымъ для него явилось разсмотрѣть исторію отдѣльныхъ областей и княжествъ, найти смыслъ ея и сравнивая одни съ другими выяснять смыслъ всей исторіи. Когда Ив. Дм. ясно представилъ себѣ это, то не остановился даже передъ важной жертвой: онъ оставилъ готовый томъ разсказовъ изъ русск. исторіи, обнимавшій періодъ монгольскаго нашествія; онъ хранится въ собственноручной рукописи Ив. Дм. въ Моск. Публ. и Рум. Муз. № 1866 и былъ совершенно готовъ къ печати, когда, повидимому, Ив. Дм. измѣнилъ свой планъ: отдѣлы этой части (собственно она представляетъ вторую половину первой книги) въ переработанномъ видѣ послужили основой для слѣдующихъ кн. „Разск. изъ русск. истор.“, вышедшихъ позже [256]). Отдѣльныя части которыя впослѣдствіи, по всему вѣроятію, разрослись бы въ цѣлыя книги, лежатъ до сихъ поръ неизданными. Этотъ трудъ, опять скажемъ, составилъ основаніе всей послѣдующей дѣятельности по русской исторіи Ив. Дм.; обработывая сначала общій очеркъ внѣшней исторіи, Ив. Дм. распространялъ его и приступалъ къ очерку внутренней жизни за тотъ или другой періодъ; это составляло подготовительныя работы, которыя печатались въ различныхъ журналахъ по частямъ; потомъ, когда Ив. Дм. обрабатывалъ весь отдѣлъ, къ которому, какъ часть, относился тотъ или другой очеркъ, онъ издавалъ книгу разсказовъ, гдѣ находимъ и эти отдѣльные очерки. Такъ шла работа у Ив. Дм. и на серединѣ ея его застигла смерть. (Какъ извѣстно, Ив. Дм. окончилъ Полоцкомъ, кажется, судя по отдѣльнымъ очеркамъ, трудъ Ив. Дм. шелъ гораздо далѣе; но до насъ не сохранилось даже отрывковъ его за болѣе позднее (съ 60-хъ годовъ) время. Родные Ив. Дм. передавали намъ слова Ив. Дм., что онъ уже добирается до Екатерины и дѣйствительно очерки доходятъ до этого времени (см. „Библ. для чт.“ 1865 г. № 3, стр. 57—97), но какъ понимать слова Ив. Дм.? Была ли доведена и основная разработка до этого времени, или Ив. Дм. имѣлъ въ виду лишь отдѣльные очерки? Во всякомъ случаѣ много рукописей погибло: уже въ 70-хъ годахъ около Ив. Дм. (онъ жилъ въ домѣ своихъ одно-

---

стнѣйшихъ проф. Пет. Унив., только что перешедшій тогда изъ Москвы: «городомъ этимъ (Петербургомъ) весьма доволенъ и даже надѣюсь Васъ съ нимъ примирить; но для этого Вамъ надо къ намъ пріѣхать. Условіе необходимое! Не увидѣвъ собственными глазами Вы не говорите, что Санктъ Петербургъ городъ (не?) русскій, а это такъ...» см. рук. Ив. Дм., хрон. у Ельп. Вас. Барсова, письма разн. лицъ № 20.

[256]) Втор. часть перваго тома состояла изъ разск. 12—21 включительно см. рук. И. Д. Бѣляева, хран. въ Моск. Пуб. и Рум. Муз. № 1866, ст. 1—246. (Подъ этимъ же № рядъ отрывковъ).

фамильцевъ, что и подало поводъ считать Ив. Дм. домовладѣльцемъ) было два пожара и рукописи просто были выброшены на улицу и конечно, много утерялось). Кромѣ трудовъ по рус. исторіи Ив. Дм. принималъ участіе въ другихъ отрасляхъ наукъ. Такъ шли занятія Ив. Дм. въ образовавшемся тогда при Моск. Ун. „Общ. люб. естеств.“ именно по отдѣлу антроп. и этногр.; впрочемъ Ив. Дм. работалъ лишь по общимъ историческимъ вопросамъ, насколько они затрогивали спеціальныя занятія общества. Подъ конецъ жизни Ив. Дм. былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣленія антр. и этногр. этого Общества. [257]).

Кромѣ этихъ занятій Ив. Дм. читалъ лекціи въ университетѣ: онъ, послѣ одобренія и защиты написанной имъ ранѣе диссертаціи („Крестьяне на Руси“) въ 1865 г. получилъ степень доктора гражд. пр. и утвержденъ орд. пр. [258]). Помимо профессорства Ив. Дм. несъ и другія обязанности по университету: такъ онъ былъ избранъ универс. судьей (1867 г. Іюля 23); попечителемъ бѣдныхъ студ. (1868 г. Февр. 24 по избр. унив. совѣта); наконецъ, секретаремъ юридическаго факультета (съ 1867 г.) [259]). Сверхъ лекцій Ив. Дм. очень любилъ дѣлиться своими познаніями со студентами: мы видѣли уже, какъ доступенъ былъ Ив. Дм. (см. восп. Эксъ'а [Чебышева-Дмитріева]), изъ воспоминаній объ Ив. Дм., изъ многочисленныхъ писемъ къ нему его бывшихъ слушателей [260]), которымъ онъ никогда не отказывалъ въ своей посильной помощи, мы знаемъ объ этой въ высшей степени дорогой чертѣ Ив. Дм. Въ рукописяхъ его сохранились цѣлыя тетради, гдѣ записано, что дано такому-то и такому-то студенту изъ книгъ, рукописей и т. д. [261]). Ив. Дм. особенно любилъ, когда студенты занимались чтеніемъ послѣднихъ и охотно разъяснялъ непонятное; онъ этимъ подготовлялъ ихъ къ архивнымъ занятіямъ, которымъ самъ, какъ мы видѣли, посвятилъ лучшую пору своей жизни. Вотъ то немногое, что извѣстно намъ объ Ив. Дм. Бѣляевѣ.

---

[257]) «Объ обществахъ, въ котор. участв. Ив. Дм. см. «Отч. и рѣч., произ. въ торж. собр. Имп. Моск. Ун. 1874 г.» рѣчь С. А. Петровскаго стр. 68. Также о трудѣ Ив. Дм. о доходахъ Моск. гос., изд. позже. Изъ другихъ ст.: «О судѣ намѣст. въ др. Руси» (Юр. Журн. 1861 г. кн. 7, 8 и 9); «Зем. соб. на Руси» (см. также «Отч. и рѣчи» Моск. Ун. 1867 г.).

[258]) См. Арх. Имп. Моск. Ун. Дѣла сов. № 311 за 1873 г. и № 466 за 1852 г.

[259]) Ibidem.

[260]) См. «Моск. Вѣд.» 1873 г. № 306, стр. 4; также др. некрологи и рѣчи объ Ив. Дм.: Петровскаго, въ «Гражд. 1873 г. № 49 и 1874 г. № 3, «Прав. Об.» 1873 г. № 12 и др. У Ельп. Вас. Барсова въ восп. см. Чт. Имп. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.» 1884 г. № 1 приведены отрывки писемъ: множ. ихъ въ рук. И. Д., хран. у Ельп. Вас. Барсова (см. письма раз. лицъ).

[261]) См. рук., хран. у Ельп. Вас. Барсова.

19 Ноября 1873 г. послѣ тяжкой болѣзни Иванъ Дмитріевичъ скончался. На похоронахъ его было произнесено нѣсколько рѣчей: упоминали о глубокой набожности покойнаго [262]); его любви къ ближнимъ, участіи къ учащейся молодежи и о его честной и тружеической жизни; многочисленные друзья и ученики покойнаго и просто люди, знавшіе и уважавшіе его, служили лучшимъ доказательствомъ правдивости ихъ словъ: очевидцы говорятъ, что трогательно было видѣть, какъ студенты, не смотря на непогоду, несли до послѣдняго жилища тяжелый дубовый гробъ Ивана Дмитріевича. Погребенъ Ив. Дм. на Даниловскомъ кладбищѣ. Отъ души повторимъ слова одного изъ учениковъ Ив. Дм.: „Миръ праху твоему, неутомимый профессоръ, честный труженикъ и просвѣщенный другъ учащейся молодежи!“ („Моск. Вѣд.“ 1873 г. № 306, стр. 4) [263]).

С. А. Гадзяцкій.

---

[262]) Ив. Дм. не пропускалъ ни одной службы церковной см. «Душеп. Чт.» 1874 г. № 1.

[263]) Послѣ Ив. Дм. осталось много старинныхъ рукописей, которыя нынѣ хранятся въ Моск. Публ. и Русск. Муз. (см. Викторова «Собр. рук. Ив. Дм. Бѣл.» и Лебедева: «Собр. юр. ак. Ив. Дм. Бѣл.» о собственныхъ рукоп. Ив. Дм. и матеріалахъ для его біографіи см. Викторова: «Собр. рук. Ив. Дм. Бѣл.» и у насъ прил. I. Библіотека Ив. Дм. поступила въ составъ библ. Влад. епарх.—Кромѣ множ. напеча танныхъ трудовъ послѣ Ив. Дм. осталось нѣсколько отрывковъ, изъ нихъ напеч., что сохранилось «О доход. Мос. гос.» въ Чт. 1884 и 1885 г., также изданы «Лекціи, по ист. рус. законодательства» 1879 г., о прочихъ см. прил. I. До сихъ поръ еще нѣтъ полн. собр. соч. Ив. Дм., хотя уже не разъ высказывалось желаніе имѣть его.

Естественный Законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Дрюммонда.

(Сокращенный переводъ).

ГЛАВА I.

Біогенезисъ.

Имѣющій Сына—имѣетъ жизнь, неимѣющій Сына Божія — не имѣетъ жизни. *Іоаннъ.*

Omne vivum ex vivo.

Гарвей.

Споръ о происхожденіи жизни двѣсти лѣтъ раздиралъ ученый міръ. Двѣ великія школы защищали совершенно противоположные взгляды: одна утверждала, что вещество (матерія) можетъ самопроизвольно породить жизнь, другая же, что жизнь можетъ происходить только отъ прежде существовавшей жизни. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ называемое ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи возродилось снова благодаря Бастіану и цѣлому ряду его опытовъ о возникновеніи жизни. Выражаясь его собственными словами, онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „И наблюденіе, и опытъ, говоритъ онъ, безспорно подтверждаютъ, что живая матерія постоянно образуется съизнова по тѣмъ же самымъ законамъ, которыми опредѣляются всѣ самыя простыя химическія соединенія“. То-есть: жизнь не есть даръ жизни; она можетъ возникать сама по себѣ; она можетъ самопроизвольно зарождаться.

Это заявленіе его вызвало на научное поприще цѣлый рядъ изслѣдователей, и высшіе авторитеты біологической науки снова занялись рѣшеніемъ этого вопроса. Необходимые опыты могутъ быть продѣланы каждымъ человѣкомъ, обладающимъ навыкомъ. Стеклянные сосуды на три четверти наполняются настоемъ сѣна или другого органическаго вещества. Настой этотъ кипятятъ, чтобы убить всѣ живые зародыши и затѣмъ герметически закупориваютъ, заграждая тѣмъ доступъ внѣшняго воздуха. Воздухъ внутри сосуда подвергается въ теченіе нѣсколь-

кихъ часовъ температурѣ кипящей воды, предполагается, что всѣ зародыши въ немъ убиты, а потому въ случаѣ появленія живыхъ существъ внутри сосудовъ они какъ бы зарождаются въ немъ самопроизвольно. Въ опытахъ Бастіана, при всевозможныхъ предосторожностяхъ, предпринятыхъ имъ, чтобы уничтожить всѣ зародыши, въ сосудахъ появлялись миріады живыхъ существъ. И потому онъ утверждалъ, что живыя существа возникали самопроизвольно.

Но рядъ изслѣдователей нашли двѣ важныя ошибки въ его опытахъ. Профессоръ Тиндаль повторилъ тѣ же опыты, но только съ научными предосторожностями, обезпечивающими предосторожностями, которыя составляютъ его собственное открытіе. Онъ пришелъ къ заключенію, что при опытахъ Бастіана неубитые зародыши все таки могутъ оставаться въ воздухѣ внутри сосуда. Если бы воздухъ былъ безусловно чистъ и безъ всякихъ зародышей, могли ли бы возникнуть эти миріады живыхъ существъ? Онъ помѣщалъ свои сосуды въ атмосферѣ безусловно оптически чистой, что считается вѣрнѣйшимъ доказательствомъ полнаго отсутствія зародышей. Ни малѣйшаго слѣда жизни при этомъ не появилось. Онъ видоизмѣнялъ различнымъ образомъ свои опыты, но вещество въ воздухѣ, чуждомъ зародышей, никогда не порождало жизни.

На другую ошибку указалъ Даллингеръ. Онъ нашелъ, что низшія существа, обладаютъ поразительной и неразрушимой живучестью. Многіе изъ нихъ могутъ выживать въ температурѣ гораздо высшей, чѣмъ та, которой подвергалъ ихъ Бастіанъ въ своихъ опытахъ. Нѣкоторые зародыши почти не могли быть убиты, когда ихъ подвергали дѣйствію огня.

Эти опыты положили конецъ спору. Положительное рѣшеніе по этому вопросу существуетъ теперь въ наукѣ. Насколько наука можетъ что нибудь рѣшать, она положительно и безспорно утверждаетъ, что всѣ попытки породить жизнь изъ мертваго вещества потерпѣли полную неудачу. Ученіе о самопроизвольномъ зарожденіи должно быть навсегда оставлено. И всѣ люди науки признаютъ, что жизнь можетъ возникнуть только отъ соприкосновенія съ жизнью. Гексли рѣшительно заявляетъ, что ученіе о Біогенезисѣ, т. е. о возникновеніи жизни только отъ жизни одержало полную побѣду въ наши дни. И Тиндаль, сознаваясь, что онъ желалъ-бы видѣть торжество противоположнаго ученія, принужденъ сказать слѣдующее: „я утверждаю, что нѣтъ ни малѣйшаго достовѣрнаго опытнаго свидѣтельства въ пользу того, что въ настоящее время жизнь можетъ возникнуть независимо отъ предшествующей жизни“.

Болѣе двухъ сотъ лѣтъ подобный же споръ происходилъ и въ религіозномъ мірѣ. Двѣ великія школы и здѣсь защищали два противоположныхъ міровоззрѣнія. Одна утверждала, что духовная жизнь въ человѣкѣ можетъ зародиться только отъ заранѣе существующей жизни, другая, что она можетъ самопроизвольно зародиться.

Различіе этихъ двухъ ученій громадно. Переводя съ языка науки на языкъ религіи, теорія самопроизвольнаго зарожденія сводится къ тому, что человѣкъ, постепенно становясь все лучше и лучше, можетъ наконецъ въ этомъ постепенномъ развитіи достигнуть той степени религіозной природы, которая называется духовной жизнью. Эта жизнь не есть нѣчто присоединяемое извнѣ къ плотскому человѣку, а просто правильное и естественное его развитіе. Біогенезисъ противопоставляетъ этому свое ученіе о возрожденіи. Духовная жизнь есть даръ Живаго Духа. Духовный человѣкъ не есть только плотское существо, достигшее извѣстной степени развитія. Это — новое созданіе, рожденное свыше. Какъ немыслимо ждать, чтобы растворъ сѣна, становясь все болѣе и болѣе жизнеспособнымъ, достигъ наконецъ жизненности, такъ же немыслимо и то, чтобы человѣкъ, становясь все лучше и лучше, достигъ вѣчной жизни.

Приверженицы біогенезиса въ религіи основывали до сихъ поръ всѣ свои доводы исключительно на Священномъ Писаніи. Связь этого ученія съ ходомъ и строемъ природы не была раскрыта и потому, являясь только догматомъ, и, касаясь только сверхъ-естественнаго, она имѣла значеніе лишь въ глазахъ людей, признающихъ это свехръ-естественное.

И люди, пытавшіеся защищать это ученіе о происхожденіи духовной жизни, отлично чувствовали, что они могутъ противопоставить раціоналистической теоріи своихъ противниковъ только авторитетъ Откровенія. Въ подобнаго рода вопросахъ рѣдко можно опираться на доводы опыта, и христіанство въ этомъ отношеніи всегда встрѣчало затрудненіе при опроверженіи притязаній естественныхъ религій. Оно не могло разсчитывать на непосредственный авторитетъ природы, употребляя слово природа въ его узкомъ и ограниченномъ значеніи. Ему по не волѣ приходилось молчать по этому вопросу и единственной опорой апологетовъ могли служить отдаленныя сопоставленія и аналогіи. Но теперь, имѣя возможность опереться на біогенезисъ, христіанство въ самомъ главномъ вопросѣ находитъ, наконецъ, себѣ опору и прочную основу въ законахъ природы. До сихъ поръ въ природѣ не извѣстно было ничего аналогичнаго явленіямъ духовнаго міра. Но въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ біогенезисъ сталъ научнымъ положеніемъ, всѣ вопросы относительно происхожденія жизни приняли

совсѣмъ другой оборотъ. И намъ остается разсмотрѣть, не можетъ ли религія тотчасъ же утвердиться и почерпнуть прочныя основанія изъ этой научной истины.

Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ яркую картину этихъ двухъ великихъ царствъ природы—міра органическаго и неорганическаго, какими они являются теперь при свѣтѣ закона біогенезиса. Что значитъ когда мы говоримъ, что не существуетъ самопроизвольнаго зарожденія? Это значитъ, что переходъ отъ міра минераловъ къ растительному и животному міру герметически закрытъ со стороны минераловъ. Этотъ неорганическій міръ отдѣленъ отъ живого міра преградами, которыя онъ никогда еще не переступалъ. Никакое измѣненіе вещества, никакая перемѣна окружающей среды, никакая химическая реакція, никакое электричество, никакая сила, никакая эволюція не въ силахъ одарить атомъ минеральнаго міра свойствами жизни. Только когда живое существо снисходитъ въ этотъ мертвый міръ, его безжизненные атомы пріобрѣтаютъ жизнеспособность; и внѣ этого предварительнаго соприкосновенія съ жизнью они остаются навсегда въ области неорганическаго міра. Этотъ таинственный законъ охраняетъ врата живаго міра. И ничто въ природѣ такъ не поражаетъ удивленіемъ, какъ зрѣлище этого громаднаго и безпомощнаго міра мертваго вещества, рѣзко отдѣленнаго отъ живаго міра закономъ біогенезиса, и который навсегда самъ по себѣ лишенъ возможности возродиться для жизни. Въ самомъ дѣлѣ; эта рѣзкая черта, проведенная природой, до того поразительна, что наука долго и упорно старалась стереть и уничтожить ее. Біогенезисъ до того противорѣчитъ нѣкоторымъ положеніямъ эволюціи, что нападки на этотъ законъ по своей рѣзкости и многочисленности не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ наукѣ, и однакожь мы видѣли, что онъ побѣдоносно вышелъ изъ этой борьбы, и природа въ глазахъ современныхъ изслѣдователей является рѣзко распавшейся на двое. Физическіе законы могутъ объяснить неорганическій міръ; біологическіе законы могутъ дать понятіе о развитіи органическаго міра. Но наука упорно молчитъ о точкѣ ихъ соприкосновенія, о странной границѣ между мертвой и живой природой. Словно Богъ, вложивъ все небесное и земное въ руки природы, сохранилъ для Своего непосредственнаго воздѣйствія исходную точку, порождающую жизнь.

Люди, внимательно слѣдившіе за успѣхомъ науки, видѣвшіе какъ одна за другой исчезали границы между одними растеніями и другими, границы между различными животными и даже между растительнымъ и животнымъ царствомъ, но видѣвшіе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ по мѣрѣ развитія нашего знанія все глубже и безнадежнѣе раскрывалась и зіяла

пропасть между органическимъ и неорганическимъ міромъ, подготовлены къ тому, чтобы придать закону біогенезиса и его аналогіямъ значеніе болѣе глубокое и важное, чѣмъ можетъ быть дано всякому другому явленію или закону природы. Если, какъ говоритъ Паскаль, природа есть образъ благости, или видимые предметы въ нѣкоторомъ родѣ только образы невидимаго, то эта страшная бездна, это единственное и самое необычное изъ всѣхъ естественныхъ явленій, должно заключать въ себѣ особенное значеніе.

Гдѣ-же въ сферахъ духовныхъ встрѣтимъ мы соотвѣтствующее явленіе? Что въ невидимомъ можно сравнить съ рѣзко и глубоко отдѣляющей чертой, или гдѣ человѣческій опытъ встрѣчаетъ другую преграду, которую онъ тоже никогда не въ силахъ перешагнуть?

Да, такая преграда существуетъ. Въ неясномъ, но тождественномъ явленіи духовнаго міра, согласно слову Божію, существуетъ такая же непроходимая пропасть. Переходъ отъ животнаго къ духовному міру также герметически замкнутъ со стороны животнаго. Врата, ведущія изъ неорганическаго въ органическій міръ, заперты, и ничто мертвое не можетъ ихъ открыть. Такъ и врата, ведущія отъ животнаго къ духовному міру, заперты и ни одинъ человѣкъ не въ силахъ отворить ихъ. Міръ плотскаго человѣка какъ бы отдѣленъ отъ духовнаго міра преградами, которыхъ извнутри никто не переступалъ. Никакія органическія измѣненія, никакія перемѣны окружающей среды, никакая умственная работа, никакія нравственныя усилія, никакое развитіе характера, никакое преуспѣяніе образованности не въ силахъ одарить ни единую человѣческую душу свойствами духовной жизни. Духовный міръ отдѣленъ и огражденъ отъ міра, ниже его стоящаго, закономъ біогенезиса. „Если кто не родится свыше... Если кто не родится отъ воды и духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе“.

Въ этомъ утвержденіи закона не сказано, что плотской человѣкъ не войдетъ въ царствіе Божіе, если не выполнены условія, а сказано не можетъ войти. Исключеніе духовно-неорганическаго изъ царства духовно-органическаго міра не произвольно. Основанія его ясно опредѣлены; это научно доказанная невозможность. Если неорганическое вещество не родится свыше отъ царства, стоящаго надъ нимъ, оно не можетъ войти въ него. И если человѣкъ не родится свыше, онъ въ силу того же закона не можетъ войти въ царство, стоящее надъ нимъ. Такъ какъ нѣтъ перехода изъ одного міра въ другой, отъ неорганическаго въ органическій, отъ органическаго въ духовный, то воздѣйствіе жизни есть научно доказанная необходимость для того, чтобы камень, растеніе, животное или человѣкъ могли перейти изъ низшей въ

высшую область. Растеніе спускается до мертваго міра, находящагося на низшей ступени, касается своею тайною жизни его минеральныхъ веществъ, его газовъ, и возноситъ ихъ, облагороженныхъ и преобразованныхъ, въ область жизни болѣе высокой. Духъ Божій дышетъ гдѣ хочетъ, касается своею тайною жизни мертвыхъ душъ людей, переноситъ ихъ черезъ зіяющую бездну, чрезъ которую нѣтъ перехода, отъ плотскаго къ духовному, отъ духовно-неорганическаго къ духовно-органическому, одаряетъ ихъ своими высшими свойствами и развиваетъ въ нихъ новые таинственные дары, благодаря которымъ родившимся свыше дано узрѣть царствіе Божіе.

Множество людей на самомъ дѣлѣ и совершенно искренно не понимаютъ, почему добродѣтельный человѣкъ не можетъ, нравственно совершенствуясь, самопроизвольно достигнуть того, чтобы войти въ царствіе Божіе. Философія не въ силахъ помочь намъ при разрѣшеніи этого вопроса, ея доводы скорѣе противъ насъ; но наука тотчасъ же отзывается на нашъ призывъ и указываетъ, что это такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо предположеніе, что камень можетъ становиться все болѣе жизнеспособнымъ и перейти наконецъ въ органическій міръ. И тогда разомъ все становится для насъ яснымъ.

Въ чемъ же, спросимъ мы себя, заключается различіе духовнаго отъ плотскаго человѣка? Разница между ними такая же, какъ и между органическимъ и неорганическимъ міромъ, между мертвымъ и живымъ. Чѣмъ отличается кристаллъ отъ организма, камень отъ растенія? У нихъ много общаго. Составлены они изъ тѣхъ же атомовъ, проявляютъ тѣ же свойства вещества, подвержены тѣмъ же физическимъ законамъ, могутъ быть очень красивыми. Но, кромѣ всѣхъ свойствъ кристалла, растеніе обладаетъ еще чѣмъ-то бо̀льшимъ: той таинственной силой, которая называется жизнью. Жизнь не есть нѣчто существующее и въ кристаллѣ, только въ менѣе развитой формѣ. Ни малѣйшаго ни зачатка, ни слѣда, ни признака ея нѣтъ въ кристаллѣ. Растеніе одарено чѣмъ-то новымъ; болѣе высокое и своеобразное свойство присоединено въ немъ къ общимъ свойствамъ минерала. Поднимаясь отъ растительной жизни къ животной, мы снова встрѣчаемся съ особыми своеобразными свойствами, отличными по крайней мѣрѣ отъ свойствъ минерала. Отъ животной жизни мы снова доходимъ до духовной. И здѣсь тоже мы встрѣчаемъ нѣчто новое и еще болѣе исключительное; живущій духовною жизнью отличается особымъ родомъ жизни, который присоединенъ въ немъ ко всѣмъ остальнымъ фазисамъ жизни, проявляемымъ имъ,—и этотъ родъ жизни неизмѣримо болѣе рѣзко отличается отъ плотской жизни, чѣмъ растительность отъ неподвижности камня. Дѣйствительно духовный человѣкъ

рѣзче отличается отъ плотскаго, чѣмъ растеніе отъ камня. Это единственное сравненіе, которое мы можемъ заимствовать у природы, потому что въ ней нѣтъ болѣе рѣзкой противоположности, но въ сравненіи съ разницей между плотскимъ и духовнымъ существомъ, пропасть, отдѣляющая органическое отъ неорганическаго, является толщиной съ волосокъ. Плотской человѣкъ существенно принадлежитъ настоящему порядку вещей. Онъ одаренъ только высшей степенью животной и плотской жизни. Но эта жизнь такъ качественно низка, что ее нельзя назвать жизнью. „Не имѣющій Сына Божія не имѣетъ жизни, только имѣющій Сына имѣетъ жизнь“, т. е. — новый даръ, совершенно отличный и сверхъестественный. Онъ не отъ міра сего, а отъ инаго міра, для котораго нѣтъ времени; онъ принадлежитъ вѣчности. „Еще не открылось, что будетъ“.

Итакъ разница между духовнымъ человѣкомъ и плотскимъ не есть различіе развитія, а происхожденія. Они отличаются другъ отъ друга не количественно, а качественно. Никакимъ плотскимъ развитіемъ человѣкъ не можетъ возвыситься отъ „нравственности эмоціональной“ до нравственности „жизненной“. Еслибъ намъ пришлось строить научную классификацію, то мы вынуждены были бы соединить всѣхъ плотскихъ людей, нравственныхъ и безнравственныхъ, образованныхъ и невѣжественныхъ въ одно семейство. Въ этомъ семействѣ одни стояли бы высоко, другіе низко, но существенно они отмѣчены однимъ и тѣмъ же рядомъ характеристическихъ свойствъ—они ѣдятъ, спятъ, работаютъ, думаютъ, живутъ, умираютъ. Но духовный человѣкъ до того отдаленъ отъ этого семейства особеннымъ характеристическимъ свойствомъ, что біологъ, вполнѣ ознакомившись со всѣми обстоятельствами, ни на минуту не поколеблется отнести его къ другому классу существъ. И еслибъ онъ еще глубже вникъ въ эти обстоятельства, то причислилъ бы его не къ другому семейству, а къ другому царству, къ царству, отдѣляющему живыхъ отъ мертвыхъ, „спасенныхъ отъ погибшихъ“, выражаясь языкомъ устарѣвшей теологіи. Да, кто не имѣетъ Сына не имѣетъ жизни!

Этотъ великій законъ въ сущности отличаетъ христіанство отъ всѣхъ остальныхъ религій. Онъ ставитъ религію Христа на совершенно иную почву. Не существуетъ никакой аналогіи между христіанствомъ и напр. буддизмомъ или магометанствомъ. Нѣтъ истиннаго смысла въ томъ, чтобы сказать: „въ комъ Будда въ томъ жизнь“. Будда не имѣетъ ничего общаго съ жизнью. Онъ касается нравственности, онъ можетъ возбуждать, налагать свой отпечатокъ, поучать, руководить, но онъ не влагаетъ ничего новаго, рѣзко-отличнаго въ души тѣхъ, которые исповѣдуютъ буддизмъ. Эти религіи могутъ содѣйствовать развитію плотскаго,

умственнаго или нравственнаго человѣка. Но христіанство заявляетъ притязаніе на нѣчто большее. Христіанинъ не только умственный и нравственный человѣкъ, но плюсъ еще нѣчто другое, или нѣкто иной. И это нѣчто вливаетъ въ духовнаго человѣка новую жизнь, по качеству не имѣющую подобной себѣ въ природѣ и образуетъ отдѣльное царство Христа, придавая одному христіанству изъ всѣхъ религій человѣчества отпечатокъ божественности.

Духовная жизнь не есть нѣчто, внѣ насъ находящееся, какъ и растительная жизнь не заключается въ какомъ нибудь резервуарѣ, гдѣнибудь на небѣ, изливаясь оттуда спазмодически въ извѣстныя времена года. Жизнь въ каждомъ растеніи, деревѣ внутри его субстанціи и ткани до самой ихъ смерти. Это пребываніе жизни въ особи и есть то, чѣмъ жизненность отличается отъ другихъ силъ природы вродѣ магнетизма и электричества. Жизненность имѣетъ много общаго съ такими силами, какъ магнетизмъ и электричество, но между ними та разница, что жизнь прочно укрѣплена и внѣдрена въ организмѣ. Ученіе о сохраненіи и превращеніи силы не существуетъ для жизненности. Физикъ можетъ размагнитить полосу желѣза, т. е. превратить ея магнитизмъ въ нѣчто иное: въ теплоту, движеніе, свѣтъ — и затѣмъ снова обратить эти силы въ магнетизмъ. Но онъ не можетъ лишить жизни растеніе или животное и снова оживить ихъ. Жизнь не есть одна изъ тѣхъ бездомныхъ силъ, которыя безпорядочно витаютъ въ пространствѣ, или которыя подобно электричеству скопляются въ облакахъ, чтобы разсѣяться въ пространствѣ. Жизнь есть нѣчто опредѣленное и пребывающее; и духовная жизнь не есть сила мимолетно осѣняющая, но постоянно обитающая въ душѣ, это—особенный видъ энергіи или силы. Аналогія съ природой утверждаетъ это, но тутъ наше знаніе останавливается. Мы не знаемъ, что такое духовная жизнь, какъ не знаемъ, что такое естественная, и слово жизнь остается въ наукѣ по прежнему неопредѣленнымъ. Итакъ природа хранитъ глубокое молчаніе относительно духовной жизни. Но за отсутствіемъ научнаго свѣта мы обращаемся, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, къ дополняющему его Откровенію, которое свѣтитъ намъ когда нуженъ намъ отвѣтъ а природа не даетъ его. Мы спрашиваемъ подобно Павлу, когда жизнь впервые осѣнила его на пути въ Дамаскъ: „Что это? Кто ты, Господи?“ И слышимъ въ отвѣтъ: „Я Іисусъ“.

Тысячи вопросовъ возникаютъ въ умѣ относительно духовной жизни. Какъ она приходитъ? Зачѣмъ она является? Какъ она проявляется? Какія особенности развиваетъ она? Гдѣ она обитаетъ? Сообщается ли она? Каковы ея условія? На два или три изъ этихъ вопросовъ можно

дать общій отвѣтъ, остальное остается для насъ тайной. Но пусть не думаютъ, что научное изслѣдованіе предмета духовнаго сводитъ религію на физическую задачу или объясняетъ Бога законами біологіи. Религія безъ тайны есть нелѣпость. Даже у наукъ есть свои тайны, не менѣе загадочныя, чѣмъ вопросъ о жизни. Наука учитъ насъ раньше или позже ожидать тайны, и теперь мы вступаемъ въ ея область. Но слѣдуетъ тщательно замѣтить, что туманъ спускается и заволакиваетъ насъ только послѣ того, какъ мы открыли самую важную религіозную истину, что Христосъ въ христіанинѣ.

Въ этомъ нѣтъ ничего новаго, всѣ церкви утверждали, что Христосъ—источникъ жизни. Ни одинъ человѣкъ, живущій духовною жизнью, никогда не дерзалъ утверждать, что эта духовная святость принадлежитъ ему. Я живу, скажетъ онъ вамъ, но не я живу, а во мнѣ живетъ Христосъ. Таково было всегда ученіе христіанской Церкви, но какъ мало мы вникаемъ, какъ мало придаемъ значенія этимъ словамъ! Мы не вѣримъ истинно тому, что живой Христосъ коснулся насъ, что мы стали Его обителью. Духовная жизнь не представляется намъ такой дѣйствительностью, какъ матеріальная жизнь, и мы останавливаемся какъ передъ тайной, тамъ гдѣ еще не начинается ея область. Отъ истинной тайны не падаетъ никакой тѣни, она вдругъ раскрывается, какъ зіяющая пропасть, на границѣ знанія и мы можемъ подойти къ самому краю ея при свѣтѣ знанія. Мы видѣли, что духовная жизнь есть даръ духовнаго міра и что Живой Духъ Христа обитаетъ въ христіанинѣ. Но затѣмъ мрачная пропасть разверзается передъ нами. Что знаетъ наука о томъ, что такое жизнь? Ничего. Она ничего не вѣдаетъ о ея первоначальномъ происхожденіи, ничего о ея конечной цѣли. Она даже не можетъ опредѣлить ни того, ни другаго. И всѣ научныя книги признаютъ свое безсиліе въ этомъ отношеніи, и постоянное ихъ признаніе трогательно для людей, вдумывающихся и мыслящихъ. Итакъ наука освѣтила не истинныя а только мнимыя тайны нашей вѣры. Но она сдѣлала больше. Она обратила истинную тайну въ научную истину. Религія, имѣя тайну, аналогична съ тѣмъ, что окружаетъ ее. Тамъ, гдѣ тайна въ духовномъ мірѣ, мы находимъ соотвѣтствующую тайну и въ вещественномъ мірѣ. И, какъ говорилъ столѣтія тому назадъ Оригенъ, неразрѣшимое религіи есть только неразрѣшимое въ природѣ.

Мы можемъ разсмотрѣть еще одинъ вопросъ: вопросъ о томъ, какъ происходитъ возрожденіе души въ отдѣльномъ человѣкѣ. Судя по соотвѣтствію съ біологіей, мы можемъ сказать, что возрожденіе происходитъ внезапно и незамѣтно и развивается постепенно. Относительно двухъ вещей не можетъ быть противорѣчія. Постепенность роста—харак-

теристическое явленіе, поражающее самаго скромнаго наблюдателя. Люди, изучающіе природу, знаютъ, что постепенность все больше возрастаетъ по мѣрѣ восхожденія по ступенямъ жизни. Ростъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ выше формы. Человѣкъ достигаетъ полнаго развитія въ двадцать лѣтъ, а монада совершаетъ свой скромный кругъ жизни въ одинъ день. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Безсмертное, Вѣчное Существо такъ медленно развивается. Солнце христіанина порой заходило, а критическая мысль „еще“ не видѣла зерна въ колосѣ. „Еще не видѣла“. Да, зерно этой безсмертной жизни „еще“ не налилось. Но предоставьте ему время, соотвѣтствующее его положенію на ступеняхъ жизни. „Время жатвы еще не настало“.

Ростъ не только медленъ, но и совершается въ тайнѣ. Жизнь незамѣтна. Когда новая жизнь проявляется, она поражаетъ насъ своей неожиданностью, и не знаешь откуда она приходитъ и куда уходитъ. Когда былинка растетъ, откуда въ ней жизнь? Когда она умираетъ, куда исчезаетъ эта жизнь? Не знаемъ... Такъ бываетъ и со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа. Ибо Царствіе Божіе приходитъ незамѣтно.

Наконецъ еще разъ повторимъ, — а оспаривать это было бы странно и легкомысленно, — что жизнь эта приходитъ внезапно и это единственный способъ, которымъ жизнь можетъ появиться. Жизнь не можетъ являться постепенно; здоровье, ростъ, развитіе могутъ быть постепенны, но не жизнь. Новѣйшая теологія смѣялась надъ этимъ обращеніемъ. Внезапное обращеніе въ особенности осмѣивалось, какъ несоотвѣтствующее философіи и невозможное для человѣческой природы. А между тѣмъ древняя теологія была научно справедлива. Могутъ быть случаи — и таковыхъ вѣроятно большинство, — когда мигъ сліянія съ Духомъ живымъ, хотя внезапный является не сознаннымъ. Но дѣйствительный моментъ возрожденія отличенъ отъ момента сознательнаго рожденія. Наука ничего не говоритъ объ этомъ сознательномъ моментѣ. Но еслибъ она коснулась этого вопроса, то вѣроятно отвѣтила бы намъ, что сознательный моментъ рѣдко совпадаетъ съ дѣйствительнымъ моментомъ рожденія подобно тому, какъ и въ плотской жизни сознаніе является не одновременно съ рожденіемъ, а много позднѣе его. Однако же есть люди, которымъ не трудно опредѣлить моментъ ихъ возрожденія для новой жизни. Павлу, напримѣръ, Христосъ явился въ опредѣленный моментъ времени, такъ что онъ могъ бы опредѣлить и минуту и секунду. И это по теоріи есть нормальное возрожденіе, вполнѣ согласное съ ученіемъ біологіи. Черта, отдѣляющая живое отъ мертваго, рѣзко опредѣленна. Когда безжизненные атомы, углерода, кислорода, азота, водорода охвачены жизнью, организмъ вначалѣ является слабымъ. У него

не много отправленій, мало красоты. Ростъ есть дѣло времени, но не жизнь. Она является внезапно. Вещество мертвое за минуту передъ тѣмъ вдругъ оживаетъ. Таково обращеніе, „переходъ“, какъ называетъ это Библія, „отъ смерти къ жизни“. Люди, присутствовавшіе при этомъ торжественномъ обращеніи или возрожденіи человѣка, отлично знаютъ по опыту то, чего нельзя выразить никакими словами; въ ихъ глазахъ словно порывалась цѣпь, словно человѣкъ пробуждался отъ сна.

ГЛАВА II.

Вырожденіе.

«Проходилъ я мимо поля человѣка лѣниваго и мимо виноградника человѣка скудоумнаго; и вотъ все это заросло терномъ, поверхность его покрылась крапивою и каменная ограда его обрушилась».

«И посмотрѣлъ я, и обратилъ сердце мое, и посмотрѣлъ, и получилъ урокъ». (Соломонъ).

«Какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвши о толикомъ спасеніи?» (Посл. къ Евр.).

«Передъ нами или Равновѣсіе, или Развитіе (Эволюція), или Вырожденіе». (Ланкастеръ).

Въ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ книгъ Дарвинъ приводитъ законъ, который можно изобразить на слѣдующемъ примѣрѣ: представьте себѣ, что любитель птицъ собралъ стаю прирученныхъ голубей, отличающихся безконечнымъ разнообразіемъ очертаній и красокъ. Тутъ голуби всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Любитель этотъ переноситъ свою стаю на пустынный островъ и выпускаетъ голубей на волю, даетъ имъ свободно улетѣть въ лѣсъ. Они основываются тамъ, и по прошествіи многихъ лѣтъ владѣлецъ, вернувшись, находитъ, что съ его голубями за это время произошла значительная перемѣна. Птицы или, вѣрнѣе, ихъ потомки всѣ измѣнились и пріобрѣли одинаковую окраску. Черные, бѣлые, коричневые, полосатые, пятнистые и кольчатые всѣ превратились въ одномастныхъ сизыхъ голубей. Двѣ простыя черныя полосы однообразно повторяются на крыльяхъ каждаго голубя, снизу осталось бѣлое оперенье, но всѣ разновидности, вся красота и разнообразіе окрасокъ и очертаній исчезли. Эти улучшенія были плодомъ ухода и заботъ, прирученія и питанія, и когда эти вліянія

измѣнились, птицы впали въ прежнее свое состояніе и лишились всего пріобрѣтеннаго. Всѣ попытки улучшить ихъ породу таинственно исчезли. Первоначальная окраска отдаленнѣйшихъ предковъ голубей была сизая, и вотъ въ силу какого-то страннаго закона голуби освобождаются отъ всѣхъ признаковъ перевоспитанія и возвращаются къ болѣе грубому виду первоначальныхъ предковъ. Естественный законъ, въ силу котораго совершается такая перемѣна, называется закономъ „реверсіи“ или возврата къ первоначальному образцу.

Однимъ изъ доказательствъ всеобщности этого закона служитъ то, что явленіе это встрѣчается и въ растительномъ царствѣ. Если забросить садъ, въ которомъ разводились, напримѣръ, розы и клубника, то онъ запустѣетъ. Это не значитъ, что растенія эти исчезнутъ; нѣтъ, они только измѣнятся и всегда неизмѣнно къ худшему: садовая клубника выродится въ мелкую, дикую, лѣсную, а розы въ дикій шиповникъ.

Если мы не будемъ заботиться о садовомъ растеніи, то естественный законъ возврата вступаетъ въ свою силу и превращаетъ его въ худшее растеніе. Если мы не будемъ заботиться о птицахъ, онѣ въ силу того же всевластнаго закона превратятся въ болѣе уродливыя существа. Если мы перестанемъ заботиться о поддержаніи и улучшеніи нашихъ домашнихъ животныхъ, они быстро вернутся къ прежнему дикому и грубому состоянію.

И вотъ буквально то же самое можетъ случиться и съ вами и со мною. Почему человѣкъ долженъ составлять исключеніе изъ какого бы то ни было закона природы? Природа знаетъ его только, какъ животное изъ подцарства позвоночныхъ, класса млекопитающихъ, отряда двурукихъ. А законъ возврата существуетъ для всего міра. Если человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ пренебрегать собою, онъ превратится въ болѣе низкаго, дурнаго человѣка. Если онъ будетъ пренебрегать своимъ тѣломъ, то выродится въ грубаго дикаря, подобнаго тѣмъ полуживотнымъ-полулюдямъ, которыхъ иногда встрѣчаютъ на пустынныхъ островахъ. Если онъ будетъ пренебрегать развитіемъ своего ума, то превратится въ идіота или сумасшедшаго; примѣромъ служатъ, напримѣръ, одиночныя заключенія, имѣющія такое вліяніе на мозгъ людей, что дѣлаютъ изъ нихъ идіотовъ. Если мы будемъ пренебрегать нашей совѣстью, то станемъ людьми безсовѣстными и порочными. И, наконецъ, если человѣкъ не будетъ развивать свою душу, то она неизбѣжно замираетъ („атрофируется“), мельчаетъ и гибнетъ.

Итакъ мы имѣемъ здѣсь передъ собою вполнѣ естественное основаніе для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Если мы не будемъ радѣть о себѣ, то какъ избѣгнемъ этого всеобщаго закона, такъ явно

проявляющагося во всемъ мірѣ? Если мы пренебрегаемъ обычными способами поддерживать садъ въ порядкѣ, то онъ, заростетъ бурьяномъ и запустѣетъ. Также, если мы не воспользуемся удобными средствами для развитія нашего ума, то какъ избѣгнемъ его безсилія и невѣжества? И если мы не будемъ заботиться о душѣ, развѣ она неизбѣжно не приметъ обратнаго направленія и не впадетъ въ бездушіе неподвижности и смерти?

Не нужно, конечно, долго ждать доказательствъ такого попятнаго движенія въ жизни каждаго человѣка. Это подтверждается и примѣрами и сравненіемъ (аналогіей) съ природой. Согласно даннымъ науки, возможны три состоянія для всѣхъ живыхъ существъ. Состояніе равновѣсія, развитія („эволюціи“) и вырожденія. Но равновѣсіе или устойчивость, естественная въ царствѣ неорганическомъ, для міра живыхъ существъ возможна только въ предположеніи. И то, что кажется въ жизни неподвижностью, „инертностью“, есть въ сущности развитіе, незамѣтное по свой медленности или чаще движеніе въ сторону вырожденія, лукаво сглаживающее слѣды прежняго развитія. Въ противоположность этому состоянію мнимой устойчивости, развитіе есть движеніе впередъ, вверхъ, а вырожденіе — назадъ, внизъ. И выборъ опредѣляется самой природой человѣка. Сохранить въ жизни устойчивость безъ влеченія впередъ или назадъ очень трудно. Еще труднѣе, повидимому, жизнь съ постояннымъ ростомъ кверху. Большинство людей избираютъ это направленіе на извѣстное время, но ростъ медленъ и они впадаютъ въ отчаяніе, когда цѣль еще далека. Однако, все сказанное не объясняетъ еще того, почему большинство людей слѣдуетъ влеченію не впередъ, а въ обратномъ направленіи. Что это легче—еще не отвѣтъ. Невольно слѣдуетъ вопросъ: почему это легко? Очевидно,—потому, что въ самой природѣ каждаго человѣка этотъ законъ господствуетъ сильнѣе. Человѣкъ чувствуетъ въ душѣ своей тайную, безмолвную силу, непреодолимо влекущую его назадъ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ высшему образцу, онъ въ силу своей природы возвращается вспять. Таково вырожденіе—этотъ законъ, въ силу котораго организмъ не развиваясь, не совершенствуясь, не сохраняя даже того, что имъ пріобрѣтено, ухудшается и становится все болѣе и болѣе приспособленнымъ къ низшему образу жизни.

Всѣ люди, сознательно къ себѣ относящіеся, знаютъ, что это влеченіе сильно и глубоко коренится въ ихъ природѣ. Въ наукѣ вѣры оно объясняется, какъ влеченіе, какъ наклонность ко грѣху. Съ точки зрѣнія Библіи, человѣкъ зачатъ въ беззаконіи и родится во грѣхѣ. И опытъ жизни подтверждаетъ, что онъ будетъ все больше погружаться въ беззаконіе и грѣхъ безъ малѣйшаго усилія съ его стороны, совершенно

безсознательно, самымъ естественнымъ образомъ, если отдастся потоку жизни, не направляя его. Въ силу этого, Библія говоритъ, что злые погибнутъ. Они не погибли еще, но уже на пути къ погибели. Они быстро опускаются. Препятствій нѣтъ ни съ какой стороны. Естественныя влеченія вполнѣ свободны и, хотя жертвы не сознаютъ того, что происходитъ съ ними, тѣмъ не менѣе ясно всякому, наблюдающему даже естественныя слѣдствія этого явленія, что въ итогѣ ихъ будетъ смерть. При видѣ человѣка, падающаго съ высоты пятаго яруса, мы говоримъ, что человѣкъ погибъ. Мы говоримъ это прежде, чѣмъ онъ упадетъ на землю, потому что причина, заставляющая его опуститься на одинъ футъ, неизбѣжно заставитъ его спуститься и на слѣдующіе восемьдесятъ или девяносто футовъ, и такъ до самой земли. Такимъ образомъ, это человѣкъ мертвый или погибшій съ самаго начала. Тяготѣніе ко грѣху въ человѣческой душѣ дѣйствуетъ приблизительно такимъ же образомъ. Постепенно, съ постоянно возрастающей скоростью, оно все болѣе и болѣе удаляетъ человѣка отъ Бога и истины и, въ силу естественнаго закона, влечетъ его въ пропасть безпечной жизни.

Но этотъ урокъ не менѣе ясенъ и по аналогіи. Независимо даже отъ закона вырожденія, для всего живущаго существуетъ законъ смерти. Мы привыкли воображать, что природа полна жизни. Въ дѣйствительности же, она полна смерти. Нельзя сказать, что растенію естественно жить. Разсматривая внимательнѣе природу растенія, вы придете къ заключенію, что она естественно влечетъ его къ смерти. Растеніе охраняется отъ смерти только чисто временнымъ свойствомъ, дающимъ ему преходящее господство надъ стихіями и возможность на короткое время использовать дождь, солнечный свѣтъ и воздухъ. Отнимите этотъ временный даръ на мгновеніе, и истинная природа растенія обнаружится. Вмѣсто того, чтобы побѣдить природу, оно будетъ само побѣждено. Тѣ самыя вещи, которыя, повидимому, содѣйствовали его росту и красотѣ, теперь обращаются противъ него и причиняетъ ему вредъ и смерть. Грѣвшее солнце — сушитъ его, воздухъ и дождь, питавшіе, — содѣйствуютъ его гніенію. Силы, которыя мы считали жизненными, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются въ сущности орудіями смерти.

Законъ этотъ, имѣющій значеніе для всего растительнаго міра, относится и къ животнымъ, и къ человѣку. Воздухъ содѣйствуетъ не жизни, а разложенію, и до такой степени, что единственный способъ предохранить предметъ, чуждый жизни, отъ разложенія заключается въ томъ, чтобы оградить или защитить его отъ воздуха. Жизнь въ сущности есть просто временная пріостановка воздѣйствія этихъ разрушительныхъ вліяній или,

согласно одному изъ самыхъ точныхъ опредѣленій ея: — „общій итогъ отправленій, противодѣйствующихъ смерти“.

Точно также и духовная жизнь есть общій итогъ отправленій, противодѣйствующихъ грѣху. Атмосфера души—это ежедневныя испытанія, соблазны, искушенія міра. И подобно тому, какъ только жизнь даетъ растенію власть пользоваться различными стихіями, которыя безъ того сами подчинили бы его своей власти, такъ точно и духовная жизнь только и даетъ душѣ силу воспользоваться испытаніями и искушеніями, которыя безъ нея губятъ душу. Какъ избѣжимъ мы погибели, если откажемся упражнять эти способности, или, другими словами, если будемъ нерадивы?

Этотъ разрушительный процессъ, замѣтимъ себѣ, происходитъ вполнѣ независимо отъ суда Божія надъ грѣхомъ. Судъ Божій надъ грѣхомъ дѣло еще болѣе страшное, и только часть его и составляетъ смерть. Смерть—это особенное явленіе, которое мы можемъ наблюдать и изслѣдовать отдѣльно; тутъ, въ силу чисто естественныхъ законовъ, душа, предоставленная сама себѣ, заброшенная, невоздѣлываемая, неискупленная, неизбѣжно становится добычей смерти. Душа, впадая въ грѣхъ, умираетъ. Умираетъ не потому, что Богъ осудилъ ее на смерть, но потому, что она не можетъ не умереть. Она пренебрегла условіями, препятствующими смерти, и умирала съ самаго начала. Наказаніе лежитъ въ самой ея природѣ, и судъ постепенно, въ теченіе всей жизни, совершается съ страшной непреложностью закона.

Обыкновенно предполагаютъ, что религіозныя истины внѣ сферы обычнаго пониманія людей. Но въ данномъ случаѣ мы этого не видимъ. Здѣсь эта истина такъ же приложима къ естественному, какъ и къ духовному міру. Если человѣка не страшитъ мысль, что Богъ воздастъ ему за его беззаконія, то онъ не можетъ по крайней мѣрѣ не видѣть, что природа сама мститъ ему. Развѣ мы не знаемъ, что значитъ быть наказаннымъ природой за ослушаніе ея законовъ?

Когда Богъ передалъ въ руки природы начертанные Имъ законы, Онъ, повидимому, установилъ два правила, на которыхъ зиждутся ея рѣшенія. Первое изъ нихъ гласитъ: „что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ“ (Галат. VI, 7), второе же выражено въ словахъ апостола: „какъ избѣжимъ мы, вознерадѣвши?“ (Евр. II, 3).

Первое правило есть положительный законъ относительно грѣха содѣяннаго, второе же, разсматриваемое нами теперь, есть чисто отрицательное и относится къ области не содѣяннаго. Оно не говоритъ о посѣвѣ, а о томъ, когда ничего не посѣяно. Оно касается тѣхъ случаевъ, когда душа въ запущеніи. Оно не говоритъ: если посѣемъ растлѣніе, то

и пожнемъ его. Можетъ быть, мы и не будемъ такъ неразумны, такъ невнимательны къ себѣ, къ общественному мнѣнію, чтобъ сѣять растлѣніе. Оно не говоритъ, что, посѣявъ плевелы, мы и пожнемъ плевелы. Вѣроятно, мы никогда не дойдемъ до такого безумія, чтобъ сѣять плевелы. Но это правило указываетъ на то, что, ничего не посѣявъ, мы ничего и не пожнемъ. Если мы ничего не вложимъ въ землю, то ничего и не соберемъ. Если лѣтомъ не будемъ воздѣлывать поля, то какъ же избѣжимъ, погибели зимой отъ голода?

Библія только ставитъ этотъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него, потому что отвѣтъ ясенъ самъ собою. Немыслимо пожинать то, чего не сѣяли. Немыслимо по самой природѣ вещей, какъ немыслимо человѣку, упавшему въ воду, не идти ко дну, если онъ не научился плавать. По самой природѣ вещей, мы не можемъ избѣжать погибели, если не радѣли о великомъ спасеніи.

Но почему же такія роковыя послѣдствія являются плодомъ простаго нерадѣнія? По общепринятому взгляду, погибшимъ считается только явный и великій грѣшникъ, отшатнувшійся отъ всего добраго и чистаго въ жизни и изъ всѣхъ силъ угождающій своей плоти. Но правило идетъ дальше. Оно говоритъ, что мы погибли, даже если не радѣемъ. Для всѣхъ ясно, почему человѣкъ явно дурной не можетъ спастись. Но что препятствуетъ людямъ не слишкомъ дурнымъ избѣжать погибели,—людямъ, которые только вообще ничего не сѣяли? Почему ничего не сѣять такой великій грѣхъ?

Должна, очевидно, существовать тайная жизненная связь между этими тремя понятіями: о спасеніи, нерадѣніи и искупленіи; должно существовать какое-нибудь разумное, основное и неизбѣжное соотношеніе. Почему эти три выраженія соединены вмѣстѣ такъ, чтобъ въ общемъ получился авторитетный и торжественный приговоръ смерти?

Объясненіе уже отчасти высказано нами. Далѣе оно заключается въ словѣ „спасеніе“. Спасеніе употреблено здѣсь въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, въ смыслѣ прощенія грѣховъ. Конечно, это высшее и первое его значеніе. Но здѣсь слово „спасеніе“ принимается въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя не только прощеніе грѣховъ, но и спасеніе, и освобожденіе души отъ наклонности ко грѣху. Оно охватываетъ весь процессъ избавленія отъ власти грѣха, который иначе изо дня въ день происходилъ бы въ душѣ каждаго человѣка. Вы видѣли, что въ человѣкѣ есть естественный законъ, принижающій его, гнетущій его постепенно книзу, шагъ за шагомъ влекущій его къ животному состоянію, ослѣпляя его умъ, заглушая его совѣсть, ослабляя его волю. Это и есть дѣятельно разрушающее начало грѣха. Чтобъ противодѣйствовать

ему, Богъ раскрылъ намъ другое начало, которое пріостановитъ это влеченіе души книзу и направитъ ее по другому пути. Это дѣятельно спасительное начало и есть спасеніе. Если человѣкъ находитъ въ себѣ первую изъ этихъ силъ страшно дѣятельной, влекущей всю его жизнь книзу, къ разрушенію и погибели, то избѣжать этой участи возможно для него только, если онъ смѣло дастъ завладѣть собою противоположной силѣ, влекущей его кверху и которая вынесетъ его на противоположный берегъ. А такъ какъ эта вторая сила единственная въ мірѣ, имѣющая хоть малѣйшее дѣйствительное воздѣйствіе на первую, то какъ можетъ человѣкъ, нерадѣя о ней, избѣжать погибели? Не радѣя о ней, онъ отрѣзываетъ себѣ единственный путь ко спасенію. Не радѣя о ней, онъ съ открытыми глазами всецѣло отдается во власть той другой страшной силѣ, которая въ немъ и которая, при обычномъ теченіи обстоятельствъ, уноситъ его все дальше и дальше отъ спасенія. „А тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими“. Для тѣхъ же, кто не пользуется этимъ правомъ по равнодушію, по апатіи, погибель одинаково неизбѣжна, потому что не хотятъ спасенія.

Существуютъ животныя, роющія землю, какъ, напримѣръ, кроты; они проводятъ всю жизнь подъ землей. И природа мститъ имъ самымъ естественнымъ образомъ, она лишаетъ ихъ глазъ. Если они намѣреваются жить въ темнотѣ, то, говоритъ природа, — глаза для нихъ безусловно излишни. Пренебрегая ими, они, очевидно, не нуждаются въ нихъ. И такъ какъ одинъ изъ твердо установленныхъ законовъ природы состоитъ въ томъ, что ничто не должно существовать напрасно, безцѣльно, то и животныя въ данномъ случаѣ лишаются глазъ, или глаза эти сводятся къ зародышному состоянію. Существуютъ и рыбы, которыя поплатились такимъ же ужаснымъ лишеніемъ за то, что избрали своимъ жилищемъ мрачныя пещеры, гдѣ глаза никогда не могутъ быть употребляемы. И точно такъ же, если душа предпочитаетъ ходить во тьмѣ, то духовныя очи должны исчезнуть и лишиться своей силы въ силу чисто естественнаго закона.

Таково значеніе и словъ Спасителя: „у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ“, „итакъ возьмите у него талантъ“. Религіозная способность есть талантъ, самый дивный и священный нашъ талантъ. Но и онъ подчиненъ естественнымъ условіямъ и законамъ. Если человѣкъ беретъ и прячетъ свой талантъ, хотя, повидимому, и не вредя ему, Богъ не позволитъ ему имѣть его. Хотя онъ и хранится во мракѣ, видимо не вредя никому, однако, Богъ не позволитъ человѣку его себѣ оставить, какъ природа не позволяетъ кротамъ сохранить свои глаза. Богъ говоритъ: „возьмите отъ него талантъ“, и природа исполняетъ это.

Все преступленіе этого человѣка состояло только въ томъ, что онъ не радѣлъ о своемъ талантѣ, что онъ былъ „рабъ лѣнивый и лукавый“. И жизнь его была погублена, потому что онъ не радѣлъ о священномъ долгѣ совершенствовать себя. Такая жизнь погибель для всѣхъ, кто идетъ по ея пути. Вырожденіе порождаетъ вырожденіе. Только характеръ саморазвивающійся содѣйствуетъ развитію міра и, такимъ образомъ, выполняетъ задачу жизни. Для этой высшей цѣли и дана намъ Богомъ жизнь, какъ бы малы ни были, повидимому, наши таланты. И именно тотъ человѣкъ, таланты котораго кажутся ничтожными, и долженъ лучше всего употреблять ихъ. Не даромъ нерадивымъ оказался тотъ, у кого былъ всего одинъ талантъ. Человѣкъ съ десятью талантами, богато одаренный, обладающій кипучей силой или благородно и полезно тратитъ свои силы, или непсправимо губитъ ихъ. Но люди заурядные больше всего нуждаются въ этомъ предостереженіи. У тѣхъ обильный запасъ даровъ и они щедрой рукой сѣютъ во имя духа или плоти. Но мы съ своимъ скуднымъ даромъ думаемъ, къ чему намъ сѣять? Обычное искушеніе для людей толпы заключается въ томъ, чтобы совсѣмъ не радѣть о посѣвѣ. Мы такъ мало можемъ пріобрѣсти на нашъ талантъ, что оправдываемъ себя мыслью, что не стоитъ и думать о немъ.

Говорятъ, что нѣтъ атеистовъ. Но, вѣроятно, они существуютъ, и для нихъ дѣйствительно нѣтъ Бога. Они не могутъ зрѣть Бога потому, что у нихъ нѣтъ глазъ, а только зародышъ, атрофированный нерадѣніемъ.

Излишне говорить, что все это есть плодъ небрежности не въ смертный часъ, а въ теченіе всей жизни. Процессъ въ полномъ ходу и дѣйствуетъ всегда. Безполезно относить послѣдствія къ будущему, когда вліянія могутъ быть наблюдаемы во всякое время. Мы всегда тѣшимъ себя самообманомъ, отдаляя послѣдствія нашихъ дурныхъ дѣлъ и надѣясь, что ихъ можно будетъ загладить когда-нибудь, ну, хоть въ часъ смерти. И мы, думая отдалить часъ расплаты и отчета Богу, грѣшимъ съ болѣе легкимъ сердцемъ. Но каждый день есть день расплаты. Каждая душа есть книга живота, и природа, какъ всевѣдущій ангелъ, отмѣчаетъ въ ней каждый грѣхъ. Какъ всѣ нѣкогда будутъ судимы Верховнымъ Судіей, такъ всѣ судятся теперь природой. Вчерашній грѣхъ, какъ частицу своего возмездія, ведетъ за собою сегодняшній грѣхъ. Всѣ они, какъ молчаливые мстители за наше прошлое, слѣдуютъ съ нами до самой могилы. Мы не можемъ обмануть природу. Никакая уловка не въ силахъ измѣнить дѣйствительности безсмертной природы каждой данной минуты.

Непрощенные грѣхи не хранятся гдѣ-нибудь въ сторонѣ, чтобы всею тяжестью обрушиться на насъ въ минуту смерти; нѣтъ, они всегда тутъ,

внутри насъ. Сегодня воскрешаетъ ихъ прошлое, завтра воскреситъ все, совершенное нами сегодня. И вся сила грѣха, посколько мы ее развили въ себѣ, накопляясь съ каждымъ нашимъ дыханіемъ, всегда внутри насъ. И потому страшно впасть въ руки Бога живаго, страшно даже, если, выражаясь словами философа, „руки живаго Бога суть законы природы".

Каковы бы ни были чаянія неба, лелѣемыя нерадивой душой, они во всякомъ случаѣ безумны. Какъ можетъ душа вознестись къ небесамъ, если она въ теченіе всей жизни пренебрегала всѣми средствами, чтобы освободиться отъ міра и отъ себя? Откуда у нея могли явиться небесныя способности, если она не развивала ихъ здѣсь, на землѣ? Откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла развиться въ ней малѣйшая духовная оцѣнка Бога и неба, если она здѣсь оставалась чужда всего духовнаго и ни въ чемъ не проявляла этой духовности? Если всякій порывъ души къ Богу заглушался, всякій просвѣтъ къ небу былъ затемненъ, всякій даръ религіозной любви и вѣры упорно пренебрегался и отрицался, то откуда могла развиться способность находить утѣшеніе въ томъ, что намъ даруютъ Богъ и небо?

Вѣдь истинная задача нашей духовной жизни, какъ разъ противоположна небрежности. Только не будьте нерадивы, и вы спасетесь. Это значитъ—развивайте вашу душу такъ, чтобы она всѣми силами стремилась къ Богу и, созерцая Бога, удалялась отъ грѣха. Это значитъ—создайте на развалинахъ ветхой твари новую, которая въ противоположность ветхой, выраждающейся отъ небрежности, только все болѣе освобождается, раскрываясь во всей своей духовной мощи и красотѣ. И такъ какъ наши представленія о духовномъ существѣ составляются по свойствамъ нашего тѣлеснаго существа, то и понятія, которыми мы должны руководиться для развитія нашей духовной природы, мы можемъ просто заимствовать изъ хорошо знакомыхъ намъ чертъ ветхой нашей твари.

Такъ, напримѣръ, въ духовной нашей природѣ существуетъ чувство зрѣнія. Пренебрегая имъ, не развивая его, вы не будете имъ обладать; вы ничего не будете видѣть. Но развивайте его, и вы узрите Бога. А какъ развивать его — намъ извѣстно. Будьте чисты сердцемъ. Чистые сердцемъ Бога узрятъ. Итакъ, вотъ передъ нами способъ развитія одного изъ свойствъ души и мы имѣемъ впереди возможность черезъ чистоту сердца узрѣть Бога.

Затѣмъ мы имѣемъ чувство слуха. Не радѣйте о немъ, оставьте его неразвитымъ, и вы лишитесь его. Вы просто ничего не будете слышать. Развивайте его—и вы услышите Бога. А способъ для развитія намъ тоже извѣстенъ. Нужно только повиноваться Христу, стать овцой Его стада. „И овцы слушаются голоса Его, и Онъ зоветъ Своихъ овецъ

по имени". Итакъ, вотъ другая возможность развитія души, дверь, отворяемая въ овчарню, чтобы слышать голосъ Пастыря.

Нужно пріобрѣсти и чувство осязанія, подобное тому, какимъ обладала женщина, прикоснувшаяся къ краю одежды Христа,—ту дивную силу прикосновенія, которая зовется вѣрой и принимаетъ въ сердце Бога.

Есть и чувство вкуса—духовная жажда Бога, нѣчто внутри насъ, чувствующее и видящее, что Онъ благъ. Это даръ вдохновенія. Пренебрегайте имъ и вся картина духовнаго міра будетъ мертвой и ледяной. Но развивайте его и оно охватитъ всю душу священнымъ огнемъ и освятитъ все твореніе Богомъ. Наконецъ, существуетъ великая сила любви, даже любви къ Богу, дающая намъ все большую возможность чувствовать Его необъятность. Пока этого чувства нѣтъ, ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствительно понимать всего „величія спасенія", мѣриломъ котораго являются слова Христа: „Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго".

Въ самомъ дѣлѣ, какъ избѣжимъ мы погибели, вознерадѣвши о толикомъ спасеніи?"

(Продолженіе слѣдуетъ).

Проклятіе, или невольница — Злата.

Повѣсть изъ Сербской жизни Кирилла, архимандрита.

«Что насильнымъ взято
«, . . .—проклято».
Изъ нар. пѣс.

Не далеко отъ кроваваго Делиграда, по лѣвую сторону высотъ, почти у самаго подножія „Буковика“, расположилось село Мозгово. Тутъ же около села на необозримое пространство разстилался общинный выгонъ, по которому паслось стадо овецъ и прочаго скота. Этотъ лугъ раздѣлялся на сельскіе участки, по которымъ тутъ и тамъ виднѣлись кучками пастухи и пастушки, водившіе игры: то въ лапту, то въ городки, а то въ невольники. Одинъ изъ такихъ участковъ выдвигался замѣтно впередъ, и прилегалъ близко къ дорогѣ по направленію отъ Ниша въ Бѣлградъ. На этомъ-то участкѣ играло нѣсколько пастуховъ. Между ними были двѣ дѣвочки-пастушки: Злата и Смиляна. Смиляна была десяти—двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой, Злата была постарше,—ей было около шестнадцати лѣтъ. Ея статность, однако, придавала ей видъ восемнадцатилѣтней.

Высокій ростъ, стройный и гибкій станъ Златы, — правильныя черты лица, снѣжная бѣлизна, украшенная природнымъ румянцемъ, чудные глаза и какъ смоль черныя брови, дѣлали ее красавицей. И дѣйствительно, Злата считалась первою красавицей не только въ своемъ родномъ селѣ, но и во всемъ околоткѣ. Она была одѣта просто: на головѣ была феска стариннаго покроя, сарафанъ плотно облегалъ ея стройный станъ и на ногахъ видѣлись опанки изъ сырой воловьей кожи. Простое платье очень было къ лицу Златы, точно изящная рамка къ прелестной картинкѣ. Но не одна только наружная красота была удѣломъ Златы,—она являлась спутницей болѣе совершенной, болѣе возвышенной душевной красоты. Злата была кроткою, трудолюбивою и доброю,—словомъ примѣрною дѣвушкой. Съ первой встрѣчи можно было плѣниться Златой. Когда Златѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ и родители ея еще и не думали о ея замужествѣ, ее уже окружала толпа жениховъ.

Родители Златы—Милойко и Марія были простые люди. Кромѣ Златы у нихъ былъ еще тринадцати—четырнадцатилѣтній сынъ — Мирко. Обоихъ своихъ дѣтокъ родители берегли, какъ зѣницу ока, такъ какъ они составляли не только ихъ радость и счастье, но и отрадную надежду имѣть опору въ старости. Нѣжную любовь и радость родителей къ ихъ дѣтямъ усиливали еще царившія между братомъ и сестрой привязанность и дружба. Они были неразлучны, вмѣстѣ ходили въ церковь, вмѣстѣ гуляли и играли, вмѣстѣ пасли овецъ — и, такъ сказать, выросли, какъ пара ягнятъ.

Былъ май мѣсяцъ 1795 г. Лѣсъ уже одѣлся свѣжимъ листомъ и вся природа дышала новою жизнью.

По одну сторону „зеленыхъ нивъ“ паслось стадо овецъ. Въ воздухѣ отчетливо слышалось блеяніе матокъ по отлучившимся ягнятамъ. Въ тѣни одного изъ деревьевъ расположилось нѣсколько пастуховъ; они поснимали свои торбы и собирались обѣдать. Пока готовился обѣдъ, между ними завязался разговоръ: во что играть? Кто предлагалъ въ лапту, кто въ городки; Злата же рѣшила: „будемъ играть въ невольники“. Пастухи, привыкшіе слушаться Златы, не противились ея желанію, сознавая, что она между ними и старше и смышленѣе. Но только-что принялись обѣдать, какъ одинъ изъ пастуховъ поворотилъ свой взоръ на сѣверо-восточную сторону, гдѣ пролегалъ путь отъ Сокола-Бани (Алексинца) черезъ село Мозгово, пересѣкая „зеленый лугъ“.

Дорога эта чрезвычайно живописна. Кто разъ въ жизни своей проѣзжалъ или проходилъ по этому пути, его такъ и манило побывать еще разъ тамъ, чтобы насладиться красотою этого очаровательнаго мѣста.

На эту-то дорогу устремилъ свой взоръ пастухъ и, указывая рукой, воскликнулъ:

— Вонъ, глядите, мнѣ кажется по дорогѣ скачутъ всадники!

Всѣ поворотили головы въ указанную сторону и дѣйствительно замѣтили какихъ-то всадниковъ. Разстояніе между пастухами и всадниками было еще такъ велико, что трудно было опредѣлить: сербы это или Турки. Чѣмъ, однако, больше всадники приближались, тѣмъ очевиднѣе становилось по имъ бѣлымъ чалмамъ, что это—турки.

Пастухи перепугались, и въ одинъ голосъ закричали:

— Турки, турки!... бѣжимъ!

Но бѣжать оказалось уже поздно; не болѣе четырехъ сотъ шаговъ отдѣляло эту баззащитную кучку сербскихъ пастуховъ отъ свирѣпыхъ и лютыхъ турокъ. Пастухи вскочили на ноги и остановились, какъ вкопаные... Десятокъ турецкихъ всадниковъ, ѣхали изъ Сокола-Бани

въ Бѣлградъ; одну лошадь безъ сѣдока, какъ бы запасную, вели въ поводу. На статномъ ворономъ конѣ мисирской (египетской) породы, впереди остальныхъ всадниковъ,—спдѣлъ молодой, красивой наружности турчинъ, съ виду лѣтъ 22—24-хъ. Его золотомъ вышитая одежда свидѣтельствовала о томъ, что онъ сынъ знатныхъ и богатыхъ турецкихъ родителей. Чапракъ надъ его сѣдломъ былъ весь расшитъ золотомъ; уздечка и удила окованы серебромъ и унизаны снизу маленькими, блиставшими и трепетавшими монетами. Трудно было рѣшить — кто богаче одѣтъ: турчинъ или его конь. Молодой турокъ, подбоченившись правою рукой, посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону, любуясь панорамою величественныхъ горъ: Ртня, Озрена, Шабацовицы, Рожня, Джуницкихъ высотъ и, казалось, — безпредѣльной равниной Бинчъ-Моравской.

Очутившись около пастуховъ, турки пріостановили лошадей. Молодой турокъ, ѣхавшій впереди, обернулся и, что-то по турецки сказалъ слугѣ, державшему въ поводу лошадь. Этотъ слуга, по турецки—сеизъ, иначе конюхъ, отличался ростомъ и силой. Онъ былъ выбритъ, а это указывало, что онъ не турокъ. На чисто сербскомъ языкѣ, онъ принялся разспрашивать пастуховъ: откуда и чьи они? Пастухи отвѣчали, какъ умѣли. Въ это время молодой турокъ замѣтилъ стоявшую тутъ же Злату, и его пристальный, проницательный взоръ устремился на нее. По его лицу скользнуло звѣрское довольство, и глаза его засверкали отъ радости. Одна только Злата, не подозрѣвая, что ее ожидаетъ, какъ-то неувѣренно посматривала по сторонамъ, потупивъ взоръ въ землю, чтобы ни одинъ взглядъ ея, даже случайный, не встрѣтился со взглядомъ турка. Молодой турокъ что-то сказалъ сеизу. Тогда сеизъ обратился къ Златѣ съ вопросомъ: чья она, имѣетъ ли родителей, братьевъ и сестеръ? Злата испуганнымъ и дрожащимъ голосомъ отвѣтила: что у нея есть отецъ, мать и одинъ братъ. Молодой турокъ опять что-то сказалъ сеизу; тотъ сошелъ съ коня и обращаясь къ Златѣ, проговорилъ:

— Послушай, дѣвушка!—Ага заглядѣлся на тебя и желаетъ взять тебя кадуней, въ жены. Ага хочетъ сдѣлать тебя счастливою; ты будешь одѣваться въ шелкъ и бархатъ, тебя не коснутся ни жаркій лучъ солнца, ни дождевая струя. Поѣзжай съ нами.

Злата и ея братъ зарыдали. Остальные пастухи до того были испуганы, что только и думали о томъ, какъ бы имъ убѣжать.

Сеизъ опять обратился къ Златѣ со словами:

— Чего плачешь? Хочешь или не хочешь, а ты должна съ нами ѣхать, того хочетъ ага. Глупая! Развѣ у тебя нѣтъ желанія жить госпожей и быть кадуней аги, вмѣсто того, чтобы всю жизнь возиться съ

козами и овцами? Выбирай какого хочешь коня: или того, на которомъ я сижу, или того, котораго держу въ поводу, и—гайда съ нами!

— Не нужно мнѣ ни того ни другого коня! храбро отвѣтила Злата.—Я сербка—христіанка, не люблю турка!

Сеизъ передалъ отвѣтъ Златы молодому турку. Турокъ вспыхнулъ, какъ пламя, и повелительно крикнулъ:

— „Тутъ!“ (Держи ее!).

Сеизъ схватилъ Злату за обѣ руки и потащилъ насильно къ лошади.

Бѣдная Злата пыталась вырваться у него, кричала и умоляла пустить ее. Напрасно. Могучія руки сеиза крѣпко держали Злату. Братъ Златы, со скрещенными на груди руками, палъ ницъ передъ туркомъ и, рыдая, умолялъ его не увозить съ собою его единственной сестры; остальные пастухи только плакали и дрожали отъ страха. Послѣднія роковыя слова вырвались изъ устъ молодого турка:

— „Ат атн истиме!“ (Посади ее на коня!).

Нечистыя руки протянулись къ Златѣ, и въ одно мгновеніе она очутилась на лошади. Турки погнали коней и быстро скрылись въ ближайшемъ лѣсу. До слуха на смерть перепуганныхъ пастуховъ долеталъ только конскій топотъ и раздиравшіе душу вопли несчастной Златы, взывавшей:

— Братъ, майка, бабо! (мать, отецъ).

Турецкое самоволіе и звѣрство похитили это невинное созданіе, этотъ прелестный вѣшній цвѣтокъ и силою увели въ неволю,—но куда?.. Богъ знаетъ!

„Сербинъ родитъ, а турокъ уводитъ“. Сербъ воспитываетъ, а турокъ наслаждается, говоритъ сербскій поэтъ.

Придерживая одною рукою за поводъ лошадь, на которую посадили Злату, а другою держа Злату за руку, ѣхалъ сеизъ.

Теперь, оставивъ несчастную Злату, ея горькой участи, мы заглянемъ въ домъ бѣдныхъ родителей, потерявшихъ единственную дочь, и посмотримъ, что тамъ происходило.

II.

Въ то время, когда Злата была похищена, родителей ея не было дома и они возвратились въ свою хижину только къ вечеру, когда уже совершенно стемнѣло. Подходя къ хижинѣ, они остановились и начали прислушиваться.

Мужъ сказалъ женѣ:

— Слышишь — вопль и плачъ въ нашемъ домѣ, чтобы это значило?

Они прибавили шагу, чтобы поскорѣе войти въ хижину, гдѣ ихъ ожидала страшная вѣсть. Мирко истерически рыдалъ и причитывалъ по своей дорогой сестрѣ. Бывшіе въ избѣ сосѣди высказывали сильное сочувствіе и глубокое сожалѣніе, что домъ Милойка постигло такое великое горе. Завидѣвъ родителей, Мирко затрепеталъ, какъ раненый соколъ, и съ воплемъ кинулся имъ на грудь:

— Турки насильно похитили Злату и увели ее неизвѣстно куда!

Пораженные точно громомъ этою ужасною вѣстью Милойко и Мара не вдругъ могли понять, что кругомъ ихъ творится. Только тогда, когда Мирко разсказалъ, что случилось на „зеленыхъ нивахъ“, наступила удручающая сцена: рыданія отца и матери слились съ плачемъ сына. Мать такъ ужасно убивалась по своей единственной дочери, что, глядя на ея страданія, сердце разрывалось. Отецъ метался изъ угла въ уголъ и взывалъ къ присутствующимъ:

— Помогите, братья! Спасите мою единственную дочь, мою красавицу-Злату, мое дорогое дитятко!

Сосѣди, поникнувъ головами, утирали слезы; не было живой души, которая не плакала-бы.

— Что помогутъ, брате Милойко, сказалъ старый дядя Радэ,— твои напрасные вопли. Случившагося не измѣнишь... Не ты первый, и не ты послѣдній плачешь по своему живому ребенку. Четыреста лѣтъ уже, какъ поганые турки издѣваются надъ сербскимъ народомъ. Насильно уводятъ его въ рабство и отуречиваютъ. Тебя еще пеленали и ты помнить не можешь, когда звѣри-турки захватили твою родную, единственную сестру и увезли куда-то—въ Нишъ ли, въ Бѣлградъ ли. Я живо помню случившееся, будто это вчера только происходило. Съ тѣхъ поръ, точно сквозь землю провалилась, ни слуху, ни духу—жива ли еще... Грѣхи и раздоры нашихъ отцовъ пали на наши головы, и мы, горемычные, должны страдать и терпѣть!... Божья воля! Развѣ ты не слышалъ, что турки отняли у родителей въ Джунисѣ тоже единственную дочь? А то увели въ рабство жену отъ живаго мужа. Кто въ состояніи перечесть всѣ обиды и насилія, претерпѣваемыя сербскимъ народомъ отъ своевольныхъ и дикихъ турокъ? Молись Богу! Онъ милостивъ и спасетъ твою дорогую Злату!...

Мало утѣшительнаго для Милойки заключалось въ сказанномъ старымъ дядей Радэ, но искра надежды немного успокоила его, и онъ началъ придумывать,—какимъ бы образомъ по крайней мѣрѣ узнать,

куда турки увезли и гдѣ скрыли Злату? Между тѣмъ, мать не переставала горько плакать и причитывать:

— Единственная моя, радость моя, знала бы я, что ты умерла,— легче бы перенесла это, жалости достойная мать твоя! Горе мнѣ, моя красавица! Тяжело мнѣ, я потеряла тебя! Ахъ, я бѣдная!

— Оставь твои причитанія, сказалъ Милойко,—смирись... Мнѣ все думается, что наша Злата будетъ спасена, она умна и находчива.

Послѣ этихъ словъ онъ поникъ головой и глубоко задумался. Очнувшись, онъ произнесъ:

— Завтра будетъ тоже день,—что-нибудь придумаемъ!

Долго сидѣли сосѣди въ избѣ Милойка и оживленно толковали о Нишскихъ, Крушевскихъ и Бѣлградскихъ туркахъ, а всего больше о жалкой участи Златы и ея неожиданной неволѣ.

Ужь поздно вечеромъ поднялся дядя Радэ, и сказалъ:

— Толкамъ не предвидится конца, пора по домамъ.

Всѣ сосѣди встали и, пожелавъ покойной ночи, разошлись по домамъ.

Тяжелую ночь провели Милойко и его жена,—сонъ улеталъ отъ нихъ; то они плакали, то утѣшали другъ друга надеждою опять увидѣть Злату; то придумывали—какимъ способомъ узнать, куда турки увезли ее.

Утромъ, когда мать встала и заглянула въ свѣтелку, гдѣ хранилась одежда Златы, сердце у нея такъ больно сжалось, и она, прижавъ одежду къ своей груди обливая ее слезами, горько причитывала.

Съ ранняго утра собрались сосѣдки,—женщины и дѣвушки; подруги старались утѣшить мать Златы, но у нихъ у самихъ щемило сердце и сами онѣ плакали. Развѣ можно словами утолить боль разбитаго материнскаго сердца?—Единственное лѣкарство для него—это увидѣть потерянную дочь.

Приблизилось время выгонять овецъ на пастбище. Мирко по дорогѣ къ загону остановился и оглянулся на домъ, точно ожидая кого; однако онъ скоро вспомнилъ, что теперь онъ одинъ будетъ стеречь овецъ, и слезы брызнули у него изъ глазъ. Мать и отецъ бросились къ сыну утѣшать его.

— Не плачь, сынокъ! Сестра твоя не далеко, мы ее найдемъ!... но подступившія къ горлу слезы помѣшали и имъ дольше говорить.

III.

На томъ же самомъ мѣстѣ, подъ тѣмъ же деревомъ, гдѣ вчера турки похитили Злату, собрались пастухи, очевидцы этого возмутитель-

наго насилія. На ихъ лицахъ отражалась глубокая скорбь. Мирко плакалъ, пастухи угрюмо молчали. Невыносимая жалость угнетала имъ грудь... не было между ними Златы.

Въ тотъ же день Милойко отправился въ погоню за турками по дорогѣ къ Рожню на Бѣлградъ. Всѣхъ встрѣчныхъ онъ распрашивалъ: не видѣли ли они турецкихъ всадниковъ и не замѣтили ли между ними дѣвушки? Близь Рожня сообщилъ Милойкѣ пастухъ, что въ полдень дѣйствительно какіе-то турки проѣхали этимъ путемъ, но была ли съ ними какая дѣвушка—объяснить ничего не могъ. Около Шупеляка (Іовановацъ) отъ одной старушки Милойко тоже узналъ, что предъ наступленіемъ ночи 8—10 турокъ проѣхали, но была ли съ ними какая дѣвушка старуха утвердительно сказать не могла. Такъ, разспрашивая и разузнавая, Милойко дошелъ до Чупріи и добравшись до моста на рѣкѣ Моравѣ, остановился, оглянулся кругомъ, заплакалъ и глубоко вздохнулъ,—подумавъ: „Все пропало! Никогда уже мнѣ не увидѣть моей Златы!..“

Трудно передать какія грустныя мысли, на обратномъ пути въ Мозгово роились въ головѣ удрученнаго горемъ отца. Почти пять дней Милойко пробылъ въ пути безъ отдыха, сна и пищи. Его тревожила мысль о томъ, что онъ скажетъ ожидавшей съ нетерпѣніемъ вѣстей, изстрадавшейся женѣ своей.

На пятый день, поздно вечеромъ, Милойко возвратился домой. Измученный внутреннимъ волненіемъ, утомленный долгимъ переходомъ и голодный, войдя въ избу и поздоровавшись съ женою, онъ сѣлъ на стулъ у очага. Обрадовавшаяся его приходу Мара съ жадностью и въ волненіи накинулась на мужа съ разспросами: узналъ ли что нибудь о Златѣ, догналъ ли гдѣ нибудь турокъ? Но Милойко такъ былъ подавленъ и измученъ, что не могъ ничего отвѣтить ей. Только послѣ продолжительнаго молчанія, вздохнувъ глубоко, онъ сказалъ женѣ:

— Напрасно я доходилъ до Чупріи, по дорогѣ люди говорили мнѣ, что видѣли турокъ; но никто не могъ мнѣ сказать что-либо относительно бѣдной Златы!

IV.

Въ то время, какъ Милойко отправился отыскивать слѣдъ похитившихъ Злату турокъ, и Мара не сидѣла сложа руки. Она побывала не только у Мозговскихъ гадалокъ, но и у гадалокъ всей окрестности, чтобъ разузнать что-либо о судьбѣ Златы. Какъ только доходили до Мары слухи о какой либо знахаркѣ, такъ она, забравъ съ собой что

нибудь изъ вещей Златы, по которымъ можно было-бы гадать, отправлялась для гаданія. Кромѣ того она захватывала съ собой и сосудъ со свѣжею водой изъ того колодца, въ которомъ обыкновенно брала воду для домашняго употребленія.

Знахарки ей гадали: одна говорила, что Злата въ хорошемъ мѣстѣ, жива и здорова, но скучаетъ по дому и родителямъ; другая предсказывала, что Злата избавится отъ рабства, но пока это случится, много пройдетъ времени; и эта также утверждала, что Злата жива и здорова.

Наконецъ Мара рѣшила обратиться къ одной славившейся и далеко извѣстной гадалкѣ, чтобы узнать, что̀ ей она скажетъ. Мара взяла съ собою кувшинъ со свѣжею водой и рубашку Златы, и отправилась въ село, въ которомъ проживала эта гадалка.

На самомъ краю села, на холмикѣ, стояла полуразвалившаяся лачужка. Кругомъ другихъ построекъ не было. Около лачужки не видѣлось ни изгороди, ни огорода и стояло лишь единственное высохшее шелковичное дерево, на сучьяхъ котораго было развѣшано жалкое тряпье. На жерди, стоявшей тутъ же, висѣло ветхое одѣяло. Около лачуги виднѣлась изломанная повозка. Подальше валялась мялка, подъ которой лежала дремавшая старая собака. Почуявъ приближеніе Мары, собака подняла голову, поглядѣла на Мару и опять закрыла глаза, даже не залаявъ. Подъ стрѣхой висѣлъ пучокъ краснаго турецкаго перцу, на концѣ котораго мотался пучекъ пряжи. Рядомъ висѣли изорванные чулки. Около помойки расхаживалъ пѣтухъ съ двумя-тремя курицами. На самомъ порогѣ лачуги сидѣлъ и дремалъ старый бѣлый котъ.

По серединѣ избы былъ очагъ, на которомъ дымился огонь. Надъ огнемъ очага висѣлъ на цѣпи чугунный котелокъ. Подальше стоялъ трехногій стулъ. Въ переднемъ углу избы помѣщалась лавка, на которой лежалъ мѣшокъ съ мукою; рядомъ стоялъ горшокъ, изъ котораго виднѣлась деревянная ложка. Въ другомъ углу лачуги былъ вдѣланъ въ стѣну посудный шкапъ. Рядомъ съ очагомъ лежалъ тощій поросенокъ. Вся обстановка ясно свидѣтельствовала, что въ этой жалкой лачугѣ давно уже не было хозяина, главы дома. Въ эту-то лачугу вошла бѣдная Мара, чтобы узнать о судьбѣ своей несчастной Златы. Она застала тамъ только одну почти столѣтнюю, дряхлую старуху. Старуха суетилась по избѣ и незамѣтила вошедшей Мары.

Только, когда Мара привѣтствовала ее, она обернулась, прикрыла рукой глаза, быстро и пристально окинула Мару взоромъ и тогда отвѣтила на ея привѣтъ.

— Дай тебѣ Господь всего хорошаго, дочь моя!

Странное впечатлѣніе произвела эта дряхлая старуха на Мару. Отъ глубокой старости она согнулась почти въ дугу; голова у ней постоянно тряслась; все лицо было покрыто морщинами. Глаза были впалые и до того маленькіе, что скорѣе имѣли видъ двухъ чечевичныхъ зернышекъ, чѣмъ глазъ. Руки высохшія и костлявыя, точно двѣ палки. Въ первое мгновеніе можно было принять ее скорѣе за мумію, чѣмъ за живое существо.

Слабымъ и едва слышнымъ голосомъ старуха спросила Мару:

— Что скажешь хорошаго, моя дочь?

— Эхъ, мать моя!—Ничего хорошаго... Великое несчастье постигло меня. Турки похитили единственную мою дочь и увели куда-то въ неволю; вотъ я и пришла къ тебѣ, прошу и умоляю тебя, если можешь, скажи мнѣ что̀ нибудь про мою бѣдную Злату!—проговорила Мара и залилась слезами.

— Какъ! Турки увели въ неволю твою дочь!?

— Увели, майко [1])! вотъ уже четвертый день, и мы ничего не знаемъ куда ее дѣвали!

— О, проклятые турки! Эхъ, дочь моя, сколько помню такихъ печальныхъ случаевъ и сколько турки плѣнили и отуречили сербокъ, а все я еще, къ несчастью, жива и гляжу на страданія сербскаго народа!

При словѣ отуречили Мара почувствовала точно ужаленіе змѣи, но быстро опомнилась и повторила свою просьбу. Старуха отнѣкивалась: я уже, дочь моя, стара, скорѣе уже на томъ, чѣмъ на этомъ свѣтѣ. Батюшка мнѣ разъ сказалъ, что великій грѣхъ гадать. Я уже плохо слышу и вижу, да и то, что̀ умѣла ворожить, теперь почти позабыла. Молись Богу, Онъ тебѣ поможетъ...

Мара приставала, просила и умоляла старуху сказать ей что нибудь о судьбѣ Златы.

Послѣ долгаго упрашиванія старуха спросила:

— Принесла ли ты съ собою что нибудь изъ вещей Златы и кувшинъ свѣжей воды изъ колодца?

— Да, отвѣтила Мара.

Старуха подошла къ стѣнному шкапчику и дрожащими отъ старости костлявыми руками отперла этотъ шкапчикъ, вынула изъ него зеленую глиняную миску; взяла у Мары кувшинъ и вылила изъ него воду въ эту миску, затѣмъ оторвала маленькій кусочекъ тесемки, завязывавшей воротникъ Златиной рубашки, и, помявъ его костлявыми пальцами, зѣвая

---

[1]) Матушка.

и что-то шепча, перекрестила надъ миской три раза и опустила въ нее смятую въ комокъ тесемку. Комокъ поплылъ по водѣ, ударяясь то объ одинъ, то объ другой край миски. Прикрывъ сверху рукою глаза, старуха внимательно слѣдила за движеніями и мелькавшею на днѣ миски тѣнью; качала головой и шептала. Нѣсколько разъ костлявымъ пальцемъ поворачивала и отталкивала комокъ въ одну сторону, однако онъ плылъ въ противоположную. Старуха что-то призадумалась, прищурила глаза и съ минуту молчала.

Мара съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за старухой, нетерпѣливо ожидая, что она ей скажетъ. Въ эти минуты Мара ощущала въ душѣ такое же чувство, какое испытываетъ преступникъ при чтеніи надъ нимъ приговора, не зная, будетъ ли ему помилованіе или смерть.

Но вотъ старуха, встряхнувъ головой, проговорила:

— Все въ рукахъ Божіихъ. Мы грѣшимъ, прибѣгая къ такимъ, Богу противнымъ, средствамъ: такъ мнѣ и нашъ добрый, покойный батюшка внушалъ. Да проститъ мнѣ Богъ это прегрѣшеніе!..

— Я въ жизни моей много нагрѣшила, многое угадывала, но больше не угадывала; никогда, однако, не случалось мнѣ видѣть подобное чудо, какое теперь вижу. Я стара и мнѣ пора умирать, поэтому и желаю высказать тебѣ все то, что я узнала по примѣтѣ о твоей дочери. Примѣта указываетъ, что Злата находится въ некрещеномъ домѣ; домъ этотъ богатый. Злата высвободится изъ этого дома, не отступитъ отъ своей вѣры, но едва ли... да... едва ли вы ее когда нибудь увидите!..

При послѣднихъ словахъ: „едвали вы ее когда нибудь увидите“, Мара вздрогнула и поблѣднѣла.

Въ это мгновеніе она почувствовала въ душѣ своей и неизъяснимую радость и жгучую боль. Радость, что Злата не отступитъ отъ своей вѣры, боль—что она свою дочь никогда больше не увидитъ.

Мара поблагодарила старуху, поцѣловала ей руку, положила какую могла лепту и возвратилась домой.

Въ тотъ вечеръ, когда Милойко прибылъ изъ своей погони за турками, Мара сообщила, что она побывала у гадалокъ, и о томъ, что онѣ ей говорили про Злату; а также передала и то, что ей сказала знаменитая гадалка. Милойко не былъ доволенъ, что жена побывала у гадалокъ, такъ какъ считалъ это за грѣхъ; но родительская любовь къ своему дитяти взяла верхъ, и Милойко не упрекнулъ за это свою жену, а только вздохнулъ, поднялъ очи къ небу и сказалъ: „Боже, будь покровителемъ нашей бѣдной Златѣ!“

Такъ проходили дни за днями, отецъ и мать тосковали по своей единственной дочери, братъ по единственной сестрѣ. Всѣ жили надеждой,

что Злата жива. Но слова знахарки о томъ, что они ее уже никогда больше не увидятъ, это роковое предсказаніе было источникомъ постояннаго безпокойства и мучительной тоски для удрученныхъ родителей.

Печаль родительская о потерянномъ дѣтищѣ не поддается описанію; только испытавшій такое горе можетъ понять полный отчаянія ужасъ бѣднаго родительскаго сердца. Нѣтъ жертвы, которую родители не принесли бы ради спасенія своего дитяти. Такъ поступали и родители Златы; иначе оно и не могло быть.

V.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло съ того роковаго дня, въ который турки похитили Злату. Хозяйство разстроилось въ домѣ родителей Златы. Стояла страдная пора, когда каждый поселянинъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить на зиму существованіе свое и семьи своей; но Милойко и Мара не думали объ этомъ, ихъ мысли постоянно улетали за Златой: гдѣ она? жива ли и увидятъ ли они ее когда нибудь? Болѣе же всего огорчала ихъ невозможность что нибудь узнать о ней.

Въ одинъ вечеръ, когда семья Милойки сидѣла за ужиномъ, заблеялъ ягненокъ въ загонѣ. Всѣ трое—Милойко, Мара и Мирко задрожали и съ напряженіемъ прислушивались, такъ какъ имъ почудился голосъ Златы. Ягненокъ вторично заблеялъ и тогда только они поняли, что это не голосъ Златы.

Милойко рѣшился отправиться въ Соколъ-Баню и тамъ разузнать: „откуда были тѣ турки, которые проѣхали чрезъ Мозгово и похитили его дочь“. Онъ снарядился въ путь вечеромъ, а на другой день чуть разсвѣло отправился въ Соколъ-Баню. Добравшись туда, Милойко началъ распрашивать одного, другого и, наконецъ, узналъ отъ какого-то турка, что дѣйствительно мѣсяца два тому назадъ, пріѣзжалъ въ Соколъ-Баню одинъ молодой, богатый турокъ погостить къ своимъ родственникамъ,—Ашимъ Беговичамъ; этотъ турокъ изъ Бѣлграда сынъ богатаго землевладѣльца—турка, Рашидъ Беговича.

— Увѣряю тебя, добавилъ турокъ, что сказанное мною вѣрно, такъ какъ я самъ служилъ въ домѣ Ашимъ Беговича и какъ разъ былъ тамъ въ ту минуту, когда пріѣзжалъ къ нему гостить его родственникъ.

Такимъ образомъ Милойко почти навѣрное зналъ, гдѣ его Злата. Немного отдохнувъ, Милойко въ тотъ же день возвратился домой. На обратномъ пути онъ всячески думалъ и соображалъ, какъ и какимъ способомъ освободить изъ неволи свою дочь. Приходила ему мысль, кого-

нибудь нанять и послать въ Бѣлградъ на поиски Златы, но мысль эту, какъ не пригодную, онъ оставилъ. Думалъ, думалъ, и наконецъ рѣшилъ: „пойду самъ въ Бѣлградъ,—что Богъ дастъ“!

Съ первыми пѣтухами Милойко добрался до дому. Когда онъ постучалъ въ ворота, его окликнула жена: „это ты, Милойко“?—и тотчасъ отперла, услышавъ его голосъ.

— Я такъ и думала, что ты прійдешь, глазъ не смыкала, постоянно поджидая тебя — и тутъ же спросила Милойка: „не узналъ ли въ Соколъ-Баню что-нибудь про Злату?“ Милойка разсказалъ ей, что ему сказалъ турокъ, и прибавилъ:—„знаешь что,—я рѣшился самъ пойти въ Бѣлградъ, авось Богъ дастъ, что я тамъ что нибудь развѣдаю о Златѣ“.—Мара была добрая, послушная жена; мужу своему никогда не перечила, особенно же въ настоящемъ дѣлѣ. Она ему отвѣтила: „Ступай, Милойко! Счастливый тебѣ путь и Богъ да поможетъ тебѣ! О домѣ не безпокойся!“

Спустя два дня путники встрѣчали на дорогѣ прохожаго, одинокаго человѣка съ палкою въ рукахъ и котомкою за плечами. Человѣкъ этотъ не шелъ, какъ другіе ходятъ; онъ, видимо, торопился, почти бѣжалъ, точно кто гнался за нимъ. Этотъ человѣкъ былъ Милойко изъ Мозгова. Почему онъ такъ торопился, легко понять. Онъ такъ былъ поглощенъ своимъ предпріятіемъ, что не замѣчалъ передъ собою ни пути, ни усталости. Онъ шелъ день и ночь, чтобы только поскорѣе добраться до Бѣлграда. До сихъ поръ Милойко никогда еще не бывалъ въ Бѣлградѣ. По дорогѣ онъ встрѣчалъ много путешественниковъ, однихъ на лошадяхъ, другихъ пѣшкомъ. Въ одномъ мѣстѣ въ тѣни у источника, Милойко засталъ расположившійся тутъ для отдыха обозъ. Поздоровавшись съ чумаками, онъ спросилъ ихъ—откуда и куда ѣдутъ, самъ къ нимъ присѣлъ отдохнуть и напиться воды. Чумаки ѣхали изъ Бѣлграда, они перевозили товаръ въ какой-то городокъ внутри Сербіи. Одинъ изъ чумаковъ въ свою очередь спросилъ Милойка, откуда онъ и куда идетъ?

Милойко разсказалъ, что онъ родомъ изъ Мозгова, и что идетъ въ Бѣлградъ.

Другой чумакъ подхватилъ: за какимъ добромъ, братъ, идешь въ Бѣлградъ?

— Ахъ, мой братъ, отвѣтилъ Милойко, кабы твоими устами да медъ пить, но добро далеко отъ меня!“..

Тутъ Милойко глубоко вздохнулъ и прибавилъ:—проклятые турки похитили у меня насильно единственную дочь, и я разузналъ, что она

въ Бѣлградѣ, хотятъ ее потурчить и выдать за турчанина, вотъ иду на удачу, авось удастся мнѣ спасти ее... но мало надежды!

Пока Милойко разсказывалъ, чумаки значительно между собою переглядывались и всѣ сразу сосредоточили свои взоры на одномъ изъ своихъ товарищей. Тотъ въ смущеніи повѣсилъ голову, не смѣя никому посмотрѣть прямо въ глаза. Суровое и пасмурное лицо его ясно доказывало душевное его волненіе и его нечистую совѣсть... А какая тяжесть угнетала душу его,—онъ только одинъ зналъ объ этомъ.

Немного отдохнувъ, закусивъ и попивъ воды, Милойко поднялся, взялъ палку въ руки и, закинувъ котомку за плечо, простился съ чумаками, сказавъ имъ: оставайтесь здоровы; а они ему отвѣтили: „счастливый путь,“—и побрелъ дальше по дорогѣ.

Въ этотъ день въ сумерки Милойко дошелъ до Гроцка, здѣсь онъ рѣшилъ отдохнуть.

Въ самую полночь, когда еще не пѣли пѣтухи, Милойко всталъ и оставилъ Гроцкъ. Когда онъ проходилъ лѣсъ между Гроцкомъ и Болечемъ съ нимъ случилось нѣчто необыкновенное.

Онъ шелъ погруженный въ думу. Вдругъ явственно услышалъ голосъ, звавшій его „Ба́бо, ба́бо!“ (Отецъ, отецъ!). Онъ остановился въ нерѣшительности, такъ какъ голосъ показался ему знакомымъ. Ему представилось, что это Злата его зоветъ. Милойко сталъ вслушиваться, не повторится ли еще разъ зовъ... но ничего не было слышно!..

Онъ перекрестился и вымолвилъ: „Богъ съ нами и ангелы небесные!..“ и, ускоривъ шаги, продолжалъ путь.

VI.

Послѣ труднаго и долгаго перехода, на пятый день взобрался Милойко изъ Мозгова на тотъ горный хребетъ выше Бѣлграда, на которомъ и нынѣ стоитъ постоялый дворъ „Ашикъ-Михайлова механа“.

Онъ достигъ этого двора какъ разъ въ ту минуту, когда первые лучи солнца, разсѣвая ночную тьму, озарили въ Бѣлградѣ турецкія мечети съ высокими и стройными минаретами. Онъ увидалъ и двѣ большія рѣки, какихъ никогда не видывалъ въ жизни. По ту сторону рѣкъ уходила въ даль равнина, на которой виднѣлись села и возвышались какія-то башни, похожія на турецкіе минареты.

— Боже мой, да и тамъ живетъ народъ? воскликнулъ Милойко — какой онъ вѣры? неужели и тамъ живутъ турки?

Когда Милойко въ задумчивости глядѣлъ передъ собою на Саву и Дунай, сремскую и банатскую равнины, Фрушку-Гору, напоминавшую

ему возвышавшіяся надъ его роднымъ Мозговомъ Рожню и Буковика, — въ то самое время изъ-за поворота узкой тропинки, пролегавшей черезъ мелкій лѣсъ, показался всадникъ. На конѣ были навьючены двѣ кадки съ масломъ, а между ними сидѣлъ самъ всадникъ. Всадникъ поздоровался съ Милойкомъ, ударилъ по лошади и проѣхалъ дальше; но Милойко попросилъ незнакомца немного остановиться. Тотъ придержалъ лошадь.

— Прошу тебя, братъ, скажи мнѣ, какое это село, что передъ нами виднѣется? указывая на Бѣлградъ, спросилъ Милойко.

— Какое тамъ село! — съ досадой и высокомѣрно отвѣчалъ всадникъ. Развѣ не видишь, что это Бѣлградъ?!

Услышавъ, что это Бѣлградъ, Милойко весь задрожалъ, поблѣднѣлъ и точно оцѣпенѣлъ.

— Не знаю, братъ! Никогда я сюда не доходилъ. Въ жизни моей первый разъ вижу Бѣлградъ, — я человѣкъ чужой, изъ-далека. Лучше бы было, еслибы мнѣ этого проклятаго Бѣлграда никогда въ жизни не пришлось увидѣть; но, что дѣлать, нужда меня гонитъ.

— Какая тебя нужда гонитъ? спросилъ всадникъ.

— Эхъ, братъ мой, не желалъ бы я тебѣ этого. Имѣлъ я единственную дочь—и ту насильно похитили проклятые турки. Прослышалъ я, что она здѣсь гдѣ-то, въ Бѣлградѣ, вотъ и отправился самъ на поиски, не отыщу ли ее. Сдѣлай милость, братъ, ты навѣрное хорошо знакомъ съ Бѣлградомъ, укажи мнѣ какой-нибудь постоялый дворъ, гдѣ бы я могъ поселиться на время, пока не отыщу моей бѣдной Златы.

— Хорошо, я вѣдь тоже ѣду въ Бѣлградъ—вмѣстѣ и поѣдемъ, и ты остановишься на томъ самомъ постояломъ дворѣ, гдѣ и я остановлюсь.

По дорогѣ Милойко разспрашивалъ незнакомца: какъ называютъ эти большія рѣки, что виднѣются передъ ними? Что это за равнина по ту сторону рѣкъ? Живутъ ли и тамъ люди и какой они вѣры? Что это за башни и т. д.

Незнакомецъ объяснялъ все Милойку что зналъ и какъ умѣлъ.— „И тамъ живетъ сербскій народъ и крестится также, какъ и мы съ тобою“, прибавилъ онъ.

Послѣ почти часовой ходьбы, оба путника вошли въ Бѣлградъ.

Недалеко отъ нынѣшней соборной бѣлградской церкви, находилась „Шарена-механа“—постоялый дворъ.

Въ эту-то механу и привелъ незнакомецъ Милойка и сказалъ ему: —Слушай, здѣсь ты можешь остаться; хозяинъ сербъ и добрый человѣкъ, онъ съ тебя за постой недорого возьметъ...

Усталый съ дороги, Милойко присѣлъ на лавку и скоро началъ дремать; подложивъ свою котомку подъ голову, онъ прилегъ на лавку и уснулъ какъ убитый.

Уже было за полдень, а Милойко все еще спалъ. Хозяинъ и остальные находившіеся въ постоялой избѣ замѣтили, что Милойко часто вздрагивалъ во снѣ, а два раза отчетливо слышали, какъ онъ внятнымъ голосомъ проговорилъ: „Вонъ мое дитятко! вонъ моя Злата! Отдайте мнѣ мое дитя... оно мое, а не ваше... я его отецъ!

Вслѣдъ за такими восклицаніями раздались глубокій вздохъ и всхлипыванія. Хозяинъ, слышавшіе и видѣвшіе все это, разно могли думать о Милойкѣ, но не въ состояніи были понять, какое тяжкое горе гнететъ его.

Къ вечеру Милойко проснулся, протеръ кулакомъ глаза, посмотрѣлъ налѣво и направо и вскричалъ: — Гдѣ же моя Злата? Она вѣдь была около меня.., куда-жь ушла?...

Хозяинъ спросилъ его: Какую Злату ты ишешь? здѣсь нѣтъ никакой Златы!

— Да, нѣтъ ея... И самъ вижу, что ея нѣтъ... Прости, братъ, мнѣ приснилось... простоналъ и подавился плачемъ Милойко.

Хозяинъ былъ родомъ откуда-то изъ старой Сербіи. Имя его было Дамьянъ. Это былъ добраго сердца человѣкъ, смиренный и скромный, словомъ, душа-человѣкъ, уже преклонныхъ лѣтъ, а прибылъ въ Сербію мальчикомъ лѣтъ 10—12. Въ Бѣлградѣ выросъ, здѣсь же и служилъ и хорошо ознакомился съ городомъ. Каждаго серба и турчина зналъ не только въ лицо, но и дома ихъ. Плачъ незнакомаго ему человѣка такъ поразилъ его, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало узнать причину, вызывавшую такой плачъ.

Когда Милойко совершенно пришелъ въ себя отъ сна, хозяинъ спросилъ его: не голоденъ ли онъ и не хотѣлъ ли чего нибудь поѣсть.

— Я не голоденъ, отвѣчалъ Милойко,—но хотѣлъ бы напиться воды. Хозяинъ подалъ ему корчагу съ водой и онъ напился. Немного отдохнувъ, Милойко глубоко вздохнулъ и спросилъ: — Сколько теперь времени? Хозяинъ отвѣчалъ ему, что уже день клонится къ вечеру. Милойко встрепенулся и сказалъ: — Много я потерялъ времени—теперь уже поздно... Завтра встану пораньше... Затѣмъ взялъ свою котомку, развязалъ ее, запустилъ внутрь руку, и, вынувъ кусокъ заплесневѣлаго хлѣба и головку луку, размоталъ тряпочку съ солью и принялся нехотя ѣсть.

Хозяинъ въ ту пору былъ на дворѣ и когда вошелъ въ избу и увидѣлъ, что Милойко ѣстъ, жалко ему его стало, и онъ предложилъ Милойкѣ свое кушанье.

Но Милойко сказалъ:

— Спасибо тебѣ, братъ, отъ души благодарю тебя—у меня нѣтъ средствъ... я издалека странствую.

— Пожалуйста, не стѣсняйся, отвѣчалъ хозяинъ, мнѣ Богъ заплатитъ... и тутъ же поставилъ передъ нимъ маленькую миску съ кушаньемъ и подалъ пшеничнаго хлѣба.

Милойко завязалъ тряпку съ солью, положилъ въ котомку плесенью покрытый хлѣбъ и головку луку и сказалъ хозяину:

— Благодарю тебя, братъ, Богъ да вознаградитъ тебя за твое добро! перекрестился и принялся за ѣду.

Хозяинъ предлагалъ Милойкѣ и стаканъ вина, но онъ отказался, прибавивъ: Благодарю, будетъ съ меня и того, что ты мнѣ далъ.

Наступили сумерки; Милойко тревожился и приговаривалъ:

— Много я потерялъ времени...

Въ эту пору въ постоялой избѣ кромѣ хозяина и Милойка не было больше никого, такъ какъ городскіе гости не сходились здѣсь, а только одни пріѣзжіе останавливались.

Хозяинъ подсѣлъ къ Милойку и началъ ему такъ говорить:

— Я вижу, что ты очень опечаленъ, озабоченъ и не веселъ,— должно быть у тебя какое нибудь большое горе, когда ты предпринялъ такой дальній путь; прошу тебя сообщить мнѣ, какое у тебя горе?

Милойко немного стѣснялся—помолчалъ, откашлялся и такъ началъ:

— Эхъ, братъ мой: горе, да какое еще горе!.. Не хочу передъ тобою ничего скрывать, вижу, что ты добрый и почтенный человѣкъ, все тебѣ разскажу, хоть это безполезно, вѣдь ты не въ состояніи мнѣ помочь.

Затѣмъ разсказалъ хозяину: какъ какой-то богатый турокъ похитилъ у него единственную дочь, какъ ее увезъ въ Бѣлградъ, какъ онъ хочетъ ее потурчить, чтобы жениться на ней... Поэтому я самъ собрался въ этотъ дальній путь и пришелъ сюда въ надеждѣ отыскать ее и какимъ нибудь способомъ освободить ее!

Хозяинъ выслушалъ разсказъ Милойка и въ свою очередь спросилъ его:

— Не узналъ ли ты имени этого турка?

— Знаю, братъ, будь онъ проклятъ!.. Сообщилъ мнѣ одинъ турокъ въ Соколъ-Банп,—эта окаянная душа зовется „Рашидъ-Беговичъ“.

Родъ Рашидъ-Беговичей считался въ Бѣлградѣ стариннымъ и очень знатнымъ. Рашидъ-Беговичи были помѣщиками. По преданію, уже болѣе двухсотъ лѣтъ какъ этотъ родъ переселился изъ Босніи въ Бѣлградъ.

Рашидъ-Беговичи были потурченные босняки-сербы. Какъ извѣстно, къ сожалѣнію, что такіе отступники (потурченцы) во сто-кратъ были

лютѣе пстыхъ турокъ-османліевъ,—они настоящіе кровопійцы бѣднаго православнаго сербскаго народа. Не такова ли участь всѣхъ отщепенцевъ?!

Рашидъ-Беговичи обладали несмѣтными богатствами и врядъ-ли сами знали о всѣхъ своихъ сокровищахъ.

Этотъ-то родъ и былъ настоящимъ кровопійцей и мучителемъ сербовъ. Всѣ крупныя помѣстья плодородной Шумадіи были прибраны къ рукамъ Рашидъ-Беговича. Онъ наводилъ страхъ и ужасъ на несчастную и бѣдную раю, когда разъѣзжалъ по помѣстьямъ за сборомъ податей и десятины. Съ нимъ разъѣзжала обыкновенно дикая орда въ тридцать-сорокъ гайдуковъ и сборщиковъ, все народъ отчаянный, не щадившій ни пола, ни возраста, ни вѣры, ни образа (чести), ни святыни несчастной раи.

Въ такой-то домъ была привезена Злата для того, чтобы быть вѣрною кадуней-женою нехристу и кровопійцѣ своего народа... Здѣсь, въ этомъ домѣ, стерегли ее турки, точно пташку въ клѣткѣ...

Какъ только хозяинъ постоялаго двора услышалъ имя „Рашидъ-Беговича“, онъ испугался, немного призадумался, погладилъ усы и сказалъ:

— И правда,—твоя дочь заперта подъ тяжелымъ замкомъ.—Послѣ опять о чемъ-то задумался, и вдругъ всталъ и сказалъ Милойкѣ:—Посиди здѣсь, я сейчасъ возвращусь.

Вблизи, по сосѣдству, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лютеранская кирка, жила нѣкая старая турчанка, по имени Адиле. По происхожденію она была сербка, только ее турки отуречили еще въ очень раннемъ возрастѣ. Хотя она была турецкой вѣры, все же она сербовъ очень любила и съ сербками охотно дружила. Она была бѣдная и питалась тѣмъ, что зарабатывала отъ тканья шелковаго полотна, знавала также и знахарство. Во всѣ знатные турецкіе дома она имѣла доступъ.

Хозяинъ постоялаго двора поручилъ своей женѣ завтра пораньше побывать у старой турчанки и между прочимъ выпытать у нея: давно-ли она была въ домѣ Рашидъ-Беговичей и не слышала-ли тамъ о какой-нибудь новой невольницѣ.—Послѣ этого онъ возвратился назадъ въ постоялую избу.

Милойко стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ его оставилъ. Завидѣвъ хозяина, онъ бросился ему на встрѣчу, уставилъ глаза на него и съ нетерпѣніемъ ждалъ — не скажетъ-ли онъ ему что нибудь. Хозяинъ ничего ему не сообщилъ, только кратко внушилъ никому ничего не говорить о разговорѣ съ нимъ.

VII.

На той же самой лавкѣ, на которой Милойко отдыхалъ, когда пришелъ на постоялый дворъ, онъ и переночевалъ эту ночь.

Забота о домѣ, возбужденное состояніе, усталость, — главное-же слова, сказанныя хозяиномъ, не дали Милойкѣ уснуть. Хотя ночь была лѣтняя, короткая, все-же ему казалось, что ей конца не будетъ.—Еле-еле дождался онъ, когда стало разсвѣтать. Чуть свѣтъ поднялся Милойко, взялъ ковшикъ съ водою, вымылъ руки, обернулся лицомъ на востокъ, перекрестился и послѣ уже вымылъ и лицо.—Хозяйскій хлѣбопекъ всталъ раньше Милойка и уже затопилъ печь; немного погодя явился и хозяинъ.

Хозяинъ спросилъ:—Куда такъ рано?

Милойко отвѣчалъ.—Хотѣлъ бы пойти и радъ-бы поискать ее.

— Не ходи никуда, оставайся лучше здѣсь, вѣдь ты не знаешь ни одной улицы въ Бѣлградѣ и легко можешь запутаться.

Милойко послушался хозяина.

Когда-же совсѣмъ стало свѣтло, хозяинъ отпустилъ Милойка немного походить и посмотрѣть по ближайшимъ улицамъ; при этомъ строго на-строго ему наказалъ никому ничего не говорить, за чѣмъ онъ пришелъ въ Бѣлградъ.

Милойко вышелъ на улицу, оглядѣлся и хорошо себѣ запомнилъ мѣсто, гдѣ находится „Шарена-механа“—постоялый дворъ.

Послѣ свернулъ въ кривые бѣлградско-турецкіе переулки и улицы.

На улицахъ онъ встрѣчалъ много людей и ему казалось, что всѣ они—турки. Быть можетъ, попадались и сербы, да какъ ихъ узнать, различить, когда всѣ попадавшіеся были одинаково одѣты.

На одномъ мѣстѣ ему повстрѣчался человѣкъ и онъ подумалъ, не сербъ ли это и чуть было не спросилъ его: послушай, братъ, не видѣлъ ли ты моей Златы? Но тотчасъ вспомнилъ строгій наказъ хозяина и воздержался.

Въ одной тѣсной улицѣ, онъ повстрѣчался съ цѣлою толпою турчанокъ-булъ *). Остановился и подумалъ: „Нѣтъ ли и моей Златы въ этой толпѣ?“ Чуть было у турчанокъ не спросилъ:—не видѣли-ли онѣ его Златы? Но во время удержался, припомнивъ, что ему хозяинъ приказалъ,—махнулъ рукою и двинулся дальше.

До полудня Милойко слонялся по улицамъ и переулкамъ, поглядывая то въ одну, то въ другую сторону. Онъ видѣлъ много неуклюжихъ турецкихъ и сербскихъ домовъ съ рѣшетчатыми окнами и вездѣ ему представлялось, что вотъ-вотъ — сейчасъ изъ за этихъ рѣшетокъ услышитъ голосъ Златы: „Бабо, бабо, вотъ я здѣсь, спаси меня!“ Наконецъ онъ остановился передъ однимъ громаднымъ зданіемъ съ боль-

*) Була—молодая женщина.

шими окнами и рѣшетками, тутъ онъ стоялъ болѣе получаса, прислушиваясь и поглядывая, не услышитъ ли изъ этого дома голоса Златы: „Бабо, вотъ я гдѣ, избавь меня“! Но все было напрасно...

Милойко вздохнулъ, повернулся, и пройдя нѣсколько шаговъ съ горечью сказалъ:

— Нѣтъ ея... не могу ее отыскать!.. бѣдный я, несчастный я!.. и направилъ свой путь въ „Шарену-механу“, которую онъ послѣ долгаго блужданія наконецъ съ трудомъ отыскалъ.

Было уже около полудня, когда Милойко явился на постоялый въ механу.

Хозяинъ спросилъ его:—Ну что, видѣлъ ли ты Бѣлградъ?

— Да, братъ, но чтобы очи мои никогда больше его не видали, если я не отыскалъ моего милаго дитяти! Для меня — Бѣлградъ, не бѣлый, а черный градъ.

И съ сумрачнымъ видомъ опустился на лавку, глубоко вздохнулъ, нѣсколько слезъ скатилось по его загорѣлому лицу. Затѣмъ, взявъ свою котомку, онъ принялся вынимать изъ нея прежній заплеснѣвѣвшій кусокъ хлѣба, головку луку, и развязывать тряпку, въ которой хранилась соль.

Хозяинъ, замѣтивъ это, сказалъ ему:

— Оставь, это тебѣ пригодится на дорогу! и поставилъ передъ нимъ миску съ кушаньемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АБХАЗІЯ [1].

Абхазіей называется страна, лежащая на восточномъ берегу Чернаго моря приблизительно между 43°20′ и 42°20′ с. ш. На сѣверѣ она граничитъ съ Черноморскимъ округомъ, отъ котораго отдѣляется Гагринскимъ кряжемъ, на югѣ по р. Ингуру, проходитъ граница ея съ Мингреліей. На с.в. главный Кавказскій хребетъ составляетъ естественную ея границу съ Кубанскою областью, а на югѣ и юговостокѣ высокій контрфорсъ главнаго хребта, на пятиверстной картѣ носящій названіе хребта Дусодисвикъ, а у туземцевъ извѣстный подъ именемъ Арюмъе, отдѣляетъ ее отъ Сванетіи. Въ общемъ страна имѣетъ протяженія съ с.з. на ю.в. до 180 в. Абхазія, по преимуществу, горная страна. Горы ея не высоки, самыя высокія изъ нихъ едва достигаютъ 12500—13000 ф. (Псышь, Копышистра и Харюкра), но зато онѣ отличаются необыкновенно трудною доступностью. Горы пересѣчены множествомъ поперечныхъ ущелій, поразительныхъ по своей неприступности и дикости, по которымъ мчатся бурливыя горныя рѣчки, берущія свое начало въ ледникахъ главнаго Кавказскаго хребта или въ залежахъ вѣчнаго снѣга въ глубокихъ ущельяхъ второстепенныхъ кряжей. Наиболѣе значительныя изъ этихъ рѣчекъ Бзыбь, Гумиста, Келассуръ, Кодоръ, Гализга. Рѣки Бзыбь и Кодоръ, въ среднемъ теченіи своемъ протекаютъ по болѣе или менѣе широкимъ долинамъ, вполнѣ пригоднымъ для человѣческихъ поселеній, которыя тамъ нѣкогда и существовали. Культурной полосой Абхазіи называется узкая береговая полоса. Въ сѣверной своей части отъ р. Бзыби до Псыртсхи горы отстоятъ отъ моря приблизительно верстъ на 20. Начиная отъ Псыртсхи и далѣе къ Сухуму и р. Кодору, высокія предгорья подходятъ почти къ самому берегу моря, и культурная полоса

---

[1]) Литература: 1) Этнографическія наблюденія въ Абхазіи, М. Н. Альбовъ. Живая старина 63. 1893; 2) Свѣдѣнія о Кавказскихъ перунахъ т. 4, 5 и 6; 3) Отчеты общества возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ съ 1874 по 1893; 4) Архимандритъ Леонидъ «Абхазія», и др.

вслѣдствіе этого суживается и доходитъ мѣстами до 3—5 вер. За Кодоромъ горы опять отступаютъ отъ морского берега и чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ береговая полоса все болѣе и болѣе обращается въ настоящую низменность, такъ что въ Самурзакани (такъ называется южная часть Абхазіи) эта низменность мѣстами имѣетъ ширину верстъ до 40 и даже нѣсколько болѣе. Абхазія обладаетъ чрезвычайно влажнымъ и теплымъ климатомъ, который необыкновенно благопріятствуетъ развитію лѣсной растительности. Абхазскій лѣсъ поражаетъ всякаго необыкновенной густотою своего роста и разнообразіемъ породъ. Извѣстный ботаникъ Н. М. Альбовъ насчиталъ въ лѣсахъ Абхазіи до 47 древесныхъ породъ (изъ нихъ 5 хвойныхъ, 4 вѣчнозеленыхъ и остальныя 38 съ опадающими листьями) и до 51 кустарныхъ породъ. Лѣса покрываютъ всю страну, начиная отъ берега моря до значительныхъ высотъ, тысячъ до 7 футъ надъ уровнемъ моря, гдѣ они уступаютъ мѣсто привольнымъ нагорнымъ пастбищамъ, покрытымъ пышною, сочною травою и горящимъ милліонами яркихъ цвѣтовъ. Въ лѣсахъ Абхазіи кромѣ почти неистощимаго запаса превосходнаго строеваго лѣса, состоящаго изъ каштана, дуба, клена, липы и пихты и пр., есть такія драгоцѣнныя породы, какъ негной-дерево (Taxus boccota), грецкій орѣхъ (Juglans regia) и самшитъ, или кавказская пальма. (Buxus sempervireus). Въ Абхазіи сѣютъ главнымъ образомъ кукурузу и кавказское пшено и въ послѣдніе годы развивается табаководство, которымъ преимущественно занимаются греки и армяне. Съ успѣхомъ разводится (хотя покуда и въ незначительномъ количествѣ) хлопчатникъ. По мнѣнію П. Е. Татаринова (извѣстнаго знатока Сухумскаго округа), въ округѣ могутъ быть разводимы высшіе сорта хлопка, какъ напримѣръ lea island. Въ небольшихъ размѣрахъ на восточномъ побережьѣ Чернаго моря съ успѣхомъ испробована культура китайской крапивы, новозеландскаго льна и пальмы chamaerops chiniensis. Изъ лѣкарственныхъ растеній отмѣтимъ въ округѣ камфорный лавръ, японскую корицу, Encaliptus, ilicium anisatum, лавровишни, клещевину, розмаринъ и т. д. Въ округѣ много растеній, обладающихъ душистыми цвѣтами, годными для приготовленія духовъ или-же дающими другія парфюмерные продукты. Изъ огородныхъ растеній разводятъ особый сортъ вьющихся огурцовъ, фасоль, арбузы, тыквы и дыни. Близъ Сухума возникла культура особаго рода кочанной капусты, которую можно назвать „зимнею.“—Сѣмена разсѣеваются въ гряды, всходятъ осенью въ сентябрѣ. Всходы эти осенью и частью зимою на столько развиваются, что безопасно переносятъ зимніе холода и ранней весной капуста окончательно поспѣваетъ. Фруктовыхъ садовъ въ Абхазіи множество. Вся береговая Абхазія, Цебельда и верхнія долины р. р. Бзыби и Кодора

представляютъ какъ-бы одинъ сплошной садъ. Изъ растеній, доставляющихъ плоды и др. съѣдобные продукты, надо отмѣтить чайное дерево, которое хорошо растетъ въ округѣ Сухума. По наблюденію И. Н. Клингена, для чайныхъ плантацій благопріятны еще Кодорскій участокъ и Самурзакань. Винограду разводятъ до 3 десятковъ сортовъ. Изъ мѣстныхъ сортовъ высокими достоинствами отличаются и даютъ превосходныя крѣпкія вина 2 бѣлыхъ сорта винограда, извѣстные подъ мѣстными названіями амлаху и авосырхватъ, и 2 красныхъ сорта—качича и апаннышъ. Туземцы и колонисты преимущественно разводятъ сортъ „изабеллу". Лучшіе сорта винограда разводятъ болѣе образованные хозяева, преимущественно дачевладѣльцы. Добрый починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ гг. Германомъ (управляющій дачей и землями инженера Арунбутева) Гогречидзе, Малани, Никитинымъ и др. Г. Германъ съ успѣхомъ консервируетъ плоды и сбываетъ эти продукты въ Москвѣ. Лучшіе сады находятся въ г. Сухумѣ. Для садоводства много сдѣлали своимъ примѣромъ садовладѣльцы, П. Е. Татариновъ, Камергеръ Толстой, О. О. Ноевъ и другіе. Извѣстный садъ около Сухума полковника А. И. Введенскаго пріобрѣтенъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Сахарное сорго съ успѣхомъ можетъ произрастать въ округѣ; масличное дерево разводится въ большихъ размѣрахъ въ Новомъ Аѳонѣ. Въ округѣ можетъ произрастать апельсиновое и мандариновое дерево (въ наиболѣе защищенныхъ мѣстахъ). Винноягодное дерево распространено повсемѣстно. Хурма, инжиръ, гранатникъ, земляной орѣхъ, лавровое дерево и др. прекрасно здѣсь растутъ. Изъ этого краткаго обзора растительности видно, что Сухумскій округъ одинъ изъ плодороднѣйшихъ на Кавказѣ. Громадные лѣса Абхазіи изобилуютъ также всякаго рода звѣремъ и дичью. Волки, лисицы, шакалы, выдры, куницы и др. хищные звѣри водятся во множествѣ. Кромѣ того въ лѣсахъ много дикихъ козъ, фазановъ, горныхъ индѣекъ и мѣстами (въ дикихъ и недоступныхъ ущельяхъ р. Бзыби и ея притоковъ) попадаются и олени. По скаламъ и нагорнымъ пастбищамъ бродятъ цѣлыми стадами серны и туры. Дикихъ пчелъ много въ лѣсахъ Абхазіи. Абхазійскій медъ, благодаря своему сладкому вкусу и аромату, славится издавна и его много вывозили. Мы нѣсколько долго остановились на физическо-географическомъ очеркѣ Абхазіи, такъ какъ эта страна мало изслѣдована.

Въ административномъ отношеніи Абхазія составляетъ Сухумскій округъ, который раздѣляется на 4 полицейскихъ участка. 1 участокъ Гумистинскій (Сухумъ) занимаетъ 212559 десят. и въ немъ было 32 селенія съ 6,609 жителями; 2 участокъ Гудаутскій (м. Гудауты) имѣлъ 334300 д. съ 16 селен. и 14887 жит., (1886); 3 участокъ Кодорскій (Очемчири) 87745 дес. и

15821 жит. и 30 сел.; 4 уч. Самузарканскій (Окумъ) 122634 д., селеній 65 и 30529 жит. Во второмъ участкѣ абхазскаго населенія почти нѣтъ (есть 2 или 3 маленькія абхазскія деревни), а заселенъ онъ преимущественно выходцами изъ разныхъ странъ — мингрельцами, трапезондскими греками, турсуками, армянами, нѣмцами и русскими. Абхазцы живутъ главнымъ образомъ въ 1 и 3 участкѣ. 4 участокъ идетъ отъ Гализги до р. Ингура. Населенъ онъ самурзаканцами—племенемъ абхазскаго происхожденія съ значительною примѣсью мингрельскаго элемента. Теперь населеніе округа по преимуществу сосредоточено въ береговой полосѣ, но лѣтъ 30 тому назадъ поселенія существовали всюду въ горахъ. Это произошло оттого, что послѣ окончательнаго покоренія Кавказа (около 1864) населеніе этихъ мѣстъ цѣликомъ выселилось въ Турцію. За исключеніемъ Цебельды, которая теперь быстро заселяется, бывшія тутъ поселенія совершенно пустуютъ. Въ 1886 г. въ округѣ было всѣхъ жителей 67,846 ч. Изъ нихъ болѣе всего было абхазцевъ—28323, самузараканцевъ 30640, мингрельцевъ и лазовъ 3,474 ч. и др. По свѣдѣніямъ за 1892 г. всего населенія въ округѣ было 77061. Сельское населеніе округа состояло изъ абхазцевъ и самузараканцевъ—65 т. ч., русскихъ поселенцевъ около 800 ч., эстонцевъ 587, нѣмцевъ 288, грековъ 2192, армянъ 688 и мингрельцевъ—1472 ч. По вѣроисповѣданію было: магометанъ суннитовъ 5,148, шіитовъ 20, лютеранъ 717, армяно-григоріанъ 692 и римско-католиковъ 6. Православнаго населенія считалось 70470 ч.

Исторія абхазской церкви очень любопытна и мало знакома русскому населенію, а потому заслуживаетъ особаго вниманія. При изложеніи ея мы главнымъ образомъ будемъ пользоваться трудомъ архим. Леонида „Абхазія“ и отчетами Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ. Личное наше знакомство съ духовенствомъ Абхазіи (за исключеніемъ приходовъ Гудаутскаго участка—16 селеній дало) намъ достаточно наблюденій для оцѣнки духовенства въ умственномъ отношеніи, а о его нравственности можно судить по множеству дѣлъ, производящихся въ разныхъ духовныхъ и др. учрежденіяхъ Кавказа. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что намъ пришлось посѣтить всѣ участки Сухумскаго округа, за исключеніемъ Гудаутскаго (въ немъ 16 селеній). Греки поселились въ Абхазіи за 7 вѣковъ до Рождества Христова Милетскіе выходцы основали колоніи на ея берегахъ и отсюда производили торгъ черезъ Закавказскій край съ среднею Азіею и Индіею. Важнѣйшія колоніи были: Питіусъ (Пицунда), большой городъ во времена Страбона, Зуфу, нынѣ Лихна, Анакопія (Никопсія, гдѣ нынѣ Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь), Діоскуріи, извѣстный при римлянахъ подъ названіемъ

Севастополиса (нынѣ Сухумъ), Фазисъ, Иларіи, Бедіа и др. Колоніи эти были вольными городами и управлялись самостоятельно. Царь Митридатъ за 100 лѣтъ до Р. Хр. подчинилъ Абхазію себѣ. Затѣмъ она подчинилась вліянію Рима. Въ 545 г. Персидскій царь Хосрой на короткій срокъ подчинилъ себѣ Абхазію, а въ 550 г. ее подчинили себѣ Византійцы послѣ взятія крѣпости Трахей, которая была построена Абхазцами для защиты входа въ знаменитое Трахейское ущелье, ведущее внутрь Абхазіи. Слѣдствіемъ этого подчиненія было, по словамъ Архимандрита Леонида (Кавелина, автора „Абхазія и ея христіанскія древности"), распространеніе въ ней въ половинѣ VI в. христіанства и построеніе перваго христіанскаго храма Императоромъ Юстиніаномъ въ Питіунтѣ (Пицундѣ) во имя Богоматери въ 551 г. Храмъ этотъ сохранился и до сихъ поръ. Въ началѣ VII в. Абхазія получила отъ Императора Ираклія собственнаго правителя съ титуломъ архонта, имѣвшаго мѣстопребываніе въ Анакопіи (Никопсіи). Абхазія была въ то время уже сильнымъ царствомъ; она подчинила себѣ горные народы и Лазику. Леонъ I-й въ 786 г., первый изъ архонтовъ Абхазіи, объявилъ себя царемъ. Онъ былъ родоначальникомъ царей, правившихъ Абхазіею до 985 г. по Рождествѣ Христовѣ. Съ 985 г. судьба Абхазіи сливается съ Грузіею; Давидъ II въ началѣ XII в. отдалъ верхнюю Абхазію до р. Никопсіи въ удѣлъ князьямъ Шервашидзе, которые въ 1239 г., когда Имеритинское царство распалось на нѣсколько княжествъ, объявили себя независимыми, а потомъ въ 1462 г. сдѣлались дѣйствительно независимымп. Въ это же время они, должно быть, присоединили себѣ и нижнюю Абхазію съ городомъ Никопсіею (Анакопіею). Съ этого времени до послѣдней Турецкой войны, страна эта управлялась кн. Шервашидзе и считалась независимымъ княжествомъ. Турки, завоевавъ Греческую имперію, подчинили Крымскихъ хановъ (1453) и кн. Шервашидзе своему вліянію. Для того, чтобы держать въ повиновеніи Абхазію, Мингрелію, Имеретію и Гурію, они построили по берегамъ Чернаго моря крѣпости: Сухумъ-Кале, Редутъ-Кале, Поти и Анапу и стали распространять магометанскую вѣру. Въ 1810 г. Сухумъ-Кале былъ взятъ русскими и владѣтельный князь Абхазіи Сефаръ-бей добровольно принялъ подданство Россіи и христіанство. Сефаръ-бею дарована Высочайшая грамота, въ силу которой кн. Шервашидзе были признаны наслѣдственными правителями Абхазіи и утверждены въ подданствѣ Россіи. Въ 1864 г. Іюля 12 дня въ Абхазіи введено непосредственное управленіе русскихъ войскъ. Причиною этого были происки послѣдняго владѣтельнаго князя Михаила Шервашидзе. Только съ этихъ поръ Абхазія находится въ рукахъ русскихъ. Абхазія считалась присоединенною къ Россіи съ

1810 до 1865 г., но въ это время наши отношенія къ ней ограничивались только сношеніемъ мѣстной власти съ владѣтелемъ, и всякое вмѣшательство во внутренній бытъ страны строго возбранялось въ силу Высочайшей грамоты Императора Александра I, даровавшаго владѣтелямъ Абхазіи право внутренняго управленія. Давъ краткій историческій очеркъ Абхазіи, мы переходимъ къ исторіи Христіанской Церкви въ ней. По свидѣтельству греческихъ писателей и по мѣстному преданію, первоначальная проповѣдь Евангелія въ Абхазіи приписывается св. Апостолу Андрею и его спутнику Симону Кананиту. Св. Дороѳей, епископъ Тирскій (въ IV в. по Рож. Хр.), свидѣтельствуетъ, что св. Андрей проповѣдывалъ въ Абхазіи. Къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ указаній, чтобы можно было судить о состояніи христіанства въ этой странѣ послѣ перваго вѣка, и даже вообще о религіозномъ состояніи Абхазіи до половины VI в. Вотъ почему считаютъ съ этихъ только поръ пріобщеніе Абхазцевъ къ христіанству, которое стало распространяться послѣ устройства въ 551 г. Юстиніаномъ храма въ Пицундѣ; онъ тогда же назначилъ Абхазцамъ священниковъ. Въ царствованіе Абхазо-имеритинскаго царя Давида Возобновителя (въ 1089—1130 г.), христіанство процвѣтало и весь Абхазскій берегъ былъ уже покрытъ цвѣтущими торговыми городами и монастырями, а прилежащія горы—укрѣпленными замками и церквами. Въ IX в. Абхазцы имѣли своего католикоса, который жилъ въ Питіунтѣ (Пицундѣ). Въ началѣ X вѣка уже были въ Абхазіи епархіи въ 5 мѣстахъ: 1 въ Пицундѣ, 2 въ Анакопіи (Никопсіи), епископы коей именовались цхомскими, по нынѣшнему сухумскими, 3 въ Драндахъ 4 въ Илори и 5 въ Моквѣ. Съ тѣхъ же поръ, какъ Абхазія подпала подъ владычество кн. Шервашидзе, начало падать въ ней христіанство и въ особенности этотъ упадокъ усилился въ XV в., когда Анатолійскіе паши стали черезъ своихъ посланцовъ совращать тутъ народъ въ мусульманство. Это шло такъ успѣшно, что въ половинѣ XVII стол. католикосъ Захарій (около 1658 г.) долженъ былъ отъ турецкихъ утѣсненій удалиться въ Кутаисъ. Говоря о грустномъ явленіи упадка православія нельзя не отмѣтить, что народъ на столько уважалъ и оберегалъ святыню Пицундскаго храма, что въ 1830 г. при занятіи нашими войсками Пицунды, на престолѣ было найдено грузинское евангеліе, довольно хорошо сохранившееся отъ XV в. и нѣкоторыя вещи изъ церковной утвари. Съ паденіемъ Пицундскаго храма, можно сказать, пало и христіанство въ Абхазіи. Архимандритъ Леонидъ на стр. 23 говоритъ: „конечно, можетъ показаться страннымъ, что паденіе христіанства въ краѣ совпадаетъ со временемъ принятія его въ подданство христіанской державы, но это объясняется направленіемъ, котораго держались владѣтели Абхазіи, кн. Шер-

вашидзе; какъ политическія, такъ и религіозныя симпатіи ихъ склонялись къ Турціи; при этомъ весьма естественно, не могло быть поддержанія религіи совершенно противоположной этимъ симпатіямъ". Въ 1823 г. на всемъ пространствѣ отъ Гаги до Гализги было 2 православныя церкви въ с. Лыхнѣ, гдѣ служба совершалась рѣдко, и въ с. Илоріи. Въ 1864 г. въ Лыхнѣ, несмотря на то, что оно непосредственно принадлежало кн. Михаилу Шервашдзе, много было уже магометанъ. Сохраненіе христіанства въ Лыхнѣ и Илоріи не имѣло вліянія на окружныя селенія. Чтобы поднять христіанство, русскіе въ 1851 г. учредили Абхазскую епархію. Она просуществовала самостоятельно до 1869 г. (мартъ), когда Абхазія поручена была управленію Имеритинскаго епископа. Съ 1851 года по 1869 было 3 Абхазскихъ епископа: Геронтій съ 1851—56 г, Германъ съ 1857—59 г. и Александръ съ 1867 по 1868 г. Дѣятельность ихъ особенной пользы дѣлу распространенія христіанства въ Абхазіи не принесла. По словамъ Архимандрита Леонида, (ст. 24) до 1867 г.. религіозное состояніе абхазцевъ представляло полнѣйшій сумбуръ. „Здѣсь можно было встрѣтить обряды всѣхъ вѣрованій, начиная отъ фатализма, до христіанства. Точнаго понятія народъ не имѣлъ ни объ одной религіи и усвоилъ себѣ отъ каждой изъ нихъ то, что выдѣлялось рельефнѣе и что сильнѣе дѣйствовало на его почти дѣтское воображеніе". При такихъ условіяхъ Абхазская церковь требовала особеннаго вниманія, но мы видимъ обратное явленіе. Самостоятельная епархія уничтожается и дѣйствителонымъ распорядителемъ Абхазской епархіи является протоіерей Сухумскаго собора Давидъ Мачиваріани. Ему не даютъ ни миссіонеровъ, ни хорошихъ священниковъ. Преосвященный Гавріилъ, епископъ Имеритинскій, лишь изрѣдка могъ посѣщать Абхазію, и заботы о ней лежали на протоіереѣ Д. Мачиваріани. Дѣло не шло впередъ и въ 1885 году Абхазская епархія (названная Сухумскою) возстановлена. Въ слѣдующемъ году на Сухумскую каѳедру назначается епископъ Геннадій. Эта епархія была поставлена въ особыя условія. Она подчинена Экзарху Грузіи и Синодальной Конторѣ. У мѣстнаго епископа нѣтъ ни консисторіи, ни духовнаго правленія (какъ напримѣръ у епископа Великоустюжскаго, викарія Вологодской епархіи), а есть только секретарь. Сношеніе по всѣмъ дѣламъ съ Тифлисомъ крайне затруднительно. Епископъ долго ждетъ отвѣта на свои представленія, и дѣло страдаетъ. Сухумскіе епископы недовольны своимъ положеніемъ и стремятся уйти изъ Сухума. Съ 1886 г. по 1895 г., за 8 лѣтъ на Абхазской каѳедрѣ перебывали 4 епископа. Епископы Геннадій и Александръ умерли, преосвященный Агаѳодоръ переведенъ въ Ставрополь, и менѣе года управляетъ епархіею епископъ Петръ, который теперь *) переводится въ Одессу.

*) Это писано въ концѣ 1894 и въ началѣ нынѣшняго года.

Епископъ Геннадій нашелъ епархію въ самомъ жалкомъ видѣ, что видно изъ отчета общества востановленія православнаго христіанства на Кавказѣ за 1887 г. На стр. 26 и 27 тамъ написано слѣдующее: „церквей въ Самурзакани и Абхазіи весьма мало, но и воздвигнутыя еще въ недавнее время, равно какъ и заброшенные величественные храмы глубокой древности, вызываютъ только глубокую скорбь своимъ жалкимъ видомъ; нѣкоторыя церкви своей внѣшностью напоминаютъ простые сараи. На куполахъ древнѣйшихъ храмовъ выросли уже большія деревья, которыя развѣтвленіемъ корней своихъ все болѣе способствуютъ разрушенію не только кровли, но и стѣнъ; иконъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ наклеенныя на доскахъ бумажныя картины; сосуды въ нѣкоторыхъ церквахъ мѣдные, нѣтъ даже подсвѣчниковъ, купелей, богослужебныхъ книгъ, напрестольныя евангелія, безъ всякаго оклада и украшеній, имѣютъ видъ простой книги въ изорванномъ переплетѣ; крестятъ дѣтей въ простыхъ корытахъ и способомъ обливанія вмѣсто погруженія; всѣ церковныя облаченія и утварь ветхи и почти непригодны для употребленія. Въ такомъ положеніи нашелъ епископъ Геннадій храмы, но и духовенство было тогда въ жалкомъ положеніи. Въ томъ же отчетѣ на стр. 27 говорится слѣдующее: чувствуется большой недостатокъ въ священникахъ, подготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей и владѣющихъ абхазскимъ языкомъ; въ настоящее время (1887 г.) только 2 священника, которые получили, въ бытность свою въ грузинскихъ монастыряхъ, крайне ограниченное образованіе, заключающееся въ знакомствѣ съ церковнымъ уставомъ и обрядовой стороной Православной Церкви". Архимандритъ Леонидъ на стр. 7, говоритъ, „что въ Абхазіи послѣ ухода въ Турцію, послѣ послѣдней войны до 10 тыс. человѣкъ, считается до 52 тыс. абхазцевъ, которые живутъ въ 3-хъ участкахъ: Гудаутскомъ до 15 тыс. чел., въ Кадорскомъ 12 тыс. чел. и Гумистскомъ 25 тыс. чел. Они живутъ въ 60 селеніяхъ; у христіанъ считается 20 приходовъ; священники въ нихъ изъ грузинъ (имеритинцевъ), отправляютъ богослуженіе на церковно-грузинскомъ языкѣ, котораго простой народъ вовсе не разумѣетъ". Далѣе архимандритъ Леонидъ говоритъ: „что въ отношеніи религіи абхазцевъ, къ сожалѣнію, и доселѣ остается вѣрнымъ сказанное о нихъ царевичемъ Вахуштомъ въ его географическомъ описаніи Грузіи: христіане по религіи, они не знаютъ своей вѣры и потому могутъ считаться идолопоклонниками. Почти то же самое сказалъ мнѣ одинъ почтенный Абхазскій старикъ „абхазецъ—это идолопоклонникъ, потому что некому учить его крещеной вѣрѣ." Совершенно правъ архимандритъ Леонидъ, говоря, что по его мнѣнію, „абхазцы узнаютъ спасительность христіанства не прежде, какъ имъ будетъ дана возможность слушать про-

повѣдь о немъ и наставленіе въ истинѣ православной вѣры на ихъ родномъ языкѣ." Мы нарочно привели отзывы епископа Геннадія и архимандрита Леонида о духовенствѣ, чтобы насъ не могли обвинить въ пристрастіи. Для насъ представляется необъяснимымъ, какъ при такомъ печальномъ положеніи абхазскаго духовенства, въ какомъ нашелъ его преосвященный Геннадій, обращеніе мусульманъ въ христіанство подвигается впередъ. Правда въ 1874 г. обращено 452 взрослыхъ магометанъ (отчетъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ 1874 г.) въ 1875 г.—147 ч. и въ 1876 г.—98. Болѣе значительное число обращено въ 1886 г. 48 мужчинъ и 56 жен. Особенно успѣшнымъ въ дѣлѣ обращенія мусульманъ оказывается 1888 г. Въ отчетѣ Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ (38 и 39 ст.) мы читаемъ: „благодаря преосвященному Геннадію и духовенству, а равно и содѣйствію этому спасительному дѣлу со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, напр., участковаго начальника Кара-Мурзы и княгини Агапіи Шервашидзе труды ихъ увѣнчались успѣхомъ и привели къ тому, что въ теченіе прошлаго лѣта 1888 г. 1918 человѣкъ абхазцевъ мусульманъ просвѣщены Таинствомъ Крещенія". Такой значительный успѣхъ былъ радостно привѣтствованъ; Св. Синодъ особою граматою благодарилъ преосвященнаго Геннадія за его дѣятельность, а его помощники получили награду. Такое значительное обращеніе мусульманъ въ христіанство, казалось, могло сдѣлать честь абхазскому духовенству, но скоро оказалось, что обращеніе это было недолговѣчно. Какіе это были христіане 1918 ч. мусульманъ, обращенные преосвященнымъ Геннадіемъ? Разрѣшеніе этого вопроса даетъ отчетъ Общества возст. хр. на Кав. за 1892. На стр. 98 его напечатано „Окрещенные въ 1888 г. абхазцы-магометане оставлены были съ тѣхъ поръ безъ наученія правиламъ христіанскимъ, и никто изъ нихъ никогда не посѣщалъ храма Божія и ни за какими требами къ православнымъ священникамъ не обращался. Магометане эти, которыхъ по документамъ Сухумскаго военнаго окружнаго управленія насчитывается до 4523 душъ, имѣютъ пагубное вліяніе на христіанъ". Такимъ образомъ новокрещенные обратились въ ярыхъ магометанъ. Этотъ фактъ настолько знаменателенъ, что не требуетъ объясненій и вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль, что при такомъ состояніи духовенства, какое было при преосвященномъ Геннадіи, просвѣщеніе мусульманъ было невозможно. Далѣе говорится, что преосвященный Агаѳодоръ обратилъ на это серьезное вниманіе. Самъ преосвященный Агаѳодоръ во время поѣздки по епархіи въ с. Челоу окрестилъ 172 души магометанъ и затѣмъ было поручено священнику І. Кереселидзе подготовить къ крещенію магометанъ и въ другихъ селеніяхъ. Въ отчетномъ году преосвященнымъ Агаѳодоромъ и духо-

венствомъ его епархіи окрещено было 241 магометанинъ" (ст. 59). На сколько магометане, обращенные преосвященнымъ Агаѳодоромъ, будутъ истинными христіанами—это большой вопросъ. Во время нашего путешествія лѣтомъ этого года по Абхазіи, мы слышали отъ достовѣрныхъ и знающихъ положеніе дѣла лицъ, что преосвященный Агаѳодоръ слишкомъ скоро крестилъ, не убѣдившись въ искренности новообращенныхъ. Да убѣдиться ему въ этомъ было болѣе чѣмъ затруднительно: самъ онъ языка абхазскаго не знаетъ, мѣстныхъ нравовъ тоже. На какомъ языкѣ онъ могъ объясняться съ своею паствою? Мѣстное населеніе — абхазцы,—не понимаютъ грузинскаго языка, на которомъ совершается богослуженіе. Почему же они могутъ пожелать быть христіанами, если въ Абхазіи нѣтъ хорошо образованнаго духовенства, знающаго ихъ языкъ. Изъ отчета общества за 1892 г. (стр. 250, 251, 2, 3 и 4) видно, что изъ 21 прихода общества въ Абхазіи священники получили слѣдующее образованіе, миссіонеръ-благочинный І. Кереселидзе въ учительской семинаріи, 5 священниковъ домашняго образованія, 3 обучались въ духовномъ училищѣ, а у другихъ нѣтъ никакого образованія и потому оно не отмѣчено. Можетъ ли такой составъ духовенства имѣть вліяніе на прихожанъ? Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находится Самузаркань, въ которой считалось 29,520 тамошнихъ жителей самузарканцевъ (народъ абхазскаго племени) и 984 мингрельцевъ и лазовъ. Населеніе всего самузараканскаго участка считается православнымъ. У общества возстановленія христіанства тутъ 21 приходъ. По образованію здѣшніе священники раздѣляются: на окончившихъ курсъ духовной семинаріи—3, не окончившихъ 2, окончившихъ духовное училище 1, не окончившихъ 3, окончилъ учительскую семинарію 1, учительскій институтъ 2, обучались въ 2 кл. мин. учил. 1, въ Сухумской горской школѣ, въ монастырѣ 2 и домашняго образованія 5. Мы остановились болѣе подробно на образованіи духовенства, чтобы показать, насколько оно подготовлено для миссіонерской дѣятельности. При посѣщеніи Абхазіи мы многихъ священниковъ спрашивали, гдѣ они учились, и они говорили: при протоіереѣ Мачиваріани или при благочинномъ. Низкій уровень духовенства даетъ мѣстному епископу множество разныхъ кляузныхъ дѣлъ. Мѣстный епископъ долженъ говорить со своею паствою черезъ переводчика, что крайне неудобно. Преосвященный Александръ говорилъ, что его проповѣдь абхазцамъ переводчикъ такъ перевралъ, что абхазцы хотѣли побить преосвященнаго, и онъ только при помощи полиціи могъ спастись. Приведенныхъ фактовъ совершенно, намъ кажется, достаточно, чтобы обратить особое вниманіе на положеніе абхазской епархіи. Къ мнѣнію архимандрита Леонида о необходимости того, чтобы богослуженіе было на абхазскомъ языкѣ, мы можемъ прибавить слѣдующее:

Необходимо сухумскую епархію сдѣлать самостоятельною: теперь сношеніе епископа съ Тифлисомъ очень затруднительно; надо скоро сдѣлать распоряженіе, а тутъ жди отвѣта изъ синодальной конторы. Необходимо улучшить составъ духовенства, для чего открыть въ Сухумѣ такое же духовное училище, какое открыто въ с. Ардонѣ (Терской области) для осетинъ. Необходимо увеличить число школъ. Въ Абхазіи было 2 школы Общества возстановленія христіанства въ с. Мохвы (24 жен.) и с. Лыхны (32) и въ Самузаракани въ с. Окушѣ (2 кл.)—59 уч. Соберіо 36 и Дихасгури 70. Школъ министерства народнаго просвѣщенія было 10 и кромѣ того въ г. Сухумѣ была горская школа и женская прогимназія. Министерству народнаго просвѣщенія подчинялась 2-хъ классная Ново-Аѳонская монастырская школа. О горской школѣ и Ново-Аѳонской мы будемъ имѣть случай еще говорить. Замѣтимъ, что горская школа принесла большую пользу образованію абхазцевъ. Въ ней было до 1893 г.—27 выпусковъ и окончило курсъ 308 ч. Въ 1892 г. въ ней училось 74 туземца. По числу населенія, школъ для Абхазіи очень недостаточно, и необходимо принять мѣры къ увеличенію школъ. Стремленіе же къ образованію съ каждымъ годомъ все увеличивается у абхазцевъ.

Въ концѣ іюля я пріѣхалъ въ Зугдиды (Кутаисской губ.) бывшую столицу Мингреліи. Теперь Зугдиды большой торговый пунктъ. Въ немъ находится управленіе Зугдидскаго уѣзда, есть городское 3 кл. училище и нѣсколько школъ. Зугдиды служитъ мѣстомъ торговли не только для своего уѣзда, но и для сосѣдней Самузаракани. Изъ достопримѣчательностей города особаго вниманія заслуживаетъ роскошный садъ и дворецъ свѣтл. кн. Мингрельскихъ, бывшихъ владѣтелей Мингреліи. Въ настоящее время дворецъ и садъ въ запустѣніи. Владѣтель Давидъ ничего не жалѣлъ для разведенія сада въ Зугдидахъ. Изъ Милана онъ выписывалъ самыя рѣдкія деревья, растенія и цвѣты и содержалъ трехъ садовниковъ, приглашенныхъ имъ изъ заграницы, изъ которыхъ главный—славянинъ Бабникъ, былъ вполнѣ знатокъ своего дѣла. Въ саду были магноліи—грандифлоры, бигноніи, паулоніи, мимозы, кипарисы. Олеандры достигли въ саду колоссальныхъ размѣровъ и образовали сплошныя аллеи. При садѣ находились великолѣпныя оранжереи и грунтовые сараи, въ которыхъ насчитывалось болѣе 500 деревьевъ апельсинныхъ, лимонныхъ, папельмосовъ, банановъ и другихъ рѣдкихъ фруктовыхъ деревьевъ. Въ цвѣтникахъ были разнообразные сорта розъ, достигшихъ до саженной высоты и множество камелій. Зугдидскій садъ считался лучшимъ въ Закавказьѣ. Въ сосѣдствѣ съ садомъ находился паркъ, населенный дикими козами, оленями и даніелками, перевезенными сюда изъ крымскаго имѣнія кн. Воронцова. Звѣри эти были до того ручны, что шли на зовъ и изъ рукъ ѣли кормъ. Садъ этотъ былъ по-

чти уничтоженъ во время занятія Зугдидъ турками въ 1855 г. Владѣтельница Мингреліи княжна Екатерина Дадіанъ очень любила садоводство и проводя послѣдніе годы своей жизни въ Зугдиды возстановила садъ и устроила прекрасный цвѣтникъ. Она же начала строить новый, изящной архитектуры домъ. Къ сожалѣнію домъ она не успѣла достроить и скончалась въ 1882 г. Этотъ домъ и теперь стоитъ недостроеннымъ. Во многихъ комнатахъ нѣтъ половъ и потолковъ. Нѣкоторыя же комнаты уже готовы и поражаютъ своею роскошью. Прекрасныя терассы вокругъ дома, балконы и масса роскошной растительности, окружающей его, дѣлаютъ этотъ домъ очень красивымъ. Свѣтлѣйшій князь Николай Давыдовичъ Мингрельскій предполагаетъ въ скоромъ времени окончить внутреннюю отдѣлку дома. Недалеко отъ дома находится старинная церковь, но всѣ древніе церковные вещи изъ нея увезены въ Горди, гдѣ живетъ свѣт. кн. Н. Мингрельскій. Тутъ же старинный владѣльческій домъ, но онъ полуразрушенъ и только незначительная часть его обитаема. Прекрасный садъ около дворца совершенно запущенъ, но даже и въ такомъ видѣ онъ замѣчателенъ. Часть сада отдѣлена во владѣніе принцессы Мюратъ, сестры свѣт. кн. Н. Д. Мингрельскаго. Садъ у нея небольшой и содержится въ порядкѣ. Принцесса выстроила для себя прекрасный и удобный домъ. Осмотрѣвъ Зугдиды, я отправился въ Абхазію. Управляющій Зугдидскимъ уѣздомъ кн. Джансохъ Дадешкиліане весьма любезно далъ мнѣ всадника до границы уѣзда. Дорога отъ Зугдидъ до р. Ингура (7 в.) идетъ среди садовъ и полей. Вотъ и р. Ингуръ, которая во время половодья трудно переѣзжаема. Теперь воды не такъ много. Меня съ вещами посадили на лодку, а мой проводникъ верхомъ переѣзжаетъ р. Ингуръ. Хотя воды и было не много, но все-таки намъ пришлось побороться съ быстрою рѣчкою. Переѣхавъ на другой берегъ, мы были уже въ Сухумскомъ округѣ. Мой всадникъ поѣхалъ за верету на постъ за лошадями. Проходитъ болѣе часа. Всадникъ сказалъ, что лошади сейчасъ будутъ, а ихъ все нѣтъ. Я иду за ними. Около поста лавочка, гдѣ встрѣчаю имеретинца, говорящаго по-русски. Онъ мнѣ объясняетъ, какъ я долженъ себя держать въ Абхазіи. По его словамъ, абхазцы признаютъ только того за начальство, кто кричитъ. Его совѣты были, какъ оказалось впослѣдствіи, для меня полезны. Привели верховыхъ лошадей. Мой проводникъ ни слова не говоритъ по-русски. Ему объяснилъ урядникъ, что мнѣ надо ѣхать въ м. Окумъ. Дорога идетъ черезъ роскошную долину, которая довольно обработана. По пути попадаются много верховыхъ. По платью трудно узнать кто ѣдетъ, дворянинъ ли или крестьянинъ. Всѣ встрѣчающіеся любезно раскланиваются и заводятъ съ моимъ проводникомъ бесѣду. Я вынужденъ бываю прекращать эту бесѣду, такъ какъ она очень продолжительна. Проѣхавъ

часа три, мы подъѣхали къ канцеляріи,—такъ называется сельское правленіе. Канцелярія была открыта, но никого тамъ не было. Мой проводникъ сталъ выкрикивать народъ. Надо замѣтить, что абхазскія деревни очень разбросаны. Почти у каждаго дома большой дворъ и садъ. На крики проводника пришелъ какой-то человѣкъ и объяснилъ, что лошадей нѣтъ, такъ какъ онѣ въ полѣ. Нечего дѣлать, и мой проводникъ снова навьючилъ мои вещи и мы поѣхали дальше. Дорога была очень живописна. Одна картина смѣнялась другой. Приходилось проѣзжать по полямъ, лѣсамъ, переѣзжать рѣчки и т. д. Проѣхали еще три часа и пріѣхали въ Окумъ—центръ управленія Самузаркани. Здѣсь живетъ участковый начальникъ, письмоводитель его и мировой посредникъ. Въ Окумѣ выстроенъ новый каменный храмъ и живетъ благочинный. Нѣсколько лавокъ и базаръ свидѣтельствуютъ о торговомъ значеніи этого селенія. Жителей около 3 тысячъ. Смузаркань заселялась постепенно съ двухъ сторонъ. Поселенцы съ одной стороны появлялись изъ Абхазіи, съ другой — изъ Мингреліи. Вслѣдствіе этого, въ западной Самузаркани преобладаетъ „абхазскій“ элементъ, въ восточной „мингрельскій“, но и въ восточной части привиллегированныя фамиліи—всѣ переселенцы изъ Абхазіи, за исключеніемъ сванетскихъ пришельцевъ по фамиліи Чхотуа. Въ западной Самузаркани преобладаетъ абхазскій языкъ, въ восточной—особое нарѣчіе—мингрельскій языкъ. Самузаркань составляла часть Абхазіи и управлялась особою отраслью абхазскихъ кн. Шервашидзе. Въ 1840 г. Самузаркань подчинена русскому управленію и составляла отдѣльное приставство, а съ 1865 г. вошла въ составъ Сухумскаго отдѣла. Для пристава былъ выстроенъ въ Окумѣ большой домъ, который теперь пришелъ въ ветхость и требуетъ большихъ исправленій. Въ Окумъ я пріѣхалъ около 3 часовъ дня и встрѣтилъ радушное гостепріимство у о. благочиннаго. Къ сожалѣнію самого благочиннаго не было дома—онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Кутаисъ, но его семья весьма сердечно меня приняла. Послали за о. дьякономъ, который показалъ мнѣ церковь. Въ ней собирался служить вечерню священникъ домовой церкви сосѣдняго князя, который мнѣ объяснилъ, что онъ учился только при о. благочинномъ, а въ учебныхъ заведеніяхъ не былъ. Онъ совершенно не развитъ. Вечеръ я провелъ съ помощникомъ сухумскаго окружного начальника, замѣняющаго участковаго начальника, и съ его письмоводителемъ. Самузарканскій участокъ самый большой въ округѣ (болѣе 30 тысячъ жителей) и въ немъ множество разныхъ дѣлъ. Участковый начальникъ является единственною властью въ округѣ. Къ нему идутъ и по семейнымъ распрямъ и вообще по всѣмъ дѣламъ. Прошенія, которыя ему подаютъ, бываютъ очень забавны: напримѣръ, одинъ лавочникъ пишетъ,

что онъ далъ зарокъ не пить и если онъ напьется, то проситъ участковаго начальника его оштрафовать. У пристава нѣтъ свободного времени. Здѣсь какъ и въ Абхазіи особеннымъ удальствомъ считается конокрадство. Говорятъ, что дѣвушка не выйдетъ замужъ за человѣка, который не укралъ лошади. Г. Альбовъ въ своемъ очеркѣ „Этнографическія наблюденія въ Абхазіи“ стр. 315, говоритъ: „Почти въ каждомъ селеніи укажутъ вамъ на какого нибудь изъ князей Шервашидзе или Анчабадзе, или дворянъ Лакербайя и Моргани, какъ на извѣстнаго въ округѣ вора“. Участіе въ конокрадствѣ привилегированныхъ сословій дѣлаетъ борьбу съ этимъ зломъ очень трудною. Преступники очень часто скрываются у знатныхъ фамилій и поимка ихъ весьма затруднительна. Мнѣ пришлось на мѣстѣ убѣдиться, какъ трудно быть участковымъ начальникомъ въ Самузаркани, и очень понятно, почему каждый изъ нихъ старается поскорѣе отсюда уйти. Убійства въ Абхазіи не рѣдкость. Абхазцы довольно обидчивы и кровавая месть весьма развита. Бороться съ этимъ могло бы духовенство— но оно несостоятельно, какъ это выяснено уже въ нашей статьѣ. Школъ мало, хотя стремленіе къ образованію у абхазцевъ и есть. На другой день утромъ я отправился въ Беди, служившую прежде резиденціею кн. Шервашидзе. Въ Бедіи находится одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ храмовъ въ Абхазіи. Этотъ храмъ картинно рисуется передъ путешественниками на довольно дальнемъ разстояніи. Она возвышается на нагорной площади и подъѣхать къ ней довольно затруднительно. Бедія была извѣстна съ древнѣйшихъ временъ. По преданію, мѣсто это было резиденціею Эгроса, одного изъ миѳическихъ праотцевъ эгрисцевъ, или нынѣшнихъ мингрельцевъ. Оно служило мѣстопребываніемъ эриставовъ, именовавшихся сначала бедіанамаи, а потомъ бедіан-дадіанами. Извѣстный знатокъ кавказскихъ древностей Д. З. Бакрадзе въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“, говоритъ, что Бедійскій храмъ построенъ въ X вѣкѣ абхазо-карталинскимъ царемъ Багратомъ III. Храмъ весь одѣтъ тесаннымъ камнемъ и украшенъ рѣзьбою. Изъ с. Бедіи до храма съ полверсты Развалины храма очень живописны, густая растительность окружаетъ его и пробилась черезъ щели во внутрь храма. Около храма сохранились остатки домовъ бедійскихъ епископовъ. Грустно видѣть, что такой замѣчательный памятникъ старины находится въ такомъ запустѣніи. На стѣнахъ храма сохранились еще фрески. Изъ Бедіи я отправился въ Мокву. Дорога большею частью шла черезъ густой прекрасный лѣсъ. По пути попадались деревни, живописно раскинувшіяся среди роскошной растительности. Нѣсколько разъ мы подъѣзжали къ канцеляріямъ, чтобы перемѣнить лошадей, но каждый разъ на крики проводника или никто

не выходилъ, или говорили, что лошадей нѣтъ. Приходилось на старыхъ лошадяхъ ѣхать дальше. Во время нашей поѣздки съ нами было такое приключеніе: Выѣхавъ изъ одной деревни, мы стали подниматься въ гору. Вдругъ изъ лѣса выскочили четыре всадника и начали бить нашихъ лошадей и моего проводника. Я смотрѣлъ на нихъ съ недоумѣніемъ, но одинъ изъ нихъ успокоилъ меня и сказалъ, что они съ нами шутятъ. Это были мѣстные дворяне. Поздно вечеромъ мы пріѣхали въ Мокву. Утромъ я осмотрѣлъ старинный храмъ и остатки стѣнъ, окружавшихъ его. По грузинской лѣтописи постройка этого храма приписывается абхазскому царю Леону III, умершему въ 957 г. Въ Моквѣ жилъ епископъ, завѣдывавшій паствою между Моквис-Укали и Кодоромъ. Д. З. Бакрадзе, посѣтивъ этотъ храмъ въ 1859 г., былъ пораженъ его величіемъ, какъ и академикъ Броссе. Послѣдній даетъ намъ такое описаніе храма: „Обширные размѣры корпуса церкви, опутанные сѣтью ползучихъ растеній, его кровля, превращенная въ воздушный садъ, его прелестный куполъ, удлиненный высокими стволами деревьевъ; все это приводитъ зрителя въ удивленіе. Внутри стрѣлою уходящіе столбы изъ превосходно вытесаннаго камня 5 кораблей (nefs); помостъ, весь устланный бѣлымъ мраморомъ безъ пятенъ, осколки цвѣтнаго стекла, остатки карнизовъ съ замѣчательною рѣзьбою свидѣтельствуютъ о большомъ великолѣпіи и объ искусствѣ, достигшемъ высшей степени совершенства. Стѣны Мокской церкви были росписаны греками въ царствованіи царя Давида-возобновителя (1089—1125 г.). Благодаря сырости, теперь сохранились только незначительные остатки стѣнной живописи. Храмъ былъ возобновленъ кн. Михаиломъ Шервашидзе. Но возобновленный храмъ не былъ такъ красивъ и величественъ, какъ старый храмъ. Въ немъ погребены кн. Михаилъ Шервашидзе и его супруга. Замѣчательныхъ церковныхъ предметовъ въ храмѣ мною не найдено. Послѣ осмотра храма меня повезли въ канцелярію, которая помѣщается среди поляны и другихъ домовъ около нея нѣтъ. Наши крики о лошадяхъ были безполезны и никто на нихъ не отвѣчалъ. Къ счастью къ намъ на выручку пришелъ мѣстный дворянинъ, живущій недалеко отъ канцеляріи. Онъ пригласилъ меня въ садъ, покуда не приведутъ лошадей. Абхазцы народъ очень гостепріимный. Меня привели въ большую комнату, гдѣ радушный хозяинъ предложилъ мнѣ чаю. Самъ онъ съ большимъ трудомъ согласился сѣсть. Изъ бесѣды съ нимъ, я узналъ, что жители Моквы отличаются разбоемъ. Дворяне живутъ такъ-же, какъ и крестьяне, и богатыхъ дворянъ не много. Особою наградою они считаютъ для себя быть прапорщикомъ милиціи. Службы никакой, но можно носить мундиръ. Прапорщика милиціи даютъ по представленію начальниковъ участковъ

и начальника округа. Мой хозяинъ отправился за лошадьми и черезъ пять часовъ я могъ уже выѣхать въ Очемчири. До Очемчиръ верстъ 25. Дорога прекрасная и можно ѣхать въ экипажѣ. За нѣсколько верстъ до Очемчиръ мы выѣхали на шоссе. Это шоссе построено мѣстною администраціею безъ помощи инженеровъ. По словамъ спеціалистовъ оно обошлось въ 5 разъ дешевле Новороссійскаго шоссе, строеннаго инженерами съ ген. М. Н. Анненковымъ во главѣ; но Сухумское шоссе куда лучше его. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы увидали Черное Море. Погода была прекрасная и море было спокойно. Вдали виднѣлись мачты судовъ. Вотъ показались домики—это Очемчири, небольшой портъ и центръ управленія Кодорскаго участка. Очемчири растянулись версты на $1^1/_2$ по берегу моря. Въ нихъ, кромѣ управленія участка, есть мировой отдѣлъ, состоящій изъ судьи и 2 его помощниковъ, 2-классное мужское училище съ сельскохозяйственнымъ отдѣленіемъ, женская школа, таможенная застава, пунктъ пограничной стражи, а также живетъ врачъ. Очемчири торговый пунктъ. Сравнительно съ Окумомъ—Очемчири столица. Тутъ есть и общество, и лѣтомъ сюда 2 или 3 раза въ недѣлю заходятъ пароходы. Почта приходитъ раза 2 въ недѣлю и есть телеграфъ. Къ сожалѣнію въ такихъ маленькихъ мѣстечкахъ, какъ Очемчири, общество живетъ недружно. Во время моего пребыванія тамъ только и разговору было о крупной ссорѣ между двумя чиновниками, кончившейся переводомъ ихъ обоихъ. Съ каждымъ годомъ Очемчири все развиваются болѣе и болѣе и торговля ихъ значительно увеличивается. Главный предметъ отправки на судахъ—лѣсъ и затѣмъ кукуруза. Ежегодно приходитъ въ Очемчири до 50 судовъ. Изъ Очемчиръ до Сухума считается около 55 в. Ѣхать мнѣ по шоссе до Кодора не пришлось, такъ какъ на дорогѣ засѣли разбойники и сдѣлали засаду... Меня повезли по морскому берегу до Дагамышскаго поста, а затѣмъ черезъ лѣсъ по тропинкамъ и только за нѣсколько верстъ до Кодора мы выѣхали на шоссе. Черезъ Кодоръ устроенъ мостъ и отсюда до Сухума ежедневно ходитъ дилижансъ ($26^1/_2$ в.). Въ 3 или 4 верстахъ отъ Кодора находится Драндскій монастырь, расположенный на плоскости... Дранда построена изъ кирпича большихъ размѣровъ, какіе встрѣчаются лишь въ древнихъ греческихъ постройкахъ Западной Грузіи. Она снабжена куполомъ съ 18 окнами. По словамъ Д. З. Бакрадзе, Дранда должна быть произведеніемъ глубокой древности, но къ сожалѣнію на ней нѣтъ никакой надписи и грузинскія лѣтописи о ней молчатъ. Въ 1860 г. Бакрадзе въ главномъ храмѣ нашелъ нѣсколько фресковыхъ изображеній святыхъ во весь ростъ, изображеніе Спасителя и на сводѣ Преображеніе Господне. Теперь Драндскій монастырь находится

въ управленіи Сухумскаго Епископа. При монастырѣ есть школа, въ которой было болѣе 20 мальчиковъ. У монастыря есть пасѣка. Монастырь привлекаетъ многихъ богомольцевъ и для нихъ устроены 2 гостинницы. Отъ Драндъ до Сухума верстъ 19. Въ Драндахъ я сѣлъ на повозку, послѣ 140 в. путешествія верхомъ. Около Драндъ расположено русское поселеніе. Ямщикъ мой былъ русскій и мы съ небольшимъ черезъ часъ были въ Сухумѣ. Дорога сначала проходила черезъ прелестную чащу изъ орѣшника и ольхи до Келассурскихъ стѣнъ, черезъ которыя проведена дорога. Эти стѣны—древній памятникъ, были построены греками и здѣсь была греческая колонія Келассури. Вечеромъ пріѣхали въ Сухумъ... Прежде, чѣмъ описывать его, я приведу мнѣніе от. Ухенчели о самузарканцахъ и тѣмъ окончу описаніе первой половины своего путешествія по Абхазіи. Священникъ от. Ухенчели дѣлаетъ не лестную характеристику самузарканцевъ. По его словамъ (Отчетъ Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ до 1891 г. стр. 58 и 59) у самузарканцевъ развиты: 1) воровство, 2) похищеніе женихами невѣстъ, 3) вѣрованіе въ колдовство и въ гаданіе ворожей, 4) жертвоприношеніе, которое совершается во имя такъ называемаго „Жини“, верховнаго существа. Жертвоприношенія совершаются въ лѣсу подъ дубомъ, вдали отъ женщинъ, которымъ строго воспрещается посѣщать это мѣсто и ѣсть мясо отъ этой жертвы. 5) Буквальное исполненіе Моисеева закона „око за око и зубъ за зубъ“, т. е. кровомщеніе. 6) Всеобщая холодность и равнодушіе къ посѣщенію церкви и слушанію Богослуженія. От. Ухенчели говоритъ, что въ Самузаркани существуетъ убѣжденіе, что если, напр., 80-ти-лѣтній старикъ за свою жизнь пріобщался св. Таинъ 5 или 10 разъ, то ему не нужно прибѣгать къ этому душеспасительному таинству и онъ чувствуетъ себя спокойнымъ. Самузарканцы считаются всѣ православными и по отзыву священниковъ они гораздо исполнительнѣе въ религіозномъ отношеніи — чѣмъ абхазцы. Мы будемъ имѣть случай далѣе говорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, а теперь перейдемъ къ Сухуму. За 14 лѣтъ городъ сталъ неузнаваемъ. Намъ пришлось его посѣтить въ 1880 г. и тогда много домовъ стояло совершенно разрушенными послѣ войны 1877 и 1878 годовъ. Теперь въ городѣ много прекрасныхъ новыхъ зданій и старыя дома приведены въ порядокъ... Сухумъ прелестный городъ и будущность его обезпечена. Городъ расположенъ въ глубинѣ залива между мысами Сухумъ-Кале и Кодоромъ. Заливъ очень глубокій и городъ защищенъ отъ вѣтровъ гораздо болѣе, чѣмъ Новороссійскъ. Особую прелесть Сухума составляютъ роскошные сады, въ которыхъ съ успѣхомъ произрастаютъ лимонныя и апельсинныя деревья, мирты, лавры, разныя хвойныя растенія, напримѣръ,

жигной, aurocaria, pinus pinsapa, много представителей новоголандской флоры, разные папортники и sellaginella, chamerops, jucca, латаніи phenix и самыя роскошныя розы. Изъ садовъ первое мѣсто занимаетъ садъ, принадлежащій Великому Князю Александру Михаиловичу, отъ Сухума до него 2 версты. Этотъ садъ устроенъ полковникомъ А. Н. Введенскимъ, бывшимъ начальникомъ Сухумскаго округа. Въ саду много рѣдкихъ можжевельниковъ, пальмъ, мангнолій въ самыхъ большихъ размѣрахъ и т. д. Садъ содержится образцово. Около этого сада расположены сады П. Е. Татаринова, Ѳ. Ѳ. Ноева, полковника Вознесенскаго и др. Садоводство въ Сухумѣ очень много обязано П. Е. Татаринову. Служа въ Петербургѣ въ канцеляріи Государственнаго Совѣта и занимая видный постъ (помощника статсъ-секретаря), П. Е. вышелъ въ отставку и поселился въ Сухумѣ. Знатокъ садоводства П. Е. занялся акклиматизаціей на своей дачѣ растеній сутропической флоры и достигнулъ блестящихъ результатовъ. Въ началѣ этой статьи мы имѣли случай привести длинный списокъ растеній, которыя, по показанію П. Е. Татаринова, могутъ произрастать въ Сухумскомъ округѣ, и большинство изъ нихъ онъ первый развелъ здѣсь. Министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ А. С. Ермоловъ, посѣтивъ въ 1894 году, Абхазію, былъ и въ Сухумѣ. Онъ призналъ необходимымъ поддержать садоводство въ краѣ и съ этою цѣлью П. Е. Татаринову поручено устроить два образцовыхъ сада въ Сухумѣ и въ м. Сочѣ. Для образцоваго сада въ Сухумѣ есть ботаническій садъ, заложенный кн. М. С. Воронцовымъ и находящійся въ заброшенномъ видѣ. Въ саду Ѳ. Ѳ. Ноева мы любовались прелестными гіацинтами. Часть улицъ Сухума обсажены прелестною акаціею (acacia julibrissia) или такъ называемымъ шелковымъ деревомъ. Когда цвѣтетъ эта акація, то ароматъ отъ нея прекрасный. Въ Сухумѣ считается около трехъ тысячъ жителей. Въ городѣ расположенъ сухумскій резервный батальонъ. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ есть горская школа съ 126 учащимися. Школа имѣетъ большое значеніе для округа. Это единственное учебное заведеніе въ округѣ съ болѣе высокимъ курсомъ. Она завоевала расположеніе учащихся и въ ней училось довольно много абхазцевъ, грузинъ, грековъ, армянъ и т. д. Многіе изъ мѣстныхъ князей и дворянъ получили въ ней свое образованіе. Нѣкоторые, по окончаніи курса въ ней, шли въ гимназіи и въ высшія учебныя заведенія. При школѣ есть участокъ земли въ 50 десятинъ, гдѣ устроена ферма. Къ сожалѣнію, участокъ земли въ 7 верстахъ, что очень неудобно для учениковъ. Имъ далеко ходить туда. Школа обрабатываетъ 5 десятинъ, а остальныя сдаетъ въ аренду. Въ школѣ учатъ плести изъ ивы корзины и обучаютъ сапожному ремеслу. Въ женской

прогимназіи учатся 83 человѣка, и изъ нихъ нѣсколько абхазскихъ дѣвушекъ. Въ частномъ учебномъ заведеніи г. Федоренка учится 16 человѣкъ. Является необходимымъ устройство въ Сухумѣ школы садоводства. Какъ курьезъ отмѣтимъ, что въ Сухумѣ совершенно позабыли о существованіи городничаго. Ввели новое управленіе, а городничій продолжалъ существовать и только недавно его переименовали въ полиціймейстеры. Торговое значеніе города развивается. Въ Сухумѣ мнѣ пришлось прожить дня три и отсюда съѣздить въ Новый-Аѳонъ. У помощника окружнаго начальника М. А. Де-Симона есть небольшая обсерваторія и астрономія начинаетъ интересовать жителей. Въ Сухумѣ болѣе 20 членовъ Астрономическаго общества, и въ ихъ числѣ находится и преосвященный Петръ. Домъ, гдѣ живетъ епископъ, очень маленькій и квартира епископа небольшая. Впрочемъ, теперь будетъ строиться для него особый домъ, для чего отпущено 40 тысячъ рублей. Въ январѣ 1895 года преосвященный Петръ переведенъ въ Харьковъ. Преемникомъ его назначенъ епископъ Арсеній, 68 лѣтъ, служившій долго въ Константинополѣ начальникомъ миссіи. Сухумцамъ за 10 лѣтъ придется встрѣчать пятаго епископа. Къ сухумскому собору приписана небольшая церковь и, кромѣ того, въ городѣ есть военная церковь.

Окрестности Сухума очень любопытны и слѣдуетъ посѣтить нѣмецкія колоніи, расположенныя около Сухума. Колонія Гнаденбергъ (33 двора) содержитъ школу и платитъ учителю 250 руб. Въ колоніи Нейдорфъ тоже есть училище. Въ этихъ колоніяхъ выписываются и газеты. Въ с. Эстонка выписываютъ 7 газетъ на эстонскомъ языкѣ и 1 „Вокругъ Свѣта“ на русскомъ языкѣ. Изъ памятниковъ древности интересно посмотрѣть на нѣсколько старинныхъ церквей у подошвы горы Бырцъ, по р. Яштхо и Беслы. Около послѣдней церкви (на р. Беслѣ) находятся развалины дворца. Особенно любопытно осмотрѣть на р. Келласурѣ такъ называемую гигантскую Абхазскую стѣну, спускающуюся до самаго моря, гдѣ оканчивается она продолговатою башнею. Внутри она обтесана. О ней упоминаетъ Птоломей, жившій въ 211 г. по Р. Хр., а Стефанъ Византійскій упоминаетъ о ней въ XVII вѣкѣ. Изъ Сухума я отправился въ Кубанскую область, черезъ Шухорскій перевалъ. Дорога эта считается одною изъ самыхъ красивыхъ. Отъ Сухума до перевала считается 135 в. Въ виду отсутствія по дорогѣ селеній, лошадей надо нанимать до перваго селенія въ Кубанской области. Лошадей пришлось нанять у мѣстнаго цирульника, которому ремесло не даетъ большого дохода, и онъ промышляетъ отдачею лошадей путешественникамъ и мѣстнымъ жителямъ за довольно дорогую плату—по 3 руб. въ день. Считаю долгомъ сказать, что путешествовать мнѣ по Абхазіи было легко,

благодаря любезности окружного начальства. Начальники участковъ Кодорскаго—М. М. Стуковъ и исполняющій обязанности Самузарканскаго—помощникъ окружного начальника капитанъ Бойко оказали мнѣ полное содѣйствіе. Въ Сухумѣ управляющій округомъ М. А. Де-Симонъ и начальникъ Гумистинскаго участка И. В. Свистунъ сдѣлали для меня все, что могли. И. В. Свистунъ пользовался громаднымъ уваженіемъ въ своемъ участкѣ. Для него все населеніе сдѣлаетъ все, что онъ хочетъ, и въ этомъ я лично убѣдился. Имя И. В. Свистуна дѣлало чудеса. Человѣкъ рѣшительный и справедливый, И. В. никому не давалъ поблажки, но за то былъ готовъ сдѣлать каждому, что могъ. Съ какимъ сожалѣніемъ говорили мнѣ всюду объ уходѣ И. В. изъ Сухума на службу въ Терскую область: (Онъ при мнѣ уже былъ назначенъ помощникомъ начальника Грозненскаго округа). И. В. далъ мнѣ въ спутники прекраснаго всадника и за всю дорогу я не испытывалъ никакихъ затрудненій. Запасшись продовольствіемъ, мы выѣхали рано утромъ изъ Сухума. Погода стояла прекрасная, но особой жары не было. Была средина августа. Описать дорогу до перевала я не въ состояніи, настолько она прекрасна. Картины одна лучше другой—смѣнялись постоянно. Сначала дорога до с. Ольгинскаго (22 версты) шла по прекрасному шоссе. Проѣхавъ отъ Ольгинскаго 12 верстъ, мы въѣхали въ армянскую деревню. Армяне съ успѣхомъ занимаются табаководствомъ. Послѣ этого селенія, болѣе 100 верстъ деревень нѣтъ. Отъ Ольгинскаго идетъ не колесная дорога, а вьючная тропа, которую содержитъ инженерная дистанція въ прекрасномъ состояніи. Черезъ нѣсколько верстъ отъ армянскаго селенія мы подъѣхали къ усадьбѣ. Мой всадникъ объяснилъ мнѣ, что тутъ живетъ управляющій графа А. А. Бобринскаго, и намъ лучше тутъ переночевать, такъ какъ нынче еще хотѣли выѣхать путешественники изъ Сухума и намъ удобно будетъ съ ними вмѣстѣ путешествовать. Я согласился. Управляющій имѣніемъ, осетинъ, принялъ насъ очень любезно. У него нашлась и бутылка хорошаго вина, и горячій ужинъ. Во время путешествія въ особенности цѣнишь, если что-нибудь можно съѣсть горячее, такъ какъ колбаса, сыръ и другія сухія закуски очень надоѣдаютъ. Мнѣ приходилось путешествовать по Осетіи и потому было о чемъ поговорить съ радушнымъ хозяиномъ. Нашлись и общіе знакомые. У графа А. А. Бобринскаго тутъ до 8 тысячъ десятинъ. Правильнаго хозяйства нѣтъ и доходовъ мало. Пріѣзжалъ сюда инспекторъ удѣльныхъ имѣній на Кавказѣ И. Н. Клингенъ, такъ какъ предполагалось купить эту землю въ удѣлъ. По сосѣдству есть еще помѣщикъ полковникъ. Къ сожалѣнію, здѣсь еще нѣтъ правильнаго хозяйства, а то бы эти имѣнія могли быть очень доходными. Рано утромъ мы выѣхали далѣе, но предполагаемые путеше-

ственники не пріѣхали. Дорога до перевала идетъ прекрасными лѣсами съ живописными долинами. Въ 18 верстахъ отъ усадьбы графа Бобринскаго находятся хаты. Тутъ два дома. Одинъ инженерный состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна для пріѣзжихъ инженеровъ. Немного отдохнувъ, мы поѣхали далѣе. Нѣсколько верстъ отъ хатъ находится пріютъ для путешественниковъ Драндскаго монастыря. Здѣсь ночуютъ богомольцы, отправляющіеся изъ Кубанской области въ Дранды и въ Новый-Аѳонъ. У живущаго тутъ монаха есть садикъ и огородъ. Такіе пріюты встрѣчаются еще по дорогѣ. Отъ хатъ въ 20 верстахъ находятся Чхалты, гдѣ только одинъ инженерный домикъ. Тутъ устроилъ себѣ шалашъ персіанинъ и у него можно достать поѣсть. Когда мы пріѣхали, у персіянина стояли нѣсколько вьючныхъ лошадей. У персіанина, мнѣ говорили, можно достать курицу, но, къ сожалѣнію, полчаса ее ловили и не могли поймать. Пришлось ограничиться своею провизіею, кислымъ молокомъ и чаемъ. Самовары есть во всѣхъ инженерныхъ домахъ, чай и сахаръ надо брать съ собою. Проѣхали еще 20 верстъ и пріѣхали въ инженерный домикъ (Клычъ), отъ котораго начинается перевалъ. Въ Клычѣ оказались двѣ кровати съ тюфяками. Подушки у насъ были и мы прекрасно выспались. Встали въ три часа, напились чаю и двинулись въ путь. Было холодно въ буркѣ. Подъемъ прекрасный. Картины были одна лучше другой. Прекрасные водопады, перевалы, глубокія долины и т. д.

Постоянно останавливаемся, любуясь дивными видами. По пути встрѣчаются рабочіе, гонятъ вьюки и т. д. По своей живописности Шухорскій перевалъ не уступитъ перевалу на Военно-Грузинской дорогѣ—и другимъ на Кавказѣ. Чѣмъ далѣе мы поднимаемся—тѣмъ природа все болѣе мѣняется и приближается къ алпійской. Вотъ уже сталъ попадатся въ ложбинахъ снѣгъ, вотъ все его болѣе и болѣе, а вершина горы покрыта имъ, какъ шапкою. Смотришь на вершину и думаешь—неужели можно взобраться на такую высоту. Чувствуешь свое ничтожество и удивляешься величію Творца. Нельзя описать этихъ чувствъ, ихъ надо пережить. Вдругъ остановка, и далѣе ѣхать нельзя. На узкую тропинку упалъ большой камень и объѣхать его нельзя, съ одной стороны гора, а съ другой пропасть. Слѣзаемъ съ лошадей. Нѣсколько человѣкъ работаютъ. Проходитъ около часу, сдѣлана узкая тропинка и переводимъ черезъ нея своихъ лошадей. Наконецъ, поднимаемся на вершину и въѣзжаемъ въ снѣгъ. Кругомъ горы. Небо заволокло и пошелъ градъ. Темно, а далѣе дороги черезъ ледникъ не видно. Вдали слышны раскаты, какъ бы грома (впослѣдствіе оказалось, что это взрывали скалу порохомъ, чтобы провести обходную тропу). Становится жутко и даже мой неустрашимый всадникъ видимо струхнулъ.

Онъ начинаетъ кричать. Долго на крики никто не отвѣчалъ, но вотъ мы слышимъ кто-то идетъ. Это былъ нашъ спаситель, рабочій, посланный инженеромъ, услышавшимъ наши крики. Ѣхать по леднику очень опасно, когда темно. Въ немъ есть глубокія трещины, а попалъ въ одну—то и пропалъ. Нашъ проводникъ предлагаетъ намъ слѣзть съ лошадей. Болѣе $^1/_2$ версты приходится идти по леднику, въ поводу ведя свою лошадь. Прошли ледникъ и черезъ 50 саженей очутились у бревенчатой казармы. Тутъ насъ ждалъ инженеръ В. К. Суходольскій съ двумя своими помощниками. Съ какою радостью мы взошли въ теплое помѣщеніе, а тутъ еще болѣе пріятное удовольствіе—чай. У запасливаго В. К. оказался ромъ, и я согрѣлся. Затѣмъ мы обѣдали. Обѣдъ показался мнѣ прекраснымъ, хотя онъ состоялъ изъ одного блюда—супа съ бараниною. Мнѣ нашли повозку съ одною лошадью, такъ какъ далѣе до Баталпашинскаго около 140 вер. можно уже ѣхать въ экипажѣ. Здѣсь на перевалѣ граница Кубанской области съ Абхазію и потому тутъ конецъ моего путешествія по ней. Въ заключеніе своего очерка Абхазіи я скажу нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи страны и обычаяхъ ея обитателей. Мои свѣдѣнія главнымъ образомъ основаны на разсказахъ разныхъ лицъ, съ которыми я встрѣчался, такъ какъ мои личныя впечатлѣнія были слишкомъ малы. Въ Абхазіи я пробылъ только мѣсяцъ и сдѣлалъ за это время по ней до 400 вер. верхомъ.

Абхазскія селенія вѣрнѣе можно назвать хуторами. Трудно опредѣлить, гдѣ оканчивается одно селеніе и начинается другое. Каждая усадьба состоитъ изъ дома, или, лучше сказать, плетеннаго сарая въ одну комнату. Внутри, вокругъ стѣнъ дома расположены низкія нары, или такъ называемыя тахты, служащія мѣстомъ отдохновенія для всего семейства, употребляющаго вмѣсто тюфяковъ, толстыя ватныя одѣяла; подушки, которыхъ также, какъ и одѣялъ, держится всегда въ изобиліи. Вмѣсто столовъ употребляются низенькія длинныя скамейки, а у болѣе зажиточныхъ—круглыя на трехъ ножкахъ столики. Вотъ вся утварь и убранство абхазскаго жилья, которое у болѣе богатыхъ, имѣющихъ деревянныя дома, отличается только правильно сложеннымъ каминомъ и не такъ грубо сдѣланными тахтами и прочею утварью. Замѣтно у богатыхъ людей стремленіе устроить свой домъ на европейскій ладъ. Усадьба размѣщается обыкновенно на канашѣ (кукурузномъ полѣ), огороженнымъ плетнемъ. На канашѣ стоятъ нѣсколько грабовыхъ деревьевъ. Кромѣ граба, называемаго абхазцами святымъ деревомъ, никакихъ деревьевъ на канашѣ имѣть нельзя. Грабовыя деревья служатъ подпорками для виноградныхъ лозъ, достигающихъ громадныхъ раз-

мѣровъ. Главное занятіе жителей—земледѣліе. Землей владѣютъ на общинныхъ началахъ, а именно—всѣ незанятыя земли считаются собственностью общины (одной или нѣсколькихъ деревень), и всякій можетъ ими пользоваться, т. е. въ случаѣ надобности имѣетъ право расчистить ихъ подъ посѣвъ, пасти на нихъ скотъ и т. д. Сѣютъ абхазцы преимущественно кукурузу и немного гоми. Главное препятствіе къ земледѣлію скотокрадство. Мѣстная администрація принимаетъ различныя мѣры для борьбы съ этимъ зломъ. Въ Гудаутскомъ участкѣ администрація для борьбы съ воровствомъ, обратилась къ помощи сыщиковъ изъ абхазцевъ, роль которыхъ выполняютъ самые отчаянные изъ скотокрадовъ. Мѣра эта была неудачна, такъ какъ сыщики злоупотребляли своею властью. Тоже неудачно было избраніе самою общиною особыхъ лицъ для наблюденія надъ воровствомъ съ самою широкою властью. Нѣкоторые изъ лучшихъ людей Абхазіи говорятъ, что для борьбы съ этимъ зломъ нужны школы, „школы, какія вы создаете для нашей молодежи: и требованіе времени“, говорятъ они, „увеличиваютъ сильно число лицъ, противодѣйствующихъ воровству, и скоро наступитъ время, когда они возьмутъ верхъ надъ порочными склонностями абхазцевъ. Мелкопомѣстные дворяне, имѣющіе небольшіе, но прекрасные участки земли, въ силу традиціи, что дворянину стыдно заниматься полевымъ физическимъ трудомъ землепашца, не могутъ быть примѣромъ для населенія, какъ вести правильное сельское хозяйство. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, благодаря прекрасному климату и плодоносной землѣ,—урожаи кукурузы и др. хлѣбовъ—прекрасны. Подъ табакомъ было болѣе 600 десятинъ. Табаководствомъ почти исключительно занимаются греки и армяне. Всего скота считается около 150 тысячъ головъ и изъ нихъ до 14 тысячъ лошадей.

Торговлею абхазцы не занимаются и терпѣть ея не могутъ, считая это занятіе позорнымъ, также какъ и ростовщичество. Торговля находится въ рукахъ армянъ, грековъ, мингрельцевъ и турокъ. Нѣкоторые изъ князей и дворянъ, имѣющихъ большія имѣнія,—занимаются торговлею, главнымъ образомъ отправками за границу кукурузы и самшитоваго дерева. Хлопоты по домашнему хозяйству лежатъ главнымъ образомъ на хозяйкѣ.

Въ исключительномъ вѣдѣніи женщинъ находится огородъ и хлопчатобумажныя плантаціи. Онѣ заботятся о чистотѣ въ домѣ и готовятъ пищу. Въ свободное время онѣ занимаются рукодѣліемъ и въ особенности искусны въ вязаніи. Абхазцы очень любопытны, привѣтливы и вѣжливы въ обращеніи. Они отличаются гостепріимствомъ и каждый хозяинъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, предложитъ гостю все лучшее,

что онъ имѣетъ. Къ недостаткамъ абхазцевъ надо отнести лѣность. Время для нихъ ничего не значитъ. Абхазцы довольно обидчивы и вспыльчивы. Особенно позорнымъ считается оскорбленіе женщины, которое не остается безъ отмщенія. Ревность у нихъ сильно развита и потому бываетъ изъ-за нея много убійствъ. Браки, освященные церковью, въ Абхазіи очень рѣдки. Существуетъ два вида брака,—чистый туземный, а другой заимствованный изъ Турціи. Первый состоитъ изъ обмѣна подарковъ, послѣ котораго бракъ считается заключеннымъ. Другой видъ брака, заимствованный у мусульманъ, состоитъ въ томъ, что женихъ даетъ дѣвушкѣ такъ называемый „мѣхякъ“, или письменно обезпечитъ ее извѣстной суммой денегъ на случай добровольнаго развода или его смерти, такъ какъ въ Абхазіи жена не получаетъ ничего изъ наслѣдства мужа. Разводъ очень легокъ. Женщина пользуется уваженіемъ и жена въ домѣ полная хозяйка. О религіозномъ состояніи Абхазіи мы говорили въ началѣ нашей статьи, а потому ограничимся тутъ указаніями на сохраняющіеся у нихъ остатки языческихъ вѣрованій. Они почитаютъ нѣсколько божествъ, которымъ приносятъ жертвы. Афа—богъ грома. Ему приносятъ жертвы при отправленіи стадъ въ горы и при возвращеніи оттуда, во время засухи, послѣ того, какъ убьетъ громомъ человѣка или домашнее животное. Затѣмъ вѣрятъ въ Шасту—бога кузнецовъ. Самой дѣйствительной въ странѣ считается присяга, произнесенная на кузницѣ. Изъ другихъ боговъ—существуетъ еще Ашветтаа-Абна-Инчваху—покровитель охотниковъ; Айтаръ—покровитель домашняго скота. Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ прекрасно описаны въ ст. А. Н. Введенскаго „Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ“ въ сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, т. V, къ которой мы и отсылаемъ читателей, желающихъ ближе познакомится съ этимъ вопросомъ. Абхазія страна очень любопытная, но къ сожалѣнію мало изслѣдована. Ученые спорятъ о происхожденіи Абхазцевъ. Есть ученые, которые производятъ ихъ даже отъ египтянъ.

Сословно-поземельныя условія въ странѣ очень запутаны. Туземное обычное право требуетъ подробнаго изученія. Въ Абхазіи много памятниковъ старины—совершенно неизслѣдованныхъ. Г. Альбовъ указываетъ на жертвенники, которыя находятся въ горныхъ перевалахъ, на любопытныя пещеры, которыя служили мѣстожительствомъ человѣка. Въ Кодорѣ мнѣ показывали нѣсколько бронзовыхъ молотковъ, найденныхъ при дѣланіи дороги.

Въ заключеніе нашего очерка Абхазіи выскажемъ пожеланіе, чтобы на эту прекрасную страну было обращено вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей.

А. Городищевъ.

Рабочій день.

(Политико-экономическій очеркъ).

Для того, чтобы пользоваться завѣщанными ему Богомъ богатствами природы и приспособлять окружающіе предметы къ удовлетворенію своихъ потребностей, человѣкъ долженъ затрачивать извѣстныя усилія, долженъ трудиться. Такимъ образомъ, трудъ есть всякое усиліе, направленное къ достиженію какой-нибудь цѣли. Дикарь, охотящійся за звѣремъ, земледѣлецъ, выращивающій пшеницу, рабочій шерстяной мануфактуры, ткущій пряжу,—всѣ они трудятся, т. е. затрачиваютъ усилія на то, чтобы приспособить различные предметы къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей: звѣрь, убитый дикаремъ, будетъ съѣденъ семьею охотника, пшеница, выращенная земледѣльцемъ, будетъ употреблена въ пищу въ видѣ хлѣба, а шерсть, ссученная въ пряжу, пойдетъ на платье и будетъ согрѣвать кого-нибудь отъ холода.

Съ самыхъ первобытныхъ временъ человѣкъ старался облегчить свой трудъ всевозможными приспособленіями: такъ, уже доисторическій троглодитъ употреблялъ на охоту каменные молотки, топоры, палицы и пр.; потомъ люди додумались до устройства пращи, лука; въ средніе вѣка изобрѣли порохъ и стали пользоваться для метанія силою взрыва и т. д. и т. д. Дикій человѣкъ только пользовался тѣми плодами, кореньями и растеніями, которыя давала ему природа, потомъ сталъ самъ искусственно разводить полезныя растенія, вскапывая землю какою-нибудь палкой, затѣмъ отъ первобытнаго способа обработки перешелъ къ болѣе искусственному, сталъ пользоваться силою лошадей и воловъ, а въ настоящее время начинаетъ кое-гдѣ обрабатывать почву паровыми плугами и машинами. Весь ростъ культуры современныхъ государствъ знаменуется все болѣе и болѣе широкимъ примѣненіемъ машинъ и всевозможныхъ приспособленій, облегчающихъ и дѣлающихъ болѣе производительнымъ трудъ человѣка и замѣняющихъ мускульную силу его двигательными силами природы—электричествомъ, паромъ, вѣтромъ, теченіемъ рѣкъ и пр. Работа культурнаго человѣка сводится такимъ образомъ

только къ направленію дѣятельности механическихъ двигателей: человѣкъ вмѣсто того, чтобъ работать самому, заставляетъ работать слѣпыя силы природы, запрягая необузданныя нѣкогда стихіи въ ярмо науки и промышленности.

Какъ должна отразиться на образѣ жизни человѣка такая замѣна его мускульной силы силами природы путемъ примѣненія къ труду всевозможныхъ машинъ и приспособленій, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ и дѣлающихъ его болѣе производительнымъ?—Естественно ожидать, что все это должно бы во-первыхъ обогатить жизнь его всевозможными удобствами и роскошью, которыя онъ можетъ доставить себѣ именно благодаря тому, что трудъ его сталъ легче и производительнѣе, т. е., что онъ можетъ произвесть гораздо большее количество нужныхъ ему вещей, чѣмъ раньше. Съ другой стороны эта усилившаяся производительность труда, эта замѣна человѣческой силы силами природы—естественно должна бы облегчить жизнь его отъ усиленной работы, потому что теперь вмѣсто него работаетъ паръ въ локомобиляхъ, электричество, въ электродвигателяхъ, вѣтеръ въ мельницахъ и теченіе воды въ рѣчныхъ сукновальняхъ, и потому, что благодаря всѣмъ изобрѣтеннымъ машинамъ и приспособленіямъ, удесятерившимъ производительность труда, человѣкъ можетъ сдѣлать и раздобыть всѣ необходимые для удовлетворенія его потребностей предметы въ десять разъ легче и скорѣе, чѣмъ прежде. Такъ все это повидимому и должно бы быть, но въ дѣйствительности все идетъ какъ разъ наоборотъ: ростъ промышленности, изобрѣтеніе новыхъ машинъ и усиленіе производительности труда, не только не облегчаютъ человѣка отъ усиленной работы и не обогащаютъ его жизнь, но, напротивъ, иногда даже заставляютъ его трудиться еще больше и дѣлаютъ его еще бѣднѣе.

Такія странныя и неожиданныя послѣдствія объясняются нѣкоторыми особенностями производства продуктовъ въ культурныхъ, цивилизованныхъ обществахъ.

Дикарь все производилъ для самого себя и семьи. Онъ самъ являлся потребителемъ произведеній своего не хитраго производства. Для себя онъ убивалъ животныхъ, для себя выдѣлывалъ ихъ шкуры, для себя строилъ жилище и выдѣлывалъ стрѣлы и оружіе и т. д. *Слѣдовательно, производительность дикаря и трудъ его были ограничены предѣлами его собственныхъ потребностей.* Поэтому, если-бъ онъ путемъ изобрѣтеній и приспособленій нашелъ способъ облегчить себѣ добываніе всѣхъ нужныхъ ему предметовъ, положимъ, вдвое, то это предоставило бы ему возможность и работать вдвое меньше противъ прежняго.

Современный же человѣкъ не вырабатываетъ всѣхъ нужныхъ ему предметовъ самъ, какъ дикарь, а занимается обыкновенно какимъ-нибудь однимъ дѣломъ—шьетъ сапоги, выдѣлываетъ шляпы, подковываетъ лошадей на кузницѣ, или пашетъ землю. Если онъ самъ хозяинъ своего заведенія, то онъ продаетъ сдѣланныя имъ шляпы, сшитые сапоги, подковы и пшеницу на рынкѣ, и за деньги, полученныя отъ покупателя, покупаетъ все, что ему нужно. Такимъ образомъ потребителемъ плодовъ его производства—шляпъ, сапогъ, пшеницы и пр., является уже не онъ самъ, а покупатели, т. е. общество. Въ отличіе отъ натуральнаго хозяйства дикаря, который все, что ему нужно, дѣлалъ самъ, хозяйство современнаго человѣка основывается *на раздѣленіи труда по разнымъ спеціальностямъ и на обмѣнѣ между производителями плодовъ ихъ спеціальныхъ производствъ* по потребностямъ съ помощью *денегъ* и называется поэтому *денежнымъ хозяйствомъ*.

Между хозяйствомъ дикаря и культурнаго человѣка есть еще одна существенная разница: такъ какъ въ первобытныя времена орудія труда (стрѣлы, копья, все, что служило для охоты и иного производства) выдѣлывались самимъ дикаремъ, то онъ былъ всегда собственникомъ ихъ. По мѣрѣ же того, какъ эти орудія съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ дѣлались сложнѣе и дороже, владѣть ими могъ уже не всякій, кто хотѣлъ работать, а только очень богатый человѣкъ; современный рабочій трудится на фабрикѣ, которая принадлежитъ не ему, а хозяину. Онъ пересталъ быть самостоятельнымъ производителемъ и принужденъ наниматься къ владѣльцу фабрики, *къ собственнику орудій труда*. Фабрикантъ нанимаетъ рабочаго, т. е. покупаетъ его силы, его трудъ, и продаетъ издѣлія дороже, чѣмъ сколько затратилъ средствъ на ихъ производство, съ нѣкоторою выгодою для себя. Чѣмъ дешевле онъ заплатитъ рабочему и чѣмъ больше тотъ сдѣлаетъ для него предметовъ, тѣмъ больше будетъ барышъ фабриканта. Раньше, при натуральномъ видѣ хозяйства, когда дикарь былъ собственникомъ орудій своего труда и когда единственною цѣлью производства было удовлетвореніе его потребностей, производство было ограничено извѣстнымъ максимумомъ продуктовъ, нужныхъ дикарю; теперь же, когда все производится на продажу, когда рабочій сталъ наемною силою, когда душу производства составляетъ барышъ, когда цѣль его—получить какъ можно больше прибыли, произвесть и продать какъ можно больше вещей,—производство стало неограниченнымъ. Какъ бы ни облегчали машины и новыя изобрѣтенія трудъ рабочаго, фабриканту все-таки будетъ выгоднѣе заставить его работать еще больше для того, чтобы получить больше прибыли. Этимъ объясняется почему изобрѣтеніе машинъ не уменьшаетъ ра-

бочаго дня и не дѣлаетъ жизнь рабочаго богаче. Но иногда примѣненіе новыхъ машинъ вело даже къ увеличенію работы и совершенно разоряло сотни тысячъ рабочихъ. Это происходитъ отъ того, что хотя производство любыхъ продуктовъ для такого большаго потребителя, какъ общество и безгранично, но для каждаго фабриканта въ отдѣльности оно, собственно говоря, ограничено размѣрами сбыта между тѣми покупателями, съ которыми онъ успѣлъ завязать отношенія, потому что другіе покупатели берутъ товаръ у другихъ фабрикантовъ. Такъ какъ нашъ фабрикантъ имѣетъ разсчетъ и выгоду производить только то количество продуктовъ, которое можетъ продать, то со введеніемъ машины, облегчившей производство, положимъ, вдвое, онъ долженъ тотчасъ же для того, чтобъ не производить вдвое больше, чѣмъ нужно, товаровъ, сократить на половину все свое производство. Для производства прежняго количества ему стало нужно вдвое меньшее число рабочихъ. Половину ихъ онъ отпускаетъ съ фабрики и они остаются безъ работы, т. е. безъ заработка средствъ къ жизни. Такъ какъ рабочихъ стало больше, чѣмъ сколько ихъ нужно фабриканту для производства продуктовъ, и каждый изъ нихъ не хочетъ остаться безъ работы и умереть съ голоду, то они одинъ передъ другимъ стараются остаться на фабрикѣ хотя бы и за меньшую плату, чѣмъ раньше. Это называется *конкурренціей* рабочихъ. Фабрикантъ пользуется ихъ положеніемъ для того, чтобы увеличить свой барышъ или удешевить продуктъ съ цѣлью болѣе успѣшной продажи его сравнительно съ другими фабрикантами и уменьшаетъ плату рабочимъ и заставляетъ ихъ трудиться больше, чѣмъ прежде. Поэтому-то рабочіе нерѣдко смотрятъ на машины, облегчающія ихъ трудъ, какъ на своихъ конкуррентовъ и враговъ, дѣлающихъ не нужными трудъ сотенъ тысячъ рабочихъ, и зачастую выбрасываютъ ихъ съ фабрикъ на мостовую. Введеніе ткацкихъ машинъ въ Индіи разорило мѣстныхъ ткачей, лишило ихъ заработка и многихъ изъ нихъ заставило буквально умереть съ голода, такъ что „равнины—по донесенію мѣстнаго губернатора—бѣлѣли отъ множества человѣческихъ костей и скелетовъ“. Благодѣтельное сокращеніе человѣческаго труда, благодаря неестественнымъ условіямъ современной промышленной жизни, отразилось на населеніи, какъ какое-нибудь страшное бѣдствіе и принесло столько же неописуемыхъ страданій, какъ моръ, ураганъ, наводненіе или землетрясеніе. Понятно, почему въ Англіи въ прошломъ столѣтіи возникали спеціальные бунты рабочихъ противъ машинъ. Рабочіе цѣлыми толпами осаждали фабрики и до тла уничтожали своихъ желѣзныхъ соперниковъ.

Та же конкурренція, которая существуетъ при наймѣ на фабрику между рабочими, существуетъ и между фабрикантами при продажѣ пло-

довъ ихъ производства. Успѣшнѣе продастъ тотъ, чей товаръ будетъ при одинаковой доброкачественности *дешевле.* Поэтому фабриканты всѣми средствами стараются *удешевить производство.* Такъ какъ въ числѣ прочихъ расходовъ производства большое значеніе имѣетъ расходъ на трудъ, т. е. плата рабочему, то фабриканты всегда должны стремиться къ тому, что бы какъ можно больше заставить рабочаго трудиться и какъ можно меньше заплатить ему за труды, т. е. уменьшать его заработную плату и увеличивать его рабочій день. Конкурренція между фабрикантами дѣлаетъ это выжиманіе всѣхъ силъ изъ рабочаго общимъ правиломъ, обязательнымъ для каждаго фабриканта. Если какой нибудь мягкосердечный заводчикъ захочетъ облегчить рабочихъ, уменьшить ихъ трудъ или увеличить ихъ плату, то для него производство продуктовъ обойдется дороже, чѣмъ для остальныхъ заводчиковъ; онъ принужденъ будетъ или продавать ихъ дороже, чѣмъ другіе, или продавать себѣ въ убытокъ и въ концѣ-концовъ непремѣнно разорится, и его фабрика перейдетъ въ руки другого хозяина, который будетъ выжимать силы рабочаго въ елико возможно большемъ количествѣ, какъ и всѣ остальные конкурренты.

Въ прошломъ столѣтіи въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы рабочіе, въ томъ числѣ женщины и дѣти, въ нѣкоторыхъ производствахъ работали по 14, 15, 16 и даже 18 часовъ въ день, окончательно превращаясь въ рабочихъ животныхъ и едва имѣя время на то, что бъ поѣсть и выспаться. Такое непомѣрное напряженіе силъ человѣка—особенно въ дѣтскомъ возрастѣ—очень вредно отзывается на его здоровьѣ и грозитъ вырожденіемъ народа. Поэтому почти во всѣхъ европейскихъ странахъ государство стремится насильственными мѣрами ограничить такое неумѣренное пользованіе фабрикантами силою и здоровьемъ рабочихъ—преимущественно женщинъ и дѣтей. Вездѣ издаются законы, воспрещающіе пользоваться дѣтскимъ трудомъ больше 12 часовъ въ день; потомъ дѣтскій и женскій рабочій день былъ пониженъ почти всюду до 10 ч.

Въ настоящее время отчасти подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и государственнаго воздѣйствія, отчасти же вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія самихъ рабочихъ, боровшихся за сокращеніе рабочаго дня путемъ стачекъ, т. е. поголовнаго отказа отъ работы, рабочій день въ большей части странъ и отраслей промышленности значительно сократился. Теперь среднимъ числомъ взрослые рабочіе работаютъ по 12 ч. въ день. По отдѣльнымъ промысламъ продолжительность труда значительно колеблется. Такъ, напр., большинство прикащиковъ въ Англіи работаетъ по 80 и даже по 90 часовъ въ недѣлю, т. е. ихъ рабочій день доходитъ до 15 ч. Лондонскіе питейные дома и харчевни открыты съ 6 ч. утра до $12^1/_2$ ночи, слѣдовательно, рабочій день сидѣльца рав-

няется $18^1/_2$ ч. да еще безъ праздничнаго отдыха, такъ какъ питейные дома открыты и по праздникамъ. Клерки въ Англіи работаютъ отъ 8 до 10 — 12 — и даже 14 часовъ въ день. Желѣзнодорожная прислуга, машинисты, кочегары, кондуктора, сигнальщики и пр. работаютъ отъ 12 до 15 ч. иногда даже до 18. На конкахъ кондуктора и кучера работаютъ отъ тринадцати до семнадцати часовъ въ день, не имѣя и воскреснаго отдыха. Нѣкоторые изъ нихъ по нѣсколько лѣтъ не имѣютъ ни одного свободнаго дня. Углекопы въ каменноугольныхъ шахтахъ Англіи работаютъ по 8, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по 9 ч. въ день. Такой болѣе короткій срокъ установился, вслѣдствіе тяжелой обстановки подземнаго труда. На ткацкихъ фабрикахъ рабочій день для дѣтей и женщинъ опредѣленъ закономъ въ $9^1/_2$ ч. Такъ какъ техническія особенности фабричнаго производства требуютъ, что бы всѣ работы начинались и кончались одновременно, то установленная закономъ норма труда для женщинъ и дѣтей фактически распространяется и на взрослыхъ мужчинъ. Въ остальныхъ фабрикахъ и мастерскихъ путемъ такого же отраженія на мужскомъ трудѣ установленной закономъ нормы женскаго и дѣтскаго труда рабочій день ровняется 10 ч. Въ тѣхъ же немногихъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ только одни мужчины, рабочій день нѣсколько больше.—Сталелитейщики и рабочіе у доменныхъ печей работаютъ по 10—14 ч. въ день, маслобойщики—по 11, пекаря по 13—14 ч., портные—по 16 даже по 18 ч., лѣсопильщики по 11—12 и т. д. Переплетчики, наборщики, механики, котельщики, мѣдники, чугунно-литейщики, корабельные плотники, бондари и пр. добились девятичасового дня. Наконецъ земледѣльческіе рабочіе работаютъ отъ 54 до 66 часовъ въ недѣлю, т. е. отъ 9 до 11 ч. въ день. Такимъ образомъ средній рабочій день въ Англіи равняется теперь приблизительно 10 часамъ. Съ перерывами для ѣды рабочій занятъ на фабрикѣ 12 часовъ. Если присоединить къ этому еще 2 часа на хожденіе на фабрику и домой и 8 ч. на сонъ, то въ распоряженіи рабочаго останется очень немного свободнаго времени, которое онъ могъ бы посвятить себѣ и своей семьѣ. Кромѣ того, продолжительность труда вредно отзывается и на здоровьѣ рабочаго. Всѣ медики утверждаютъ, что когда однообразное занятіе продолжается свыше нѣкотораго весьма ограниченнаго времени, самое большее 7 или 8 часовъ, то физическому совершенству человѣка наносится ущербъ: онъ дѣлается односторонним существомъ. Весьма поучительны въ этомъ отношеніи выводы д-ра Ричардсона, который, изслѣдуя вліяніе даже такого сравнительно легкаго труда, какъ трудъ почтальона, нашелъ, что почтовая служба влечетъ за собою преждевременную старость и значительно сокращаетъ жизнь

человѣка. Рѣдко въ какихъ производствахъ условія труда сколько нибудь здоровы. Кочегары и машинисты постоянно находятся въ палящемъ жару печей, рабочіе желѣзнодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ подвергаются рѣзкимъ переходамъ отъ жара къ холоду, на ткацкихъ фабрикахъ дышатъ мелкою пылью, на спичечныхъ—отравляются фосфоромъ и т. д. Мы не говоримъ уже о такихъ пагубныхъ производствахъ, какъ выдѣлки мѣха, малярное дѣло, производство свинцовыхъ бѣлилъ и т. д. „Общество свинцовыхъ дѣлъ мастеровъ“ опубликовало въ 1890 г. некрологи своихъ членовъ, причемъ оказалось, что средній возрастъ умершихъ рабочихъ достигалъ всего только 37 лѣтъ. Подъ принужденіемъ закона извѣстная часть этихъ вредныхъ вліяній устраняется хозяевами, которые скрѣпя сердце принуждены тратиться на оздоровленіе труда. Но если бы даже въ этомъ направленіи было сдѣлано все возможное, то и тогда значительная доля труда все-таки совершалась бы при очень нездоровыхъ условіяхъ. Слѣдовательно единственное средство для ослабленія этихъ вредныхъ вліяній на человѣческій организмъ состоитъ въ уменьшеніи ежедневнаго періода, въ теченіе котораго они воздѣйствуютъ на рабочаго, т. е: въ сокращеніи рабочаго дня. Сохраняя здоровье рабочаго, оно дѣлало бы его производительнымъ на болѣе долгое время и, слѣдовательно, было бы не только не убыточно, но даже экономически выгодно для общества.

При теперешнемъ во многихъ промыслахъ слишкомъ большомъ рабочемъ днѣ, достигающемъ 12—14—16 и даже 18 ч., семейная жизнь для рабочаго дѣлается совершенно невозможной: многіе трудящіеся отцы видятъ своихъ дѣтей внѣ постели только по воскресеньямъ. Само собою разумѣется, что никакой надзоръ за дѣтьми, никакое воспитаніе при такихъ условіяхъ совершенно не мыслимы.

Болѣе короткій рабочій день даетъ рабочему возможность быть семьяниномъ, но главный доводъ въ пользу сокращенія работы состоитъ въ томъ чтобы предоставить рабочему возможность принять участіе въ всѣхъ благахъ общественной жизни, которыя теперь для него рѣшительно недоступны; но на которыя онъ имѣетъ неотъемлемое нравственное право, такъ какъ все это общество, наслаждающееся науками, искусствами, театрами, выставками и пр., живетъ исключительно продуктами его труда.

Производительность труда, увеличивающаяся съ каждымъ новымъ изобрѣтеніемъ и открытіемъ, достигла уже въ настоящее время такого высокаго предѣла, что трудящееся человѣчество могло бы меньше работать и больше пользоваться плодами рукъ своихъ.

Рабочіе классы промышленныхъ странъ Европы и Америки начинаютъ сильно тяготиться своимъ положеніемъ и обращаются къ своимъ

правительствамъ съ просьбами и ходатайствами объ изданіи закона, ограничивающаго часы работы и устанавливающаго нормальный восьмичасовой рабочій день.

Противъ сокращенія рабочаго дня противниками этого движенія приводятся различныя возраженія. Говорятъ напр., что оно повлечетъ за собою сокращеніе заработной платы и слѣдовательно, неблагопріятно отразится на положеніи самихъ рабочихъ; кромѣ того утверждаютъ, что при сокращенномъ рабочемъ днѣ человѣчество не будетъ въ силахъ вырабатывать столько продуктовъ, какъ въ настоящее время, цѣны на все вздорожаютъ, вывозъ упадетъ, торговля разстроится и т. д. Посмотримъ на сколько эти предположенія оправдываются дѣйствительностью.

Заработная плата представляетъ цѣну труда, а цѣна всякаго рода предметовъ опредѣляется рыночною конкурренціею, если на рынкѣ даннаго товара больше, чѣмъ сколько спрашиваютъ, тогда онъ дешевѣетъ, потому что каждый продавецъ разсчитываетъ хоть съ уступкой да какъ-нибудь сбыть его съ рукъ; когда же покупатели спрашиваютъ товара больше, чѣмъ сколько продавцы могутъ его предложить имъ, тогда онъ наоборотъ, поднимается въ цѣнѣ, потому что покупатели другъ передъ другомъ набиваютъ цѣну, чтобы только оставить товаръ за собою. Точно также и цѣна труда уменьшается, если предложеніе его, т. е. количество рабочихъ, ищущихъ работы, увеличивается, и, наоборотъ, цѣна увеличивается, если количество рабочихъ уменьшается. Законодательное сокращеніе рабочаго дня съ 10, 11, 12, и болѣе часовъ до 8 часовъ несомнѣнно должно увеличить потребность въ рабочихъ, спросъ на нихъ, такъ какъ извѣстная часть работы, совершаемая въ послѣдніе часы, не можетъ быть исполнена наличнымъ количествомъ рабочихъ силъ; увеличеніе же спроса на рабочія руки всегда влечетъ за собою повышеніе заработной платы. Такимъ образомъ сокращеніе рабочаго дня не только не уменьшаетъ, но должно даже неминуемо увеличивать заработную плату. За подтвержденіемъ этой истины обратимся къ исторіи промышленности Англіи. Сокращеніе рабочаго дня на ткацко-прядильныхъ фабрикахъ въ теченіе послѣднихъ 75 лѣтъ было громадно: съ 90 и 100 часовъ въ недѣлю трудъ рабочаго сведенъ въ настоящее время на $56^1/_2$ ч. При каждомъ шагѣ къ сокращенію фабриканты доказывали, что оно лишитъ ихъ прибыли, подниметъ цѣну продуктовъ, понизитъ заработную плату и разстроитъ вывозную торговлю. Однако послѣдствія доказывали обратное: часы труда послѣдовательно сокращались безъ уменьшенія производительности, безъ поднятія цѣнъ, безъ паденія заработной платы и безъ упадка производства.

Послѣ сокращенія до 10 ч., послѣдовавшаго въ 1847 г., плата рабочимъ по свидѣтельству самихъ фабрикантовъ повысилась и при томъ значительно — отъ 5 до 30%. Въ 1859 г. фабричный инспекторъ офиціально заявилъ, что съ уменьшеніемъ часовъ работы заработная плата повсемѣстно увеличилась на 12%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 40% и что это нисколько не уменьшило ткацко-прядильнаго производства. И вообще почти всѣ экономисты признаютъ, что введеніе фабричныхъ законовъ, уменьшающихъ рабочій день, поднимаетъ заработную плату рабочихъ классовъ какъ цѣлаго.

Въ Америкѣ сокращеніе рабочаго дня произошло у пивоваровъ, плотниковъ, мѣдниковъ, мебельщиковъ, кузнецовъ, маляровъ, кровельщиковъ и каменотесовъ. „Въ каждомъ изъ этихъ производствъ отчеты указываютъ на абсолютное увеличеніе заработной платы“. Сигарщики въ Нью-Іоркѣ добились 8-часоваго рабочаго дня и ихъ дневная плата повысилась съ 1,75 доллара до 2 д. Въ Чеширѣ и Венигтонѣ на химическихъ заводахъ, работающихъ денно и ночно, до 1890 года работа шла съ двумя смѣнами рабочихъ, проводившихъ на заводѣ по 12 ч. каждая; въ этомъ году было введено три смѣны, работающихъ по 8 часовъ, при чемъ понадобилось принять много добавочныхъ рабочихъ: заработная плата возрасла на 10%. Въ началѣ 1891 г. Лондонская и Сѣверозападная желѣзнодорожная компанія сократила часы труда передвигателей багажныхъ телѣжекъ и слѣдствіемъ этого было увеличеніе числа такихъ рабочихъ на одну треть. Въ 1888 г. рабочіе на газовыхъ заводахъ добились 8-часоваго дня и для того, чтобы добывать прежнее колпчество газа, компанія принуждена была нанять нѣсколько тысячъ добавочныхъ рабочихъ.

Эти примѣры показываютъ, что всеобщее сокращеніе часовъ труда можетъ даже понизить среднюю производительность каждаго рабочаго въ отдѣльности, но это никоимъ образомъ не повлечетъ за собою уменьшенія всей совокупности продуктовъ, вырабатываемыхъ страной. Во многихъ производствахъ первымъ дѣйствіемъ сокращенія часовъ труда было бы увеличеніе числа рабочихъ. Если сокращеніе часовъ труда приведетъ къ уменьшенію числа не занятыхъ, которые, очевидно, тѣмъ или другимъ путемъ существуютъ на средства занятыхъ, то совокупный продуктъ государства можетъ болѣе возрасти. Вслѣдствіе усиленной производительности труда при продолжительности его въ настоящее время почти во всѣхъ отрасляхъ производства наблюдается избытокъ предложенія труда надъ спросомъ на него: множество рабочихъ остается безъ работы. Бюро Труда въ Соединенныхъ Штатахъ вычислило, что въ теченіе 1885 г. въ Штатахъ одновременно было

безъ работы около милліона лицъ, или $7^1/_2$% всего количества рабочихъ. Въ то же время остальные $92^1/_2$% рабочихъ работали по 11 часовъ въ день.

Въ теченіе 17 лѣтъ—до 1889 г. самые обезпеченные постояннымъ заработкомъ рабочіе въ Англіи, именно—механики, имѣли отъ 1 до 13% не занятыхъ. Извѣстное количество ихъ отъ 400 до 6 000 человѣкъ постоянно оставалось безъ работы.

Въ 1879 году, когда одинъ механикъ изъ восьми оставался безъ работы, большинство другихъ работало по 54 часа въ недѣлю и, кромѣ того, многіе изъ нихъ имѣли еще по 5 часовъ сверхъ-урочной работы. Такимъ образомъ, хотя ежедневно милліоны мужчинъ и женщинъ трудятся черезъ мѣру, нанося вредъ своему здоровью и крѣпости будущаго поколѣнія, производительная сила націи все же не употребляется сполна, такъ какъ бокъ-о-бокъ съ людьми, замученными работой, есть другіе, совсѣмъ не имѣющіе занятій. Они хотятъ найти работу, но нигдѣ не могутъ отыскать ее. Настоящая промышленная система не можетъ найти для нихъ мѣста, такъ какъ ихъ мѣсто занято лишними часами труда тѣхъ рабочихъ, которые находятся при дѣлѣ.

Такое положеніе едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ и правильнымъ. Общество, въ которомъ одни черезчуръ много работаютъ, а другіе остаются безъ работы, страдаетъ органическимъ недугомъ, который не можетъ не отзываться мучительно какъ на отдѣльныхъ членахъ его, такъ и на всемъ складѣ общественной жизни.

Усиленная работа однихъ рядомъ съ безработицей другихъ создаетъ заколдованный кругъ, изъ котораго современное общество никакъ не можетъ выбиться. Съ одной стороны, фабриканты жалуются, что они не могутъ распродать своихъ товаровъ; съ другой—есть голодные люди, которые, расхаживая по улицамъ, просятъ средствъ для покупки этихъ товаровъ; имъ отказываютъ дать эти средства безъ работы—и справедливо; но уже совсѣмъ несправедливо, что имъ отказываютъ также въ самой работѣ, и при томъ только потому, что другіе работаютъ черезъ мѣру. При сокращеніи рабочихъ часовъ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности образуется мѣсто для бо́льшаго числа рабочихъ. Необходимость увеличенія ихъ числа дастъ всѣмъ незанятымъ рабочимъ возможность получить работу, при томъ по болѣе высокой платѣ и при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ теперь. Хотя производительность каждаго отдѣльнаго рабочаго можетъ при этомъ нѣсколько понизиться, но производительность всей націи нисколько не уменьшится и не потеряетъ возможности дальнѣйшаго роста, такъ какъ лишніе милліоны получившихъ постоянную работу тружениковъ представятъ собою новый значительный рынокъ для сбыта това-

ровъ. Такимъ образомъ, сокращеніе часовъ труда справедливѣе *перераспредѣлитъ* трудъ, излишне обремененному рабочему дастъ отдыхъ, безработному—работу, улучшитъ положеніе тружениковъ, увеличитъ внутреннее потребленіе страны и оживитъ ея промышленность. Прогрессивное сокращеніе рабочаго дня окажется наиболѣе дѣйствительной мѣрой для благопріятнаго разрѣшенія рабочаго вопроса въ его современномъ видѣ; оно уравновѣситъ непропорціонально возрастающую производительность труда съ потребительными силами производительнаго населенія и поведетъ къ устраненію перепроизводства и постоянныхъ промышленныхъ кризисовъ,—этой смертельной болѣзни современнаго экономическаго строя, отъ которой почти въ одинаковой мѣрѣ страдаютъ и рабочіе, остающіеся безъ работы, и капиталисты, теряющіе свои капиталы.

И. Гофштеттеръ.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Австрійская оккупація Босніи и Герцеговины.

Къ чему мы занимали эти области, какъ не для того, чтобы присоединить ихъ къ государству въ свое время.

Изъ рѣчи д-ра Вашатаго въ засѣданіи Вѣнскаго парламента 12-го (24) іюня 1891 года.

I.

25-й статьей Берлинскаго договора, утвержденнаго и ратифицированнаго 15 іюля 1878 года Россіей, а за нею и всѣми великими державами, на Австро-Венгрію возложено было порученіе умиротворить Боснію и Герцоговину, для чего ей и было разрѣшено принять въ управленіе и оккупировать эти турецкія области. Завершивъ блистательно войну, предпринятую съ идеальною цѣлью—освободить отъ османскаго ига единокровныхъ братьевъ—славянъ Балканскаго полуострова, даровавъ свободу болгарамъ и утвердивъ независимость Сербіи — Россія не могла, конечно, не озаботиться судьбой и двухъ, хотя и принадлежащихъ по праву Сербіи, но не входившихъ и не вошедшихъ въ составъ ея земель, Босніи и Герцеговины. Участь ихъ была опредѣлена XIV статьей Свято-Стефанскаго „прелиминарнаго“ договора; онѣ оставались въ турецкомъ обладаніи, но въ нихъ должно было быть немедленно введено улучшенное устройство, установленное Константинопольскою конференціей. „Въ Босніи и Герцоговинѣ—гласитъ XIV статья Свято-Стефанскаго мирнаго договора—будутъ немедленно введены сообщенныя оттоманскимъ уполномоченнымъ въ первомъ засѣданіи Константинопольской конференціи предложенія европейскихъ державъ, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ установлены по взаимному соглашенію между Блистательною Портою, русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами. Недоимки не будутъ взыскиваемы и текущіе доходы этихъ провинцій до 1 марта 1880 года будутъ исключительно обращаемы на вознагражденіе семействъ бѣглецовъ

и жителей, пострадавшихъ отъ послѣднихъ событій, безъ различія ихъ народности и вѣроисповѣданія, а равно и на мѣстныя нужды страны. Сумма, которая по истеченіи сказаннаго срока должна будетъ ежегодно причитаться центральному правительству, имѣетъ быть опредѣлена соглашеніемъ между Турціей, Россіей и Австро-Венгріей".

Таково было рѣшеніе относительно Босніи и Герцеговины воюющихъ сторонъ. Безъ сомнѣнія, желательна была бы иная, лучшая участь для этихъ двухъ областей, съ давнихъ временъ составляющихъ достояніе сербской народности. Но указанной статьей Свято-Стефанскаго договора положеніе ихъ значительно улучшалось, что, конечно, не замедлило бы сказаться на ростѣ ихъ народнаго благосостоянія.

Увы! побѣдительница, не смотря на полное свое безкорыстіе, не вольна была распорядиться плодами своихъ побѣдъ, стоившихъ ей громадныхъ жертвъ. Ими, этими плодами, распорядилось—разумѣется, въ ущербъ Россіи—европейское сонмище, созванное въ Берлинѣ въ маѣ 1878 года. Пресловутый трактатъ, составленный имъ и подписанный представителями всѣхъ державъ, принявшихъ участіе въ немъ 1-го (13) іюня 1878 года,—трактатъ этотъ внесъ весьма существенныя измѣненія въ Свято-Стефанскій договоръ, значеніе котораго было вслѣдствіе этого значительно умалено, и Россія, у которой не было на этомъ сонмищѣ ни одного не только союзника, но даже и, если можно такъ выразиться, сочувственника,—Россія лишена была возможности воспользоваться въ пользу своихъ балканскихъ братьевъ-славянъ плодами понесенныхъ ею столь громадныхъ жертвъ.

Не осталась неприкосновенной и XIV статья договора, касающаяся Босніи и Герцеговины. Участь этихъ земель была рѣшена тѣми, кто и пальцемъ не ударилъ для освожденія изнемогшихъ подъ тяжестью османскаго ига славянъ, но кто тѣмъ не менѣе обязательно, въ силу установившихся обыкновеній своихъ, считалъ себя въ правѣ поживиться на счетъ какъ побѣжденныхъ, такъ и побѣдителей. Англія съ возмутительною наглостью забрала себѣ отъ Турціи островъ Кипръ. Грабежъ этотъ вызвалъ страшное раздраженіе въ Греціи, Италіи, во Франціи, но онъ совершенъ былъ съ молчаливаго согласія Германіи и Австро-Венгріи и, въ благодарность за это, великобританскій представитель на Берлинскомъ конгрессѣ маркизъ Солисбюри предложилъ взамѣнъ XIV статьи Свято-Стефанскаго договора, которая отмѣнялась, постановить слѣдующую (XXV) статью: „Герцеговина и Боснія будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей. Австро-Венгерское правительство не пожелало принять на себя управленіе Ново-Базарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіею и Черногоріею въ юго-восточномъ направленіи за Митровицу, и потому

управленіе названнымъ санджакомъ осталось въ рукахъ Порты. Тѣмъ не менѣе, для обезпеченія вновь установленнаго политическаго положенія, равно какъ свободы и безопасности путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право имѣть свои гарнизоны, свои военные и торговые пути на всемъ пространствѣ этой части прежняго боснійскаго вилайета. По этому поводу Австро-Венгрія и Турція войдутъ въ соглашеніе между собой".

За исключеніемъ одного только турецкаго уполномоченнаго, *никто* не сдѣлалъ никакого возраженія противъ этой статьи, и она была, разумѣется, принята конгрессомъ и включена въ трактатъ.

II.

Боснія и Герцеговина достались такимъ образомъ Австро-Венгріи, не принимавшей дѣятельнаго участія въ войнѣ 1877—78 годовъ. Правда, добыча эта была замаскирована наименованіемъ „оккупаціи", но ни срокъ этой оккупаціи, ни размѣры правъ Габсбургской монархіи на эти турецко-сербскія провинціи не опредѣлены постановленіями Берлинскаго трактата, на основаніи котораго она ими владѣетъ—и, благодаря этому обстоятельству, Австро-Венгрія сразу-же поставила дѣло такъ, какъ-бы области эти не „оккупируются" только ею, а находятся въ полномъ ея обладаніи.

Отдачею этихъ двухъ областей Оттоманской Имперіи въ управленіе Австро-Венгріи имѣлось, конечно, въ виду—что и заявлялъ на Берлинскомъ конгрессѣ австро-венгерскій уполномоченный, Графъ Андраши—умиротвореніе и устроеніе ихъ, для чего Турція не обладаетъ-де (какъ заявлялъ графъ Андраши) достаточными средствами. Какъ болѣе культурная держава, Австро-Венгрія должна была (какъ предполагалось) внести въ занятыя ею области культуру, способствовать полному умиротворенію ихъ послѣ только-что пережитыхъ треволненій и установить въ нихъ гражданскій порядокъ и спокойствіе. Никто ей не навязывалъ роли умиротворительницы и устроительницы турецкихъ провинцій; она сама взяла на себя это обязательство и можно было, конечно, ожидать, что оно будетъ ею выполнено, и что выполненіе его не потребуетъ долгаго времени.

Провинціи были заняты австрійскими войсками, Австро-Венгрія вступила въ управленіе ими, открыла свои административныя и судебныя учрежденія, начала взимать доходы съ населенія,—словомъ турецкія провинціи поступили въ дѣйствительное владѣніе Австро-Венгріи и послѣдняя какъ-бы приступала къ выполненію принятаго на себя передъ Европой обязательства—умиротворенію и устроенію областей, для которыхъ, могло нѣкоторымъ казаться, наступали лучшія времена.

Но—увы!—Это только могло казаться. На самомъ дѣлѣ положеніе Босніи и Герцеговины, не только не улучшилось подъ „культурнымъ“ австрійскимъ владычествомъ, но еще ухудшилось. Съ перваго-же дня явно обнаружились истинныя намѣренія Австріи относительно этихъ злосчастныхъ областей и сокровенный смыслъ захвата ихъ австрійскими войсками. „Оккупація“ оказалась лишь плохо даже замаскированнымъ обманомъ и всѣ стремленія, вся „культура“ Австріи съ самаго перваго дня ея владычества въ Босніи и Герцеговинѣ направлены лишь къ тому, дабы оккупацію эту, срокъ которой хотя и не опредѣленъ Берлинскимъ договоромъ, но которая тѣмъ не менѣе уже по самому существу своему можетъ быть, конечно, только временной—всѣ стремленія и вся „культура“ Австріи, говорю я, была и по сей день направлена не къ умиротворенію (собственно, тамъ и умиротворять-то было некого, послѣ того, какъ всѣ волновавшіе славянъ вопросы были разрѣшены русскимъ оружіемъ) занятыхъ ею турецко-сербскихъ областей, а лишь къ тому, чтобы удержать за собой добычу, т. е. чтобы временное занятіе этихъ земель превратить въ полное ихъ присоединеніе.

Въ занятыхъ областяхъ Австрія съ перваго же дня начала хозяйничать, какъ въ завоеванной странѣ, сжигала цѣлыя деревни по стратегическимъ соображеніямъ, вѣшала мирныхъ гражданъ, налагала тяжкія контрибуціи. Дабы упрочить свое владычество въ Босніи и Герцеговинѣ, Австрія озаботилась обложить ихъ тѣснымъ кольцомъ фортовъ и укрѣпленій, при чемъ до крайней степени затруднила сношенія жителей занятыхъ областей съ сосѣдними родственными имъ Черногоріей и Сербіей. Особенно тяжело въ этомъ отношеніи положеніе Герцеговины; она непосредственно граничитъ съ Черногоріей, которой, зная духъ черногорцевъ и ихъ неразрывныя связи съ герцеговинскими сербами, пуще всего боится Австрія. Владычество Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ—справедливо указываетъ корреспондентъ одной русской газеты—„опирается на штыки и на укрѣпленія и чѣмъ больше этихъ штыковъ и укрѣпленій, тѣмъ для австрійцевъ лучше. Вотъ почему они окружили себя каменнымъ и желѣзнымъ поясомъ крѣпостей, занявъ всѣ стратегическіе пункты, изолировавъ и отрѣзавъ Герцеговину отъ внѣшняго міра“.

На это возведеніе китайской стѣны, въ видѣ крѣпостей, фортовъ, блокгаузовъ и заставъ, тщательно охраняемыхъ жандармеріей и военными отрядами,—вокругъ занятыхъ турецко-сербскихъ областей израсходовано уже свыше ста милліоновъ, уплоченныхъ, конечно, несчастнымъ населеніемъ, такъ какъ вѣдь-де всѣ эти сооруженія вызваны „мѣстными“ потребностями и произведены въ видахъ „безопасности“ края. Ради

этой-же безопасности Боснія и Герцеговина совершенно разобщены со всѣмъ остальнымъ міромъ и всякія сношенія съ этими областями чрезвычайно затруднены. Туда не только не допускаются русскіе и вообще славянскіе корреспонденты и путешественники, но туземное сербское населеніе лишено даже возможности читать даже сербскія, не говоря уже о русскихъ и другихъ славянскихъ газетахъ, почтовая доставка которыхъ въ Боснію и Герцоговину запрещена.

Глядя со стороны на всѣ эти запрещенія и гоненія, а также и на тѣ цѣпи крѣпостей, которыя воздвигнуты австрійцами вокругъ Босніи и особенно Герцеговины, можно подумать, что областямъ этимъ ежеминутно угрожаетъ нападеніе со стороны сосѣднихъ государствъ (т. е. Черногоріи и Сербіи) и что, составляя нераздѣльную часть Габсбургской имперіи, области эти назначены быть оплотомъ ея владычества на Балканскомъ полуостровѣ. По описанію весьма освѣдомленнаго дубровницкаго корреспондента *Варшавскаго Дневника* (отъ 27 октября 1891 года) всѣ эти форты и укрѣпленія „расположены вдоль всей черногорской границы съ такимъ расчетомъ, чтобы ни одна черногорская или герцеговинская чета не могла вслучаѣ войны или возстанія проскочить незамѣченною между отдѣльными звеньями каменной и желѣзной цѣпи, въ которой задыхается несчастная Герцеговина. Мостаръ, Билечъ, Требинье укрѣплены чрезвычайно сильно, особенно Требинье, расположенное въ 35 километрахъ отъ Дубровника, въ 3—4 часахъ хода отъ черногорской границы, на окраинѣ герцеговинской, а потому представляющее важный стратегическій пунктъ для всей обороны Герцеговины. Далѣе по направленію во внутрь страны слѣдуетъ Билечъ, еще болѣе близкій къ черногорской границѣ, также укрѣпленный сильными фортами на господствующихъ высотахъ; наконецъ столица страны — Мостаръ есть средоточіе всѣхъ боевыхъ и фортификаціонныхъ силъ австрійскихъ. Въ Мостарѣ сосредоточено два такъ называемыхъ лагеря — сѣверный и южный, оба, особенно первый, сильно укрѣпленные и могущіе въ своихъ казармахъ съ бойницами, фортами и 4 или 5 круглыми еще турецкими оборонительными башнями вмѣстить 8 или 10 баталіоновъ на случай нападенія на Мостаръ извнѣ. Кромѣ того на горахъ Велетѣ и Подвелетѣ, господствующихъ надъ Мостарскимъ полемъ, возведены сильные форты, снабженные артиллеріей. Вдоль границы укрѣпленные блокгаузы и казармы поддерживаютъ между собою сообщеніе и дополняютъ систему этой сложной обороны“.

Сравнительно менѣе вооружена Боснія—и это совершенно понятно, если принять во вниманіе, что область эта граничитъ только съ Сербіей, за которую Австро-Венгрія пока совершенно покойна. У австрійцевъ сло-

жилась даже поговорка: „Боснію мы защищаемъ не въ Сараевѣ и не на Дринѣ[1]), а въ Бѣлградѣ“.

Правда, австрійцы произвели въ Босніи и Герцеговинѣ и другія болѣе полезныя, но зато и болѣе еще стоющія сооруженія, какъ-то: желѣзныя и шоссейныя дороги, различныя зданія въ городахъ для правительственныхъ учрежденій; учредили банки, торговыя агенства и пр. Все это могло-бы, разумѣется, способствовать культурному преуспѣянію края, если-бы... если-бы несчастные, обездоленные босняки и герцеговинцы нуждались въ этомъ, т. е. не были-бы лишены возможности пользоваться всѣми этими культурными сооруженіями и учрежденіями и извлекать изъ нихъ хоть какую-нибудь пользу или выгоду. Но въ томъ-то и бѣда, что пользоваться ими туземному населенію не приходится; путешествовать и сообщаться между собою оно не можетъ, такъ какъ это запрещено ему австрійскими властями, торговать ему не чѣмъ, да и какая можетъ быть торговля при тѣхъ стѣсненіяхъ и запретахъ, которые установлены оккупаціоннымъ правительствомъ? Ко всему этому, въ Босніи и Герцеговинѣ, обложенныхъ всевозможными и невозможными налогами и поборами, царствуетъ такая бѣдность, что изъ туземнаго населенія немногимъ въ голову придетъ путешествовать по построеннымъ австрійцами желѣзнымъ дорогамъ, а тѣмъ болѣе еще вступать въ сношенія съ учрежденными банками, торговыми агенствами и т. п. учрежденіями. Всѣми этими культурными благодѣяніями пользуются исключительно наѣзжіе хищники — жиды, нѣмцы и мадьяры и къ сожалѣнію также многіе отщепенцы изъ славянъ: поляковъ, чеховъ и хорватовъ; всѣ эти пришлецы подвизаются здѣсь на всѣхъ рѣшительно поприщахъ и всегда дѣйствуютъ въ угоду австрійской власти и во вредъ туземному населенію. Такимъ образомъ, австрійцы работали и старались тутъ для самихъ себя, а вовсе не на пользу мѣстнаго населенія, которое не только не выиграло ничего отъ всѣхъ этихъ культурныхъ сооруженій и учрежденій, но положило еще въ нихъ много труда, крови и денегъ для удобствъ и выгодъ своихъ поработителей.

III.

Вообще, всѣ правдивыя извѣстія изъ Босніи и Герцеговины сходятся въ томъ, что австрійская культура оказывается весьма тяжкимъ бременемъ для туземнаго населенія и что управляются эти области, во всякомъ случаѣ, гораздо хуже, чѣмъ при туркахъ, и облагаются несра-

[1]) Дрина—рѣка, составляющая границу между Сербіей и Босніей.

вненно болѣе высокими налогами, чѣмъ во времена турецкаго управленія. Прежде изъ прямыхъ налоговъ босняки и герцеговинцы знали одинъ только *десятинный сборъ*, уплачивать который для нихъ не составляло никакой тягости, такъ какъ онъ взыскивался натурою, т. е. каждый крестьянинъ отдавалъ въ казну десятую часть собранныхъ имъ произведеній своего хозяйства. Теперь, при австрійскомъ владычествѣ, десятинный сборъ взыскивается деньгами, при чемъ продукты оцѣниваются самими сборщиками и такимъ образомъ, вмѣсто десятой части, приходится часто выплачивать шестую — пятую и даже большую еще часть дѣйствительной стоимости ихъ. Сборъ этотъ произвольно увеличивается австроугорскимъ правительствомъ изъ года въ годъ; такъ, въ 1883 году взыскано было его 2,5 милліона гульденовъ, чрезъ десять лѣтъ въ 1893 году, правительство увеличило десятинную подать уже до 3 милліоновъ гульденовъ, въ 1894 году ее взыскано 3,4 милліона гульденовъ, а въ смѣтѣ на 1896 годъ она исчислена уже въ 4,2 мил. гульденовъ. Такимъ образомъ съ 1883 года „десятинная“ подать (за которою уже осталось только названіе „десятинной“) увеличена австроугорскимъ правительствомъ на 1,7 милліона гульденовъ, т. е. на 68%. Такое огромное увеличеніе десятиннаго налога, взыскиваемаго къ тому же не натурою, а деньгами, представляется тѣмъ болѣе еще произвольнымъ, что благосостояніе населенія не только не увеличилось за время австрійской „оккупаціи“ но, напротивъ, страшно понизилось.

Соотвѣтственно преувеличенно разцѣниваемой „десятинѣ“ въ пользу правительства, населеніе обязывается уплачивать столь же преувеличенную „третину“ въ пользу землевладѣльцевъ, также переведенную на деньги. Такимъ образомъ у несчастнаго населенія отымаются почти цѣликомъ всѣ плоды его тяжелаго труда. Кромѣ этихъ сборовъ, боснійское и герцеговинское населеніе обложено еще многими другими, не менѣе значительными налогами, которыхъ ранѣе, при турецкомъ управленіи, не существовало и которые такъ же каждогодно увеличиваются. Къ числу этихъ новыхъ, введенныхъ Австріей, налоговъ принадлежатъ: табачный и соляной (монополіи), подоходный, квартирный, винный, гербовый, таможенный и др. Сборъ съ табаку, напримѣръ, въ 1893 году составлялъ 3,5 милліона гульденовъ, въ 1894 году—3,6 милліон. гульденовъ, а на 1895 годъ исчисленъ уже въ 5,2 милліона гульденовъ. Соляной налогъ взимается въ размѣрѣ 1,2 милліона гульденовъ, таможенный сборъ—710 тысячъ гульден., подоходный и квартирный налоги—700 тыс. гульд., гербовый сборъ—640 тыс. гульд., налогъ на вино 60 тыс. гульденовъ и т. д. Словомъ, въ Босніи и Герцеговинѣ нынѣ все обложено, налоги увеличиваются совершенно произвольно безъ всякаго соотвѣтствія съ благо-

состояніемъ населенія, платежныя силы котораго напряжены до крайней степени. До чего обременено населеніе захваченныхъ Австріей областей — всевозможными поборами, налогами и податями, можно судить изъ того, что сумма ихъ въ бюджетѣ на 1896 годъ исчислена въ *16 милліоновъ гульденовъ*, что, при населеніи Босніи и Герцеговины въ 1,5 милліона человѣкъ, составляетъ 10 гульденовъ на душу. Въ 1884 году поборы австровенг. правительства съ населенія этихъ областей составляли 9 милліоновъ гульденовъ, черезъ десять лѣтъ въ 1884 году — 12,6 милліоновъ гульд. въ 1896 году — 16 милліоновъ, т. е. за 12 лѣтъ увеличились на 6 милліоновъ гульденовъ или на 66,5%!

На что-же расходуются эти огромныя суммы? Платя столь значительные, превышающіе платежную способность, налоги и подати, населеніе вправѣ, конечно, ожидать сооотвѣтствующей имъ заботливости со стороны поборщиковъ о его благосостояніи и просвѣщеніи. Увы! заботливость эта не входитъ въ программу оккупаціоннаго управленія; оно, за время своего семнадцатилѣтняго хозяйничанья въ турецко-сербскихъ областяхъ успѣло уже создать на нихъ свыше 20 милліоновъ гульденовъ долга, по которому населенію приходится ежегодно уплачивать 800 тысячъ гульденовъ процентовъ. Затѣмъ главную часть собираемыхъ съ населенія доходовъ, именно болѣе двухъ третей (6 милліоновъ гульденовъ) поглощаютъ администрація и суды, т. е. содержаніе австрійскихъ чиновниковъ. А, напримѣръ, на народное образованіе тратится всего 600 тысячъ гульденовъ, на санитарную часть 200 тысячъ и т. д.

Цифры эти какъ нельзя лучше, конечно, освѣщаютъ всѣ тѣ культурныя благодѣянія, которыми осчастливила Боснію и Герцеговину австрійская оккупація ихъ...

IV.

Вся задача австрійской политики по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ состоитъ въ томъ, чтобы вытравить изъ этихъ злосчастныхъ областей все, что ни на есть въ нихъ славянскаго, и обратить ихъ въ нѣмецкія провинціи. Съ этою цѣлью правительство организовало заселеніе ихъ нѣмецкими переселенцами; заселеніе это особенно широкіе размѣры приняло въ послѣдніе годы (съ 1890 года) и въ настоящее время въ Босніи и Герцеговинѣ поселено уже до двадцати тысячъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Какъ извѣстно, это самый обычный въ Австріи и Германіи способъ онѣмечиванія славянскихъ земель. Первая подвергалась такому беззаконному насилію Галицкая Русь, колонизація которой нѣмцами пред-

принята была еще при Іосифѣ II, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда Галиція, по непростительной оплошности тогдашнихъ нашихъ политиковъ, была отдана Австріи. Впослѣдствіи то же самое мы видимъ въ Буковинѣ, Чехіи, Моравіи, Каринтіи, Штиріи. Нынѣ этотъ способъ онѣмеченія славянскихъ земель употребляется пруссаками въ Познани и Силезіи (а также и у насъ, въ нашихъ привислянскихъ, западныхъ и южныхъ губерніяхъ), а австрійцами—въ Босніи и Герцеговинѣ. Нѣмецкая колонизація всегда и всюду подрывала корни Славянства, высасывала жизненные соки изъ различныхъ его племенъ, раскалывала край на двѣ враждебныя другъ другу половины и тѣмъ останавливала временно, а мѣстами и навсегда убила самостоятельное развитіе западныхъ славянъ. Нынѣ очередь дошла до южнаго славянства, и босанскимъ и герцеговинскимъ сербамъ первымъ приходится испытывать на себѣ стихійный натискъ враждебной нѣметчины. Грустно и больно становится, когда подумаешь, что чрезъ какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ еще двѣ славянскія области будутъ окончательно залиты обильною нѣмецкою волной и туземное населеніе ихъ будетъ обречено на вымираніе.

Увы!—это неизбѣжно, если австрійская „оккупація“ ихъ продолжится еще нѣсколько десятилѣтій. А какія же данныя указываютъ, что этого не будетъ? Австрія дѣйствуетъ весьма настойчиво; судьбы Босніи и Герцеговины ввѣрены ею венгерцу Веніамину Каллаю, который по весьма мѣткой характеристикѣ корреспондента „*Московскихъ Вѣдомостей*“ (1893 г., № 72), „такой же деспотъ какъ и софійскій его товарищъ Стамбуловъ. Онъ не признаетъ надъ собой ничьего контроля и дѣйствительно творитъ въ Босніи рѣшительно все, что ему угодно. Противорѣчій Каллай не терпитъ ни съ чьей стороны; туземцы, конечно, и безъ того не смѣютъ рта раскрыть, туземная печать усиленно пресмыкается предъ Каллаемъ; то же продѣлываютъ съ трогательнымъ единодушіемъ большинство оккупаціонныхъ чиновниковъ“.

Эти послѣдніе — поголовно нѣмцы, жиды и мадьяры, а также поляки и хорваты, которые для православнаго населенія, желающаго остаться „сербами“, зачастую бываютъ хуже мадьяръ и нѣмцевъ. Туземное населеніе для нихъ не болѣе какъ безправное „быдло“, рабы, которыми они могутъ распоряжаться какъ имъ угодно. Всѣ они выступаютъ подъ эгидой нѣмецко-католической Австріи, одни—башибузуками германства, а другіе — янычарами католичества. Система ихъ управленія весьма проста; по правдивому отзыву съ мѣста, она „состоитъ въ отрицаніи и недопущеніи: не смѣть быть сербами, не смѣть зваться сербами, не смѣть думать и чувствовать по-сербски, не смѣть даже читать по-сербски. Австрійская почта и телеграфъ не принимаетъ даже писемъ

и телеграммъ, написанныхъ кириллицей, и сербы принуждены писать или по-нѣмецки, или по-хорватски т. е. латинскими буквами". Не смотря на то, что съ населенія ежегодно требуется 6 милліоновъ гульденовъ на содержаніе администраціи и суда, въ провинціяхъ суда нѣтъ и царятъ полнѣйшій произволъ и безправіе. Чиновники всѣхъ наименованій и степеней творятъ безконтрольно все, что имъ вздумается; они могутъ со стороны мѣстнаго сараевскаго управленія разсчитывать за свою бойкость и распорядительность получить лишь поощреніе и одобреніе начальства, которое, по принятому разъ на всегда правилу, всегда признаетъ сербовъ неправыми и жалобы ихъ оставляетъ безъ вниманія. И чиновники распоряжаются съ босанскимъ „быдломъ" такъ, какъ не дѣйствуютъ даже плантаторы знаменитаго маіора Виссмана гдѣ-нибудь на восточно-африканскомъ побережьѣ, среди дикарей. Все населеніе, какъ христіане, такъ и магометане, одинаково терпятъ отъ австрійскаго произвола; надъ нимъ съ одинаковою грубостью упражняются in anima vili „шведскіе экспериментаторы", изучающіе на босно-герцеговинской „сволочи" политическую вивисекцію, съ отмѣннымъ, надо признать, успѣхомъ, благо никто въ Европѣ не слышитъ воплей истязуемаго народа.

Народу этому внушается, что онъ ничего общаго не только съ Сербскимъ народомъ, но даже и вообще съ Славянствомъ не имѣетъ. Въ Босніи живутъ-де „босняки", а въ Герцеговинѣ—„герцеговинцы",—обѣ совершенно самостоятельныя націи. Для пропаганды этой безсмыслицы основано въ краѣ три оффиціальныхъ газеты (которыя только и могутъ читать свободно боснійскіе и герцеговинскіе сербы, такъ какъ ни одна сербская газета къ нимъ не допускается),—*Бошняк* (т. е. *Боснякъ*), *Напредак* (т. е. *Прогрессъ*), и *Глас Херцеговаца* (т. е. *Голосъ Герцеговинца*). Всѣ эти газеты печатаются латинкой, причемъ первая изъ нихъ (*Бошняк*) предназначена для магометанъ, вторая (*Напредак*)—для православныхъ, и третья (*Глас Херцеговаца*) — для католиковъ. При помощи этихъ газетъ сербское населеніе Босніи и Герцеговины разъединяется на три части, между которыми систематически сѣется вражда. Этого, конечно, только и добивается австроугорское правительство, такъ какъ разъединеніемъ населенія значительно облегчается его задача—обезличить туземное населеніе и вытравить изъ него все славянское.

По распоряженію Сараевскаго департамента школъ и вѣроисповѣданій, составлена даже грамматика изобрѣтеннаго правительствомъ боснійскаго нарѣчія; по этой грамматикѣ обучаются дѣти во всѣхъ, такъ называемыхъ, комунальныхъ (т. е. предназначенныхъ для всѣхъ вѣроисповѣданій) школахъ, гдѣ всѣ учебники отпечатаны латинкой.

V.

Наибольшимъ притѣсненіямъ подвергаются, конечно, православные сербы. Это и понятно, такъ какъ, только измѣнивъ Православію, славянинъ можетъ измѣнить Славянству. Въ Православіи мы находимъ все, чего требуетъ наша славянская душа, оно укрѣпляетъ насъ и даетъ силы для борьбы съ врагами. Немудрено поэтому, что въ Босніи и Герцеговинѣ православные считаются врагами общественнаго порядка, измѣнниками, людьми ненадежными и опасными, оккупаціонное правительство ихъ ненавидитъ и всячески тѣснитъ.

Искорененіе православія, т. е. окатоличеніе православныхъ сербовъ — составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ австрійской политики въ Босніи и Герцеговинѣ,—и, увы! — какъ это ни грустно, задача эта быстро подвигается къ разрѣшенію. Въ оккупированныхъ провинціяхъ широко организована католическая пропаганда, пагубная дѣятельность которой развивается съ каждымъ годомъ. Въ Вѣнѣ существуетъ общество, составляющее своего рода отдѣленіе римской „Пропаганды вѣры“ (Propaganda fidei), поставившее своею цѣлью всячески содѣйствовать окатоличенію турецко-сербскихъ провинцій. Предсѣдателемъ этого общества состоитъ полякъ князь Чарторыйскій. Бывшій губернаторъ Босніи и Герцеговины, баронъ Ѳедоръ Николичъ, внукъ князя сербскаго Милоша Обреновича (по женской линіи), соблазнился обѣщаніями графа Каллая сдѣлать его со временемъ владѣтельнымъ княземъ Сербіи и, будучи самъ православнымъ, началъ содѣйствовать развитію въ Босніи и Герцеговинѣ католической пропаганды.

На первыхъ порахъ антиправославная и антиславянская политика оккупаціоннаго правительства вызвала отпоръ со стороны мѣстнаго православнаго духовенства, въ лицѣ лучшихъ его представителей съ митрополитами: сарасвскимъ — Саввой Косановичемъ и зворницкимъ — Діонисіемъ — во главѣ. Но это не остановило иноземныхъ властителей: всѣ эти „неудобныя“ лица были устранены и замѣнены болѣе податливыми, болѣе угодными католической Австріи; смѣщеніе неугодныхъ митрополитовъ послѣдовало даже безъ предварительнаго сношенія и согласія константинопольскаго патріарха, которому подчинены православные іерархи Босніи и Герцеговины. Оба они пострадали за нежеланіе свое содѣйствовать австрійскому правительству въ поднятіи въ захваченныхъ областяхъ латинскаго знамени и разрушеніи Православной Церкви, которая представляетъ собою вѣрнаго защитника народныхъ идеаловъ Славянства. Какъ истинно православные пастыри, Савва и Діонисій не допускали правительственнаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, возражая противъ

всякаго беззаконія со стороны иноземныхъ властителей. Они съ презрѣніемъ отвергли предложеніе признать главенство папы и принять унію; затѣмъ они выступили противниками замѣны русскихъ церковныхъ книгъ книгами австрійской печати. Эта пастырская ревность ихъ вызвала страшное озлобленіе въ правящихъ австрійскихъ кругахъ, начались прописки и придирки, которыя вынудили, наконецъ, Савву Косановича подать въ отставку, митрополитъ же Діонисій былъ самовольно удаленъ австрійскимъ правительствомъ.

Нынѣ митрополитомъ Сараевскимъ состоитъ Георгій Николаевичъ, который, по весьма удачному замѣчанію одного мѣстнаго корреспондента, представляетъ собою „идеалъ владыки, по австрійскому, конечно, рецепту". При немъ австрійскому правительству открылась полная свобода дѣйствія въ захваченныхъ областяхъ и въ короткій сравнительно промежутокъ времени уже наблюдается въ нихъ значительный упадокъ православія. Съ 1891 года во всѣхъ церквахъ Босніи и Герцеговины введены книги австрійской печати, вмѣсто прежнихъ — русской печати, которыя-де были искажены (?) переводомъ. Православные сербскіе священники подвергаются всяческимъ преслѣдованіямъ и унижаются въ глазахъ населенія; ихъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ мѣстныхъ корреспондентовъ, „австрійскія власти запираютъ въ смирительный рабочій домъ наравнѣ и вмѣстѣ съ каторжниками и убійцами, обривъ имъ предварительно бороду и лишивъ ихъ самовольно священническаго сана, безъ разрѣшенія на сіе, даже безъ вѣдома высшей духовной власти". Возмутительныя насилія эти продѣлываются не только надъ простыми священниками, но даже и надъ болѣе видными, заслуженными и уважаемыми православными пастырями. Такъ, между прочимъ, было поступлено съ архимандритомъ Моштаницкаго монастыря (въ босанской Крайнѣ) Кирилломъ Аджичемъ, который по наговору купленныхъ свидѣтелей былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и осужденъ на $2^1/_2$ года тяжкаго тюремнаго заключенія. Вотъ какъ разсказываетъ эту возмутительную исторію корреспондентъ сербской газеты *Велика Србија* (28-го марта 1890 г.):

„Во время возстанія противъ турокъ были сожжены послѣдними, между прочимъ, два монастыря: Эрмань и Моштаница. Когда водворился миръ въ странѣ, народъ началъ обновлять разрушенные монастыри. Сами власти сначала не препятствовали этому и даже оказана была денежная поддержка. Онѣ не запрещали принимать помощь изъ Россіи на эту цѣль, а также церковныя книги и утварь, присылаемыя изъ Россіи. Патріоты изъ Градишки, Баньей Луки и другихъ мѣстъ возобновляли Моштаницу; тутъ много помогъ дѣлу игуменъ Кириллъ Аджичъ. Бывшій

вождь герцеговинскихъ повстанцевъ Петръ Узелацъ занялся монастыремъ Эрмань, который и былъ возобновленъ его стараніями. Въ то время, когда Савва Косановичъ освятилъ возобновленный монастырь, одинъ полякъ сдѣлалъ доносъ графу Каллаю, что монастырь Эрмань служитъ для русской и панславистской агитаціи. Въ Вѣнѣ и въ Сараевѣ рады были повѣрить этому измышленію и было сдѣлано распоряженіе о прекращеніи церковной службы въ монастырѣ. Полякъ-чиновникъ, сдѣлавшій доносъ, произвелъ обыскъ въ монастырѣ, вырвалъ изъ церковныхъ книгъ листы, гдѣ отмѣчено мѣсто печатанія ихъ въ Россіи и гдѣ упоминается имя Государя. Затѣмъ этотъ чиновникъ-полякъ, уполномоченный властями, распорядился захватить Узелца живаго или мертваго и запретилъ служить въ монастырѣ Эрмань. Что касается Моштаницкаго монастыря, то было придумано оклеветать игумена Кирилла Аджича и, придравшись къ чему-нибудь, осудить его. Давно искали повода, наконецъ, обвинили игумена въ томъ, будто бы Аджичъ оскорблялъ императора (австрійскаго). И вотъ были посланы въ Моштаницу войска и жандармы искать Петра Узелца, который будто бы скрывался въ монастырѣ. Конечно, Узелца тутъ не нашли, ибо его и не было, но взяли подъ стражу игумена Аджича, обрили ему бороду, обвинили и посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ разбойниками".

Съ тѣхъ поръ въ Моштаницкомъ монастырѣ богослуженіе не совершается, какъ оно запрещено австрійскими властями и во многихъ другихъ православныхъ монастыряхъ Босніи и Герцеговины. А въ то же время при католическихъ монастыряхъ (какъ напримѣръ, при монастырѣ „Любовь Божія" въ Сараевѣ) открываются училища для обученія, разумѣется, въ духѣ католичества, православныхъ сербскихъ дѣтей. Посѣщеніе этихъ училищъ дѣлается обязательнымъ для сербовъ и такимъ путемъ происходитъ окатоличеніе ихъ.

Новыхъ православныхъ храмовъ строить въ Босніи и Герцеговинѣ не разрѣшается, старые же или закрываются „по ветхости", или же—что не лучше—передѣлываются на католическій ладъ. Уже теперь рѣдко можно встрѣтить въ занимаемыхъ Австріей турецко-сербскихъ областяхъ православные храмы въ чистомъ ихъ видѣ, т. е. безъ католическихъ введеній. Словомъ, въ Босніи и Герцоговинѣ повторяется то же, что продѣлывалось ранѣе въ Западной Россіи, въ смутный періодъ шляхетско-іезуитскаго владычества въ ней. Даже угнетателями и „преобразователями" здѣсь являются тѣ же поляки, которыхъ призвало на помощь оккупаціонное правительство и которые съ радостью откликнулись на этотъ призывъ давить ненавистную „схизму". Большинство чиновниковъ въ Босніи и Герцеговинѣ—галицкіе поляки, дѣйствующіе здѣсь

по старому своему рецепту и попрежнему руководствующіеся іезуитскимъ правиломъ—„цѣль оправдываетъ средства“.

Не мудрено послѣ этого, что православіе въ искони православныхъ славянскихъ областяхъ падаетъ и взамѣнъ его все шире и шире развивается знамя католицизма. Насколько замѣтные успѣхи сдѣлала уже здѣсь католическія пропаганда и насиліе видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго указанія корреспондента *Варшавскаго Дневника* (21-го мая 1892 г.): „въ православныхъ храмахъ (въ Босніи и Герцеговины) висятъ иконы западно-католическаго письма, дѣтей при крещеніи часто обливаютъ, а не погружаютъ въ купели, постовъ ни духовенство, ни міряне не соблюдаютъ или соблюдаютъ по-католически, въ домахъ у православныхъ сербовъ почти сплошь висятъ католическія иконы, звонъ въ церквахъ производится тоже по-католически. Въ Сараевѣ въ продажѣ почти исключительно иконы католическія съ сербскими надписями. Сербская молодежь, такъ называемая интеллигенція, почти вся или невѣрующая ни во что, кромѣ мамоны, или полувѣрующая; въ культурномъ же смыслѣ эта молодежь — днемъ отдана торговлѣ, сидитъ въ лавкахъ и барышничаютъ, или—на послугахъ у правительства Каллая, а по вечерамъ и праздникамъ—пресыщаетъ душу въ нѣмецкихъ кафе-шантанахъ“.

Оккупаціонное правительство предусмотрительно устроило уже въ Сараевѣ и нѣмецкій театръ, находящійся въ управленіи вѣнскаго драматическаго (нѣмецкаго) писателя Берла. Во время турецкаго владычества, въ Босніи и Герцеговинѣ не было совсѣмъ постояннаго театра; австрійское правительство поспѣшило устранить этотъ пробѣлъ и, съ цѣлью „культивизаціи“, т. е. попросту онѣмеченія славянъ, устроило постоянную *нѣмецкую* сцену. Въ Сараевѣ издается также, подъ редакціей Флакса, и нѣмецкая газета *Bosnische Post*.

До чего вообще тяжело нынѣ положеніе православныхъ сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ можно судить изъ того, что въ 1891 году женщины Ново-Варошскаго округа обращались по телеграфу съ просьбою въ Константинополь, къ матери султана, о защитѣ жизни ихъ дѣтей, подвергающихся страшной опасности въ виду систематическихъ звѣрскихъ насилій со стороны австрійскихъ агентовъ, іезуитовъ и патеровъ.

И это называется умиротвореніемъ и устроеніемъ края!

VI.

Всѣ жалобы населенія Босніи и Герцеговины на гнетъ оккупаціонной администраціи, на непосильные поборы, подати и налоги, на преслѣдованія религіозныя и племенныя,—всѣ эти жалобы не приводятъ,

конечно, ни къ чему и даже ведутъ еще къ ухудшенію и такъ уже безвыходнаго положенія областей. Каллаевское правительство стремится искоренить въ православномъ населеніи духъ непокорности католическому австрійскому владычеству, считая позволительными всякія средства для утвержденія этого владычества и сокращенія „схизматиковъ“.

Всѣ эти пріемы австрійской „культуры“ привели, наконецъ, къ тому, что сербское населеніе Босніи и Герцеговины начало прямо бѣжать изъ своей родины, спасаясь отъ насилій нѣмецко-польско-мадьяро-хорватскихъ притѣснителей. Выселеніе это усиливается съ каждымъ годомъ и въ послѣднее десятилѣтіе выселилось уже до ста тысячъ босанскихъ и герцеговинскихъ сербовъ. Австрійскія власти дѣлаютъ, правда, видъ будто препятствуютъ выселенію, но на самомъ дѣлѣ еще поощряютъ его, поселяя въ опустѣвшихъ мѣстностяхъ поляковъ, мадьяръ, нѣмцевъ и евреевъ. Замѣчательнѣе всего, что, спасаясь отъ притѣсненій австрійскихъ чиновниковъ, босняки и герцеговинцы переселяются въ... Турцію. Австрійское иго оказывается, такимъ образомъ, тяжелѣе турецкаго! Это не фикція, не вымыселъ, а дѣйствительно такъ. „Всѣ въ одинъ голосъ—пишетъ корреспондентъ *Варшавскаго Дневника* изъ Дубровника—сожалѣютъ о временахъ турецкихъ, когда жить было легче, свободнѣе и дешевле, и всѣ завтра же съ радостью промѣняли бы свое нынѣшнее положеніе на прежнюю зависимость тѣмъ болѣе сносную, что всякое дѣйствіе Турціи строго контролировалось Европою, тогда какъ нынѣ Боснія и Герцеговина всецѣло и исключительно предоставлены христіанскому, (!!) конечно, но еще болѣе хищному и утонченному произволу австрійскому“. Подобные вопли раздаются даже на страницахъ австрійскихъ сербскихъ газетъ, въ одной изъ которыхъ, послѣ описанія прелестей „либеральнаго“ каллаевскаго порядка, мы прочли недавно слѣдующія строки: „Да, лучше было подъ турками, чѣмъ теперь, ибо теперь къ намъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ черные вороны въ мантіяхъ, іезуиты и фратры всякаго рода: вихрь поднимаетъ ихъ мантіи и чернота ихъ скрываетъ отъ насъ небеса въ скалистой Герцеговинѣ и славной Босніи“.

По имени, правда, Боснія и Герцеговина и нынѣ считаются составною частью Оттоманской имперіи, верховныя права которой на нихъ de jure не умалены Берлинскимъ трактатомъ. Но вотъ уже семнадцать лѣтъ Австро-Венгрія самовластно обладаетъ этими турецко-сербскими областями и, прикрываясь фикціей оккупаціи, произвольно хозяйничаетъ въ нихъ, считая ихъ чуть ли не коронными землями Габсбургской монархіи. Не будучи уполномоченными на то Берлинскимъ конгрессомъ, австрійцы ввели въ захваченыхъ областяхъ воинскую повинность, причемъ набираемыя изъ уроженцевъ Босніи и Герцего-

вины (подданныхъ турецкаго султана) войска должны присягать на вѣрность... австрійскому императору! Но этого мало; туземныя босно-герцеговинскія войска стали выводиться въ лагери во внутрь Австріи и здѣсь принимать участіе въ маневрахъ австрійскихъ войскъ. Затѣмъ, съ 1891 года туземные босно-герцеговинскіе баталліоны уже совсѣмъ переведены во внутрь Австро-Венгріи и включены въ составъ вѣнскаго и пештскаго гарнизоновъ. Такимъ образомъ туземное населеніе Босніи и Герцеговины привлечено нынѣ къ отбыванію воинской повинности въ самой Габсбургской монархіи и босно-герцеговинскія войска окончательно слиты съ австро-венгерской арміей.

Это, конечно, уже шагъ къ полному присвоенію захваченныхъ турецкихъ областей, къ чему, какъ извѣстно, Австро-Венгрія и стремится, не считая даже уже нужнымъ скрывать эти свои противозаконныя и насильственныя стремленія. На осеннихъ 1891 года делегаціяхъ графъ Кальноки, объясняя политическую программу Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, громогласно, по крайней мѣрѣ, заявилъ, что онъ считаетъ Боснію и Герцеговину *„естественнымъ продолженіемъ юго-западныхъ границъ Австро-Венгріи, въ сферу мощи коей онѣ должны быть включены“*.

Съ тѣхъ поръ прошло почти четыре года и за этотъ промежутокъ мирное завоеваніе Австріей Босніи и Герцеговины еще болѣе подвинулось впередъ; она хозяйничаетъ въ нихъ уже совершенно какъ дома и въ настоящее время приступаетъ къ выкупу въ (австрійскую) казну тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. *пріобрѣтаетъ тамъ государственную собственность*.

Такимъ образомъ, Австро-Венгрія приступаетъ уже къ полному присоединенію Босніи и Герцеговины къ своимъ короннымъ землямъ. Этимъ, конечно, она нарушаетъ всѣ международные законы, но вѣдь она дѣйствуетъ явно, открыто, — и тѣмъ не менѣе никто не думаетъ противодѣйствовать этому, никто, даже султанъ турецкій, собственностью котораго считаются эти злосчастныя двѣ сербскія области, не рѣшается напоминать зарвавшейся сосѣдкѣ о берлинскихъ постановленіяхъ 1878 года и, основываясь на нихъ, сказать ей: „руки прочь“!..

Ужели же такъ и далѣе будетъ продолжаться „умиротвореніе“ и „устроеніе“ Босніи и Герцеговины? Ужели полуторамилліонное, родное по духу и вѣрѣ намъ, сербское населеніе ихъ такъ и не найдетъ защиты и покровительства себѣ въ просвѣщенномъ мірѣ? Мы гнушаемся рабствомъ, мы стремимся къ свободѣ и столько крови пролили за освобожденіе отъ турецкаго ига своихъ балканскихъ братьевъ. Но что же имъ-то (и намъ) прибыло съ того, что мы пролили свою кровь,

когда они не только не получили свободы, но очутились въ горшемъ еще рабствѣ, чѣмъ были? Ужели же задача наша состояла и состоитъ только въ томъ, чтобы освободить балканскихъ родичей своихъ *отъ турецкаго только*, а не вообще отъ всякаго рабства и утѣсненія?..

Боснія и Герцеговина были вѣдь отданы только *въ управленіе* Австро-Венгріи для умиротворенія и устроенія ихъ. Полагаемъ, что семнадцати лѣтъ вполнѣ достаточно было для этого,—и, слѣдовательно, умиротворенныя и устроенныя Боснія и Герцеговина должны быть, по праву и здравой логикѣ, возвращены теперь Турціи, если еще не настало время совершенно освободить ихъ отъ иноплеменной власти и соединить съ родственными имъ по крови и вѣрѣ Черногоріей и Сербіей, которымъ онѣ по всѣмъ правамъ божескихъ и человѣческихъ должны бы принадлежать! Если въ семнадцатилѣтній періодъ Австро-Венгрія не сумѣла умиротворить и устроить ихъ, то не ясно ли отсюда, что она или не въ состояніи, или же просто не хочетъ выполнить принятыя и порученныя ей обязанности? Въ такомъ случаѣ, конечно, Боснія и Герцеговина также (и тѣмъ болѣе еще) не должны долѣе оставаться въ австрійскомъ управленіи.

Такъ или иначе, но не можетъ же въ самомъ дѣлѣ оккупація, т. е. временное порученіе, продолжаться безконечно и притомъ оставаться еще совершенно безъ всякаго надзора.

А. П. Липранди (А. Волынецъ).

Мольба славянина.

(Съ словенскаго).

Не приходи ко мнѣ по утру въ ясный день,
Когда цвѣтутъ подъ майскимъ небомъ розы!
Не приходи ко мнѣ по утру въ ясный день:
Я на чело твое тогда наброшу тѣнь
И вызову несбыточныя грезы.

* * *

Молю, явись ко мнѣ по утру въ грустный часъ,
Въ осенній день, ненастный и туманный!
Молю, явись ко мнѣ по утру въ грустный часъ:
Пусть небо блѣдное тогда закроетъ насъ
Одеждою, изъ облаковъ сотканной.

* * *

Не приходи ко мнѣ въ дни счастья и любви,
При розовой пылающей аврорѣ!
Не приходи ко мнѣ въ дни счастья и любви;
Со мной въ саду цвѣтовъ, блаженствуя, не рви:
И безъ тебя они увянутъ вскорѣ.

* * *

Молю, явись ко мнѣ, Славянка, въ часъ ночной,
Когда роса холодная ложится!
Молю, явись ко мнѣ, Славянка, въ часъ ночной,
Когда утратитъ жизнь всю силу надо мной
И смерть придетъ со мною подружиться.

* * *

Молю, явись тогда, подъ гнетомъ смутныхъ думъ,
На кладбище въ часъ полночи унылой!
Молю, явись тогда, подъ гнетомъ смутныхъ думъ,
И вслушайся душой въ баюканье и шумъ
Густыхъ березъ надъ свѣжею могилой.

* * *

Молю, произнеси завѣтныя слова:
—«Братъ-Славянинъ воскресъ... И ты воскресни!»
Молю, произнеси завѣтныя слова,
Что братская любовь въ семьѣ Славянъ жива
И не умретъ—при звукахъ братской пѣсни!

Леонидъ Трефолевъ.

ИЗЪ ХАЛУПКИ.

(Со словацкаго).

Подъ зеленою ракитой
Въ полѣ Янъ лежитъ убитый.
Кѣмъ, за что убитъ—открыть
Кто возьмется?...
Намъ бѣднягу лишь зарыть
Остается.
Что же Яну будетъ ложемъ?
Гдѣ мы трупъ его положимъ?
Тамъ, гдѣ пѣснею своей
Лѣсъ тѣнистый
Оглашаетъ соловей
Голосистый.
Горько плакала Марьяна,
Услыхавъ о смерти Яна.
«Ахъ, не долго и моя
Жизнь продлится:
На землѣ безъ Яна я
Не жилица!»
Въ полѣ ржи еще не жали—
Розы щекъ ея пропали,
А какъ осень подошла—
Подлѣ Яна
Похоронена была
И Марьяна.
И подруги посадили
Пару розъ на ихъ могилѣ.
И кусты ихъ такъ сплелись
Надъ могилой,
Словно нѣжно обнялись
Милый съ милой.

Н. Новичъ.

Изъ Прерадовича.

(Съ сербскаго).

Изъ окна на сине море
Глядя, дѣвушка однажды
Говорила синю морю:
«Море синее, когда-бы
Весь твой жемчугъ я имѣла,
Чтобы имъ себя украсить,
Я отъ радости слезами
Напоить тебя могла бы!»
Море дѣвѣ отвѣчаетъ:
«О красавица! когда бы
Я глаза твои имѣло,
Чтобъ хоть разъ тебя увидѣть,
Я отъ радости слезами
Изошло бы все до капли!»

Н. Новичъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Орошеніе полей.

Чтобы съ успѣхомъ везти колесницу богини земледѣлія, нужно впречь двухъ коней.

1-й конь—это обработка поля, какъ-то: удобреніе, разрыхленіе, правильный сѣвъ, укатываніе, сидерація.

2-й конь—это влага. Но равносильны ли эти кони?—нѣтъ! Безъ влаги, какъ бы вы ни ухаживали за землей, у васъ не родится ничего, а при изобиліи влаги земля обойдется почти безъ обработки. Прежде, чѣмъ изложить пріемы ирригаціи, я сдѣлаю краткій перечень тѣхъ выгодъ, которыя неминуемо обнаруживаются въ орошаемомъ имѣніи:

I. Прежде всего при орошеніи является возможность получать опредѣленную цифру урожая. Безъ орошенія нельзя вести расчета. Какъ вести домъ? Держать ли повара или самому готовить? Я засѣялъ 500 десятинъ,—получу ли я 20.000 р. дохода или 0? Благодаря этому является полная несостоятельность насмѣшекъ купцовъ, порождаемыхъ сравненіемъ: „мы ведемъ дѣла, а дворяне огуломъ разоряются“. Но сравнивать, такъ сравнивать до конца. Купецъ, заплативъ 10 к. за аршинъ ситца, не можетъ же подвергнуться такому несчастію, чтобы быть вынужденнымъ продать его за 5 к. или же, подавно, задаромъ отдать; помѣщикъ же, затративъ 40 руб. на десятину, всегда рискуетъ получить ноль.

Въ странахъ, гдѣ введено орошеніе, въ основаніе исчисленія податей, принято количество воды, имѣющейся у владѣльца на предметъ орошенія полей (Раунеръ, стр. 1-я), что служитъ доказательствомъ того, что урожай тамъ составляетъ величину постоянную, не измѣняющуюся изъ года въ годъ.

II. Всякаго рода организмы, какъ животныя, такъ и растенія, успѣшнѣе борятся съ вредными паразитами, разъ эти растенія имѣютъ могучее развитіе. Посмотрите на орошенныя растенія: тыквы вѣсятъ пуды, просо въ большой палецъ толщины. Имъ ли не побѣдить враговъ? Организаторъ орошенія Раунеръ говоритъ, что микробы Cleonus Punctidentris, губящіе свекловицу, послѣ орошенія погибаютъ, а безъ орошенія у Бобринскаго на десятину затрачивается 40 руб. для борьбы

съ симъ микробомъ; у Долгорукова же платятъ за сборъ этихъ послѣднихъ по 10 к. за количество, помѣщающееся въ бутылку для сельтерской воды. Далѣе филоксера (Раунеръ, стр. 15) гибнетъ отъ затопленія.

III. Другіе бичи, какъ-то: саранча (именно залежи яичекъ), суслики, овражки, также гибнутъ отъ воды.

IV. Мы получаемъ возможность растянуть сѣвъ, что: 1) потребуетъ меньше инвентаря, ибо при ничтожномъ количествѣ рабочаго скота, если съ 1 апрѣля и по 15 іюня мы будемъ сѣять всего по 2 десятины въ день, то въ итогѣ получится 120 десятинъ засѣва; 2) уборка будетъ тянуться соотвѣтственно продолжительнѣе, что тоже не маловажно; 3) растенія, боящіяся холода, можно будетъ сѣять тогда, когда появится въ достаточномъ количествѣ тепло. А теперь мы сѣемъ и въ холодъ, лишь бы поскорѣе не упустить влаги, которая задержалась въ землѣ отъ таянія зимняго снѣга; 4) будемъ съ растеніями, боящимися мороза, отодвигаться къ болѣе теплымъ днямъ мая, ибо кому не памятенъ 1889 г., когда съ 6 по 9 мая даже насъ тревожили такіе морозы, что вода замерзала; 5) при болѣе позднемъ сѣвѣ яровыхъ пойдетъ меньше сѣмянъ на десятину, ибо: а) птицы и всякіе паразиты не успѣютъ напасть на зерно, какъ оно уже проростетъ и закрѣпнетъ; б) процентъ всхожести сѣмянъ увеличится, такъ какъ при орошеніи мы можемъ сѣять ихъ пророщенными, а также и потому, что сѣвъ будетъ производиться въ самые теплые дни. Кому не извѣстно, что въ сѣверныхъ странахъ сѣютъ 20 пудовъ ржи на десятину; спускаясь же къ югу, мы замѣчаемъ убавленіе количества сѣмянъ; такъ на югѣ наблюдается вчетверо меньшая цифра, т.-е. всего 5 пудовъ. Это объясняется тѣмъ, что, благодаря благопріятному для произрастанія сѣмянъ теплу, на югѣ всходитъ больше зеренъ.

V. При орошеніи у насъ убавятся расходы на полотье. При посѣвѣ хлѣбныхъ зеренъ мы наблюдаемъ борьбу сорныхъ травъ съ посѣянными зернами. При этомъ сорныя травы имѣютъ много преимуществъ; онѣ болѣе грубы, чѣмъ благородные злаки, и потому менѣе прихотливы, менѣе требовательны къ теплу; идутъ и отъ корня и отъ нападывающихъ въ изобиліи сѣмянъ (извѣстно напр., что петрушка, георгина, картофель, конечно, скорѣе пойдутъ отъ корней, чѣмъ отъ сѣмянъ). Но разъ земля будетъ орошена, мы можемъ содѣйствовать быстротѣ роста, проростивъ сѣмена для посѣва (огурцы, картофель, подсолнечникъ, просо).

VI. Всѣмъ извѣстно благотворное дѣйствіе сидераціи (затѣненіе пароваго клина); противники этой системы часто возражаютъ, что оно

много вытянетъ влаги изъ земли и въ сухменный годъ тѣмъ самымъ обездолитъ предстоящій посѣвъ озимыхъ; между тѣмъ при орошеніи и эта угроза падаетъ.

VII. При орошеніи можно значительно увеличить кормовыя средства для скота, такъ Стебутъ указываетъ на то, что можно пользоваться укосомъ ржи на сѣно, посѣявъ ее 24 іюня, но это мыслимо осуществить только при обиліи влаги, ибо іюнь есть время самыхъ сильныхъ жаровъ.

VIII. При наступленіи зимы, скотъ не будетъ замѣчать рѣзкаго перехода отъ зеленаго подножнаго корма (травы или озимь), къ сухому (сѣну или соломѣ), ибо будетъ много овощей, успѣшное же произрастаніе сихъ послѣднихъ возможно лишь при изобиліи влаги, такъ какъ корнеплоды, напр. морковь, имѣютъ въ себѣ 90% воды; рожь-же всего 14%.

IX. Гдѣ ощущается недостатокъ рабочихъ рукъ, тамъ, тѣмъ не менѣе, будетъ урожай и при наидешевѣйшей обработкѣ поля. Такъ Плодовскій и Рекутинъ пишутъ (Земл. Газета 1891 года, № 49, стр. 981, и 1892 года, № 6, стр. 104): „въ Валуйскомъ казенномъ участкѣ Самарской губ. обработка производится крестьянскимъ инвентаремъ и заставляетъ желать многаго, но всетаки результатъ орошенія таковъ: десятина не орошенная дала 10 пуд., орошенная—175 пуд.“. Параллельно съ этимъ директоръ Земледѣльческаго училища Сладковъ, въ своемъ докладѣ Саратовскому Обществу сельскихъ хозяевъ (напечатанному въ трудахъ сего Общества, стр. 41—44, за 1891 г.) свидѣтельствуетъ слѣдующее: „не смотря на хорошую, глубокую обработку „полей, ни на своевременный посѣвъ, ни на удобреніе, никогда нельзя „быть увѣреннымъ, что не погибнетъ все. А при дождяхъ получаются „хорошіе урожаи, при самой плохой обработкѣ земли и отсутствіи „удобренія“.

X. Орошеніе способствуетъ развитію многоплодныхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній; такъ, напр., въ Валуйскомъ казенномъ участкѣ, (Земл. Газ., 1892 г., № 6, стр. 104), Управляющій Рекутинъ даетъ намъ слѣдующую таблицу сравнительныхъ результатовъ орошенныхъ злаковъ:

	Высота злака.	Колич. побѣговъ.	Длина колоса сантим.	Колич. зеренъ.	Колич. цвѣтков.	Вѣсъ 100 зеренъ въ грамм.	Окраска.
Орошенная	28 верш.	11	9	74	115	6	стекловидная
Неорошенная	15 „	5	6	44	82	3,96	пятнистая пестрая.

XI. Устройство орошенія будетъ препятствовать обмелѣнію рѣкъ, ибо снѣговыя воды, задержанныя прудами, не потекутъ въ рѣки, унося въ своихъ бурныхъ потокахъ самыя питательныя части нашихъ всплошную распаханныхъ полей.

XII. Пріостановится образованіе новыхъ и разростаніе старыхъ овраговъ, ибо лощины будутъ перегружены и дальнѣйшее ихъ углубленіе будетъ немыслимо, а между тѣмъ овраги способствуютъ пониженію почвенныхъ водъ.

XIII. Убавится выщелачиваніе почвы, ибо балки, разъ онѣ запружены, будутъ представлять изъ себя хранилища, какъ снѣговой воды, такъ и растворенныхъ въ ней частицъ почвы и изъ этого-то хранилища вмѣстѣ съ водой при орошеніи будутъ расходиться по полю тѣ драгоцѣннѣйшія питательныя части земли, о которыхъ идетъ рѣчь.

XIV. Орошеніе неминуемо способствуетъ увлажненію воздуха. Какъ почва, такъ и самое растеніе, напитанное до сыта водою, въ свою очередь испаряютъ массу воды: милліонъ, допустимъ, ведеръ въ сутки, выливаемыхъ и расходуемыхъ близъ дома, не можетъ не убавить сухости воздуха.

XV. Вода, разсматриваемая безусловно сама по себѣ, безъ примѣси постороннихъ веществъ, не только поитъ, но и кормитъ землю, удобряетъ ее; это обстоятельство установило заграницей правило производить поливку и зимой, значитъ только для одного удобренія. Такъ, по опытамъ Дюма, вода содержитъ $88{,}89$ част. кислорода *) и $11{,}11$ част. водорода, но вода имѣетъ и механическія примѣси:

1) мелкозернистый песокъ,
2 глину,
3) органическіе осадки

и химическія примѣси: 1) сѣроводородный газъ,
2) двууглекислыя соли,
3) различн. основн. соли кремнезема,
4) нѣкоторыя известковыя соли.

А вода, скопленная въ прудахъ, насыщена питательными веществами нашей распаханной почвы, и массою органическихъ веществъ, ибо весенніе ручьи увлекаютъ различныя животныя вещества (навозъ), протекая по населеннымъ мѣстамъ.

---

*) Кислородъ способствуетъ разложенію органическихъ веществъ, вывѣтриванію минеральныхъ частей почвы, обновляетъ составъ воздуха, содержащагося въ почвѣ, когда на мѣсто дифундирующей въ атмосферу углекислоты проникаетъ въ почву кислородъ. Кислородъ необходимъ для процеса дыханія почвенныхъ микробовъ, ибо нѣкоторые изъ микробовъ, а именно: аэробы, нуждаются въ кислородѣ.

XVI. Благодаря орошенію, мы можемъ дольше продержать нашъ скотъ на обильномъ пастбищѣ, такъ какъ, оросивъ тѣ поля, съ которыхъ убраны рожь и яровые, мы заставимъ произрасти, падавшія при жнитвѣ зерна, а также и сѣмена полевыхъ травъ. Припомнимъ, что благодаря все болѣе и болѣе жаркимъ лѣтамъ, уборка хлѣба стала оканчиваться чуть не въ первыхъ числахъ іюля—и намъ станетъ ясно, что если мы не оросимъ наши оржанища и яровища, то они неминуемо выгорятъ, и наоборотъ,—надѣливъ ихъ влагою, они, при наличности наибольшаго количества тепла—соотвѣтствующаго іюлю мѣсяцу—покрываются роскошною растительностью. Особую пользу даютъ политыя оржанища. Извѣстно, какъ питательна озимь (зеленя) для скота, но до наступленія заморозковъ и притомъ сильныхъ, скотину пускать на озимь нельзя; такъ какъ она ее потопчетъ. Но можно создать озими для пастьбы, которыя не страшно, не жалко топтать, т.-е. я говорю про оржанища; такъ какъ это поле подлежитъ вспашкѣ, то постараемся ускорить эту необходимую операцію и польемъ это поле. Въ результатѣ получимъ чудныя озими, потому что какъ бы осторожно ни жали рожь, всегда будутъ упавшія зерна, которыя при наличности влаги и тепла быстро произростаютъ. Этими озимями можно смѣло кормить скотину два и болѣе мѣсяца. Желающіе провѣрить, пусть припомнятъ дождливые годы, когда не только вспаханныя, но и не вспаханныя поля изъ подъ сжатыхъ хлѣбовъ покрываются роскошною зеленью проросшихъ хлѣбныхъ зеренъ.

XVII. При орошеніи обезпеченъ быстрый возвратъ затраченныхъ суммъ на удобреніе.

Нѣкто Розентретеръ плачется въ „Землед. Газ“. что масса потраченныхъ имъ денегъ на удобреніе голубинымъ пометомъ нисколько не потѣшила хозяина и удобренное симъ пометомъ поле не дало никакого эффекта въ сравненіи съ неудобреннымъ *). На это онъ получилъ въ „Землед. Газ.“ отвѣтъ, что причиною тому „засушливое“ лѣто! Ясно,—удобрите хотя шеколадомъ, но не разведите, не разбавьте его водою,—выйдетъ въ итогѣ съ удобреннымъ полемъ тоже, что съ лисицей, угощенной киселемъ изъ узкогорлаго кувшина. А кому не извѣстно, что мы нуждаемся въ спѣшной оплатѣ сдѣланныхъ нами затратъ.

XVIII. Много писалось о такъ называемыхъ „защитныхъ полосахъ“, т. е. о томъ, чтобы испестрить поля наши аллеями изъ быстрорастущихъ

*) При удобреніи же навозомъ отъ скота въ засушливый годъ получается уже отрицательный результатъ—погоритъ все.

деревьевъ, дабы тѣмъ самымъ задержать таяніе снѣга весною. Но я утверждаю, однако, что безъ орошенія этотъ проэктъ неосуществимъ. А между тѣмъ, помимо задержанія снѣга, защитныя полосы сослужили бы намъ и другую службу. Въ Ферганской долинѣ или Хивинскомъ ханствѣ по берегамъ арыковъ посажены въ нѣсколько рядовъ скорорастущія деревья, которыя защищаютъ хлѣбъ отъ „суховѣевъ“ (горячіе сухіе вѣтры). Такія насажденія, конечно были бы полезны и у насъ отъ тѣхъ же суховѣевъ. Но и помимо того въ 1893 году вѣтры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишили насъ урожая, такъ напр. просо было выбито вѣтромъ почти въ чистую. А будь „защитныя полосы“ лѣсныхъ засажденій, онѣ спасли бы и отѣнили бы бѣдные хлѣба.

XIX. При орошеніи смѣло можно будетъ разводить сѣмена. Сѣменные магазины берутъ ужасныя цѣны. Такъ: за капусту отъ 10 до 120 руб. за фунтъ, за земляную грушу 6 р. за пудъ, мятликъ 23 р. морковь и свеклу 30 р., люцерну 18 р. и т. п. Самому же безъ орошенія выводить сѣмена рискованно.

XX. При устройствѣ ирригаціонныхъ прудовъ является большое количество дождей; такъ въ имѣніи Павлова, Екатеринославской губ., гдѣ устроено орошеніе въ большихъ размѣрахъ, дожди проходятъ надъ орошеннымъ пространствомъ чаще, распространяясь въ стороны на нѣсколько верстъ. (Герсевановъ, стр. 257).

XXI. При орошеніи можно сѣять самые цѣнные хлѣба и растенія, которые совершенно отказываются давать урожаи безъ орошенія, такъ конопли въ поляхъ никто не думалъ сѣять, я же сѣялъ не только на тощемъ черноземѣ, но даже на песчаной почвѣ, но при этомъ обильно орошалъ и получалъ прекрасный урожай.

XXII. При устройствѣ орошенія можно поддержать падающее съ каждымъ годомъ рыбоводство. Дѣйствительно, владѣльцу рѣки нельзя съ особой выгодой для себя населять рѣчку рыбой, ибо рыба эта расплываясь по рѣкѣ, во всю длину ея, попадаетъ и въ чужія владѣнія. Лицо же, устроившее прудъ на горѣ, можетъ быть единичнымъ собственникомъ той рыбы, которую оно разведетъ. Въ наше время, когда приходится ежеминутно воздерживаться отъ всякого рода затратъ, немыслимо и подумать, чтобы кто-нибудь рѣшился вырыть прудъ или запрудить балку собственно для рыбы, какъ это дѣлали наши дѣды, но разъ уже прудъ устроенъ для другой болѣе важной цѣли, то надо пользоваться имъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Какъ часто забывается то безцѣнное правило что путь къ обогащенію состоитъ не въ одномъ увеличеніи доходныхъ статей, но и въ уменьшеніи расходовъ. Если мы будемъ имѣть возможность украсить нашъ столъ роскошными блюдами изъ стерлядей, форелей

сиговъ, лососей и пр. и если это ничего не будетъ стоить, тогда понятно что сокращеніе на половину расходовъ на покупку мяса, должно быть записано на приходъ. При теперешнемъ блестящемъ положеніи, въ которомъ стоитъ рыбоводство, помимо украшенія собственнаго стола, помимо пользы для здоровья семьи отъ разнообразія кушанья, мы не можемъ не подумать и о громадныхъ барышахъ, которые можетъ дать намъ рыбоводство. Директоръ государственнаго рыборазводнаго завода Гримъ пишетъ, что отъ пруда мѣрою въ десятину земли можно получить 120 р. годового дохода (отъ выкармливанія стерлядей, стр. 79). И для полученія такихъ доходовъ не требуется никакихъ расходовъ.

Назовите мнѣ какую-нибудь отрасль доходныхъ статей, гдѣ пропорціонально имѣющимся въ виду доходамъ не стояли бы соотвѣтственно внушительныя цыфры расхода. Въ рыбоводствѣ же никакихъ расходовъ для поддержанія этого симпатичнаго стада рыбы не требуется. Но, можетъ быть, мнѣ скажутъ, что первоначальное обзаведеніе рыбами не можетъ обойтись безъ затратъ? Да, 20 руб. вы должны выслать въ государственный рыборазводный заводъ и за это вамъ пришлютъ нѣсколько тысячъ оплодотворенныхъ икринокъ.

XXIII. Запрудами, въ связи съ вѣтрянками, помимо непосредственной пользы, которую онѣ принесутъ для дѣла орошенія, мы можемъ пользоваться и для производства всякаго рода механической дѣятельности.

Перечисливъ бросающіяся въ глаза выгоды, которыя можно ждать отъ орошенія полей, я закончу эту главу слѣдующимъ положеніемъ: подтвержденіемъ того положенія, что орошеніе представляетъ несомнѣнно цѣнную вещь служатъ различныя цѣны на земли орошенныя и неорошенныя. Такъ въ Калифорніи за неорошенную землю платятъ по 6 р. 30 к. за акръ, за орошенную 94 руб. Въ другихъ мѣстахъ неорошенная земля стоитъ 82 руб., а орошенная 630 рублей. Плата за воду въ разныхъ странахъ можетъ также служить мѣриломъ того, какъ высоко цѣнится орошеніе. Въ Испаніи обычай взысканія выработался такой, что за доставленное пользованіе водою берется шестая часть урожая.

Въ Мурсіи (въ Испаніи) впервые встрѣчается плата за воду изъ артезіанскихъ колодцевъ (3 р. за 130 куб. саж. во Франціи отъ 3— до 15 руб. съ гектара).

Заканчиваю этотъ сжатый перечень выгодъ, которыя даетъ орошеніе, ибо всѣхъ неисчислимыхъ проявленій могущества влаги не переименуешь никогда.

Организація орошенія распадается на двѣ вѣтви, на 2 задачи:

1) Устройство водоема на высшемъ пунктѣ имѣнія и 2) распредѣленіе воды.

Прежде всего намъ нужно установить обстоятельно нѣкоторыя понятія, къ которымъ намъ придется постоянно обращаться:

1) Сколько потребно воды для насыщенія одной десятины? и 2) сколько поливныхъ дней имѣется въ году?

Поэтому прослѣдимъ сначала вопросъ о количествѣ воды, необходимомъ для орошенія одной десятины. У насъ имѣется нѣсколько способовъ для рѣшенія этого вопроса.

Первымъ способомъ можетъ служить сравненіе съ дождемъ. Дождь, который даетъ по дождемѣру 40 мм. воды, считаютъ прекраснымъ (40 мм. почти=1 вершку).

Если мы ограничиваемся 40 м.м. воды на десятину или на наши мѣры около 1 вершка, то намъ понадобится 50 куб. саж. воды *) Но мы удвоимъ это количество и дадимъ поливаемой десятинѣ 100 куб. саж. На этомъ количествѣ можно будетъ остановиться, ибо такихъ дождей у насъ никогда не бываетъ, это достояніе тропическихъ странъ.

Вторымъ способомъ служитъ опытъ.

Такъ въ Валуйскомъ казенномъ участкѣ выливается на десятину не много болѣе 100 куб. саж, и считается вполнѣ достаточнымъ для такой раскаленной пустыни, какъ Самарская губ.

Третьимъ способомъ можетъ служить опытъ въ комнатѣ.

100 куб. саж. воды=80. 000 ведрамъ. По вычисленію это составитъ около 4-хъ ведеръ на 1 кв. аршинъ. **) Возьмемъ ящикъ въ 1 кв. арш. и, насыпавши въ него сухой земли, наливаемъ въ него 4 ведра воды; тогда можно будетъ произвести наблюденіе о степени обильнаго насыщенія земли.

Четвертымъ способомъ служитъ слѣдующаго рода расчетъ. Количество воды, которое растенія испаряютъ за весь вегетаціонный періодъ, можетъ служить указаніемъ, сколько мы должны вылить на десятину, чтобы возмѣстить испаряемую растеніями влагу. По вычисленію Оберланда, нужно на 1 десятину:

для пшеницы . 131 куб. саж., или слой воды въ 118 мм.
„ ржи . . 90 „ „ „ „ „ „ 83 „

---

*) въ 1 десят.=2400 кв. саж. 2400: 48=50. Если выпадаетъ воды на 1 верш. вышины, то это есть $^1/_{48}$ саж. или въ десятинѣ выйдетъ $=\frac{2400}{48}=50$ куб. саж.

**) 1 куб саж. равна 9 кв. саж.=792, 2 вед. Фелькнеръ стр. 270 1 кв. саж.= 9 кв. арш. а потому 1 десят. или 2400кв. саж.=2400:9 или 21. 600 кв. арш.: поэтому на 1 кв. арш. приходится воды 80, 000: 21600=3,74 ведра или почти 4 ведра.

Итакъ, согласно этому основанію, количество воды, необходимой для орошенія одной десятины, будетъ въ среднемъ около 120 куб. саж.

Пятымъ способомъ принимается слѣдующее соображеніе: количество влаги, приносимое атмосферными осадками, можетъ служить мѣриломъ того, сколько слѣдуетъ выливать воды на десятину. Изберемъ слѣдующій путь для изслѣдованія: узнаемъ количество осадковъ, выпадающихъ въ такой годъ, который можно назвать „благопріятнымъ“, т. е. въ такой годъ, когда этими осадками досыта напитаны были поля наши. По наблюденіямъ за рядомъ такихъ годовъ (съ 1877—1880 гг. включительно) въ извѣстной мѣстности, сдѣланъ выводъ, что за растительный періодъ выпало 223 куб. саж. влаги на десятину. Итакъ: вотъ тотъ „паекъ“, при полученіи котораго растенія вполнѣ удовлетворены.

Но этотъ паекъ можетъ быть убавленъ, и вотъ почему: въ самые сухіе годы все-таки ниспадаетъ слой влаги въ 80 куб. саж. на десятину. Вотъ эти-то 80 куб. саж. и можно вычесть изъ вышепоименованной цифры 223. Итакъ, если въ самый засушливый годъ мы выльемъ искусственно только 143 куб. саж. (223—80=143), то все-таки наши поля получатъ сполна тѣ 223 куб. саж., которыми они пользовались бы въ самые благопріятные годы.

Теперь, опредѣливъ количество воды, потребное на десятину, перейдемъ къ другому вопросу: о количествѣ поливныхъ дней въ году.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, прежде всего надо знать, представителямъ какихъ губерній нужнѣе всего орошеніе? Несомнѣнно, юго-восточной Россіи, гдѣ югъ является синонимомъ жары, а востокъ—синонимомъ континентальности. Какъ велика продолжительность сѣва яровыхъ хлѣбовъ въ юго-восточныхъ губерніяхъ? Въ Херсонской губерніи сѣвъ яровыхъ хлѣбовъ начинается съ конца февраля, въ Самарской—съ марта, въ Саратовской — съ апрѣля (стр. 104, № 6, „Земледѣльч. Газ.“ за 1892 г.).

Чтобы не останавливаться долго на этомъ вопросѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не выставлять своего мнѣнія, я сошлюсь на данныя, проставленныя въ сельско-хозяйственномъ календарѣ, составленномъ, какъ извѣстно, цѣлой группой авторитетныхъ лицъ.

Въ этомъ календарѣ время сѣва для разныхъ хлѣбовъ распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ:

Съ 1 по 30 апрѣля .	Макъ, овесъ, подсолнухъ, яровая пшеница, горохъ, ленъ, ячмень, вика.
Съ 1 по 30 мая . .	Бобы, кормовая кукуруза, греча, свекловица, картофель, конопля.

Съ 1 по 15 іюня. . { Турнепсъ, рѣпа, огурцы, высадки капусты, сахарный горошекъ.

Съ 14 іюня сѣвъ озимей, такъ называемой ивановской ржи, которую совѣтуетъ сѣять Стебутъ, чтобы воспользоваться въ этомъ же году укосомъ озимей (стр. 235).

Весь іюнь и іюль идетъ орошеніе травъ и посѣвъ озимей, августъ—посѣвъ озимей, далѣе поливъ оржанищъ и яровищъ для того, чтобы породить хорошій подножный кормъ. На раннія озими хозяинъ никогда не пуститъ скотину, боясь порчи озимей. Но зная, какъ поправляется скотина на озимяхъ, мы создадимъ собственно для пастьбы поле озимей, т. е. будемъ поливать оржанища. (Извѣстно, какъ роскошно растетъ озимь на оржанищахъ и на невспаханныхъ поляхъ въ мочливый годъ). Польемъ яровища и заставимъ итти молодой овесъ. Польемъ травы не для укоса, но для кормежки скота (Герсевановъ, стр. 12: „Въ орошенномъ имѣніи Г. Павлова взято три укоса, а четвертый не косили, но была хорошая кормежка“). А. М. Жеребцовъ поливаетъ озими въ своемъ орошаемомъ участкѣ въ Землѣ Войска Донского до половины сентября (собственноручная записка его, читанная г. Герсевановымъ въ Соляномъ городкѣ, стр. 24).

Итакъ, по моему мнѣнію, орошеніе должно производить въ теченіе ста пятидесяти и двухсотъ дней [1]). Я не говорю о садѣ и ягодникахъ; садъ долженъ поливаться до самыхъ „бѣлыхъ мухъ“.

Теперь, высказавъ мои соображенія о количествѣ воды, которое мы должны вылить на десятину, и о томъ, сколько поливныхъ дней въ году, перейду къ ознакомленію съ тѣми двигателями для накачиванія воды на поля, которые находятся въ нашемъ распоряженіи: 1) люди, 2) животныя, 3) стихіи и 4) паръ. За единицу мѣры всякаго рода силъ принимается работа одной паровой лошади. Паровая лошадь, работающая при насосѣ, поднимаетъ въ 1 секунду на 1 футъ 5,43 куб. фут., или $12^1/_2$ ведеръ, или 9 пуд. 13 фунт. воды (Фелькнеръ, стр. 276) [2]).

1) Упряжная лошадь, при тѣхъ же условіяхъ, поднимаетъ почти 7 ведеръ.

Въ сутки поднимаетъ лошадь паровая . . 1.080,000 вед.
„ „ „ „ упряжная. . 604,800 „

---

[1]) Лица, находящія удобнымъ почему-либо быстро засѣять весь яровой клинъ и также быстро полить его, пусть внимательнѣе прислушаются къ тому отдѣлу моей рѣчи, гдѣ я буду имѣть честь доложить объ аккумулированіи воды въ запрудѣ. Благодаря этому аккумулированію, можно поливать все поле, пожалуй, хоть въ 1 день.

[2]) Хотя вообще принято, что паровая лошадь поднимаетъ 15 пуд. на 1 ф. въ 1 секунду (Бернули, стр. 51), но здѣсь разница въ 5 пуд. и 27 фунтахъ есть слѣдствіе вредныхъ сопротивленій насоса.

Обратите вниманіе на эти цифры. Есть у насъ такія угодья, поверхность которыхъ прямо вода „лижетъ“, волна заплескиваетъ. Вспомнивъ, что на 1 десятину нужно 100 куб. саж., мы увидимъ, что одна лошадь намъ польетъ 7,63 дес. въ сутки. Между тѣмъ нѣкоторые утверждаютъ, что орошеніе, при подъемѣ машиннымъ способомъ, разоряетъ предпринимателей („Труды Саратовскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ“, стр. 46).

2) Вторымъ двигателемъ является сила воды. Водяныя мельницы, какъ извѣстно, пришли въ упадокъ, ибо размолу мало и мука заграницу нейдетъ. Заставимъ же ихъ качать воду на орошаемыя поля. Мельница, поднимающая три постава, равна 12-сильной машинѣ (Фелькнеръ, стр. 289, и Бернулли, стр. 80). Разочтемъ, сколько ведеръ воды въ сутки на извѣстную высоту подниметъ намъ такая мельница?

Обыкновенно средняя высота возвышенныхъ холмовъ горъ отъ уровня рѣкъ = 70 футъ.

Паровая лошадь поднимаетъ на высоту 70 футъ = 1.080,000 : 70 = 15,428 ведеръ, а 12 паровыхъ лошадей поднимутъ 15,428 × 12 = 185,136 ведеръ. Превращая ихъ въ кубическія саженн, получимъ 185,136 : 792 = 233 куб. саж. А такъ какъ намъ нужно дать 100 куб. саж. на каждую десятину, то 233 : 100 = 2,33, и потому такая мельница въ сутки польетъ 2,23 десятины земли, или въ продолженіе 200 дней 2,23 × 200 = 466 десятинъ, или въ 150 дней 349 десятинъ.

Если же высота подъема равна 35 футамъ, т. е. вдвое ниже только что описанной, то намъ такая мельница подастъ воды на 5 десятинъ въ сутки, или отъ 700 до 1,000 десятинъ въ годъ. Сейчасъ я сказалъ о подъемѣ значительною силою малаго сравнительно количества воды, но зато на бо́льшую высоту. Теперь сообщу о противоположномъ, т. е. о подъемѣ громадной массы воды посредствомъ работы ничтожнаго количества воды. Если на возвышенномъ мѣстѣ мы имѣемъ воду, напримѣръ, въ видѣ родника или въ видѣ скопленія снѣговой воды въ сооруженномъ нами прудѣ, и если нашъ родникъ дастъ намъ, допустимъ, только 100 ведеръ въ минуту, то потокъ такой силы, пущенный непосредственно на орошаемыя угодья, польетъ намъ лишь немного болѣе $1^1/_2$ десятины въ сутки. Но если при томъ же количествѣ воды мы имѣемъ угодья, лежащія ниже той поверхности, на которой помѣщается нашъ родникъ, и близъ сихъ угодій расположена рѣка, тогда мы можемъ заставить нашъ родникъ вращать турбину. Посмотримъ, сколько воды въ данномъ случаѣ получимъ мы для поливы. Предположимъ, что вышеопредѣленное количество воды падаетъ съ высоты 40 аршинъ. Сдѣлавъ вычисленіе, уви-

димъ, что при этихъ данныхъ мы можемъ примѣнить турбину съ производительностью въ $5^1/_2$ паровыхъ лошадей.

Если мы употребимъ эту турбину для выкачиванія воды на высоту всего 7 футовъ, то мы получимъ:

1 паровая лошадь	поднимаетъ	на	1	футъ	въ	сутки	1.080.000 в.
5,5 „	„	„	1	„	„	„	1.080.000,5,5 „
5,5 „	„	„	7	„	„	„	1.080.000,5,5 „
							7,

т. е. это составитъ 848,571 ведро.

Считая же съ родникомъ, дающимъ намъ 144,000 ведеръ въ сутки, мы получимъ около 1.000,000 ведеръ, т. е. количество, достаточное для поливки 12 десятинъ. Итакъ, мы болѣе чѣмъ удесятеримъ количество воды, накопленной на вершинѣ горы. Я сейчасъ только изложилъ способъ, какъ удесятерить количество воды, извлекая ее изъ бассейна рѣки и поднимая на извѣстную высоту, доминирующую надъ поймою, предназначенною для орошенія. Пріемъ этотъ употребляется при счастливыхъ сочетаніяхъ двухъ условій: а) воды, находящейся на возвышенности, и б) рѣки. Изложенный пріемъ пригодится намъ и въ томъ случаѣ, когда нѣтъ сочетанія, но есть въ наличности одинъ только наполненный водою прудъ. Здѣсь я буду говорить не объ увеличеніи количества воды, но лишь объ увеличеніи поливной площади земли. Возьмемъ теперь тѣ случаи, когда встрѣчаются слѣдующія неудобства:

1) Лощина или оврагъ удобны [1]) для запруды, но ниже ихъ расположена чужая земля. Опять прибѣгнемъ къ тому же пріему, т. е. будемъ смѣло строить плотину и заставимъ воду, выходящую изъ пруда, падать на водяное колесо, которое, въ свою очередь, приведетъ въ движеніе насосъ, насосъ же будетъ качать воду въ желоба, направляющіе ее на болѣе или менѣе высшую точку уже вашихъ полей. При этомъ, конечно, работающая вода, къ несчастію, будетъ уходить безъ пользы.

Болѣе очевидную пользу принесетъ указываемый мною пріемъ въ томъ случаѣ, если плотина заложена въ срединѣ имѣнія. Возьмемъ для примѣра прудъ г. Жеребцова. Изъ собственноручной записки его, напечатанной г. Герсевановымъ, на стр. 27, мы узнаемъ, что изъ пруда, называемаго „Осиновый“, ежедневно, при поливѣ, выпускается 4 000 куб. сж. Это составляетъ потокъ производительностью около 15 куб.

---

[1]) Удобной для запруды лощиной называется такая лощина, которая, во-первыхъ, имѣетъ пологое дно (тогда, ясно, что и невысокая плотина даетъ громадный прудъ), во-вторыхъ, берега которой круты, что позволитъ намъ устроить не особенно длинную плотину, и, въ-третьихъ дно, не способное пропускать воду.

фт. въ секунду, по трубѣ 12-дюймоваго діаметра. Такой потокъ, направленный на верхнее колесо, даетъ намъ при 7 сж. высотѣ [1]) гидравлическую силу, равную 50 паровымъ лошадямъ (Фелькнеръ, стр. 208). Этою силою воспользуемся для поднятія извѣстнаго количества воды на точку, значительно высшую уровня воды въ прудѣ. Машина эта подастъ намъ количество воды, достаточное для орошенія 48 дес. въ сутки [2]). Конечно, съ пониженіемъ уровня воды въ прудѣ, данныя будутъ измѣняться, такъ какъ высота 7 сж., по мѣрѣ пониженія воды въ прудѣ, будетъ уменьшаться, но цифра 48 десят. въ сутки настолько велика, что если силу двигателя убавить въ пятеро и соотвѣтственно уменьшить цифру подаваемой воды, все-таки въ результатѣ останется внушительная цифра—10 поливныхъ десятинъ въ сутки.

Третьимъ двигателемъ является сила человѣка. Бываетъ иногда, что и человѣкъ можетъ подать много воды; это именно въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ незначительный подъемъ. Допустимъ, что такой подъемъ равенъ 1 футу. Тогда человѣкъ (смѣнный) подастъ въ 12 рабочихъ часовъ въ шестеро меньше того количества, которое подаетъ упряжная лошадь, т. е. около 45 000 ведеръ.

Теперь перейдемъ къ 4-му, т. е. вѣтряному двигателю. Вѣтрянки имѣютъ за себя очень многое, а именно:

1) дешевле парового двигателя и дешевле не въ ариѳметической прогрессіи, но въ геометрической. При крайнемъ разнообразіи цѣнъ на лѣсной матеріалъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, нельзя установить вѣрно цыфры стоимости вѣтряного двигателя, но во всякомъ случаѣ они становятся впятеро дешевле парового, даже и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ лѣсной матеріалъ весьма не дешевъ;

2) вѣтрянки не требуютъ ежедневнаго расхода на топливо;

3) гораздо долговѣчнѣе паровой машины;

4) не потребуютъ механика, а дозволяютъ обходиться деревенскимъ мельникомъ съ жалованьемъ вдесятеро меньшимъ, чѣмъ механикъ.

При поломкѣ,—починка легка, тогда какъ, за неимѣніемъ вблизи механическаго заведенія, поломка какого-нибудь „золотника“ у паровой

---

[1]) Высота плотины у г. Жеребцова = 7 сж.

[2]) Машина въ 50 паровыхъ лошадей намъ поднимаетъ 385 000 ведеръ въ сутки на 14 фт., что хватитъ на 48 десят.

1 паровая лошадь въ 1 сутки на 1 фт. = 1 080 000 в.
50 » » » 1 » » 1 » = 1 080 000 × 50 »
50 » » » 1 » » 14 » = $\frac{1\,080\,000 \times 50}{14}$ » = 3 852 142

3.857 142 : 80 000 (количество ведеръ воды на десятину) = 48.

машины, стоющаго всего 50 коп., вызываетъ: 1) остановку работы, и 2) выписку монтера за сотни верстъ.

Далѣе замѣтимъ, что, благодаря дешевизнѣ постановки вѣтряного двигателя, можно взять болѣе грубый механизмъ для подъема воды, какъ, напримѣръ, чигирь, зная что потеря, которая произойдетъ у насъ отъ несовершенства этого механизма, вознаградится дешевизною. Объяснюсь подробнѣе: если нужно поднять воду на высоту нѣсколькихъ футовъ, тогда предлагаютъ два плана.

1-й планъ: поставить совершеннѣйшій механизмъ для накачиванія воды, стоющій 2000 р., и при немъ паровую машину въ 20 силъ, стоющую 5000 р., итого 7000 р., и

2-й планъ: поставить несовершенный грубый механизмъ, напримѣръ, чигирь, стоющій 300 руб., но при этомъ меня предваряютъ, что вслѣдствіе несовершенства и грубости этого механизма въ сравненіи съ насосомъ, произойдетъ большая потеря силы на преодолѣніе массы вредныхъ сопротивленій, что вызоветъ увеличеніе числа паровыхъ силъ, того мотора, который будетъ приводить въ движеніе нашъ первобытный чигирь; такъ вмѣсто 20 паровыхъ лошадей потребуется 30. Но, принявъ въ соображеніе, что вѣтряной двигатель и въ 30 силъ все-таки будетъ стоить много дешевле паровой машины въ 20 силъ—я смѣло могу принять 2-й планъ.

Но не смотря на всѣ эти достоинства, вѣтрянки получили право гражданства лишь у крестьянъ и находятся въ совершенномъ презрѣніи у помѣщиковъ. Причинъ тому не мало; во-1-хъ, капризность вѣтрянки: когда нужна работа—является затишье и вѣтрянка бездѣйствуетъ, наоборотъ, благодаря сильному вѣтру, вѣтрянка готова произвести максимальную работу—въ экономіи не требуется никакихъ работъ; во-вторыхъ, невыгода вѣтрянки заключается въ томъ, что и въ тотъ день, когда вѣтеръ дуетъ съ утра до ночи—все-таки работа является неравномѣрной. Вѣтеръ дуетъ порывисто, и механику, желающему дать извѣстное число оборотовъ, придется постоянно мѣнять шкивы; въ-третьихъ, неизбѣжная непріятность съ вѣтрянкой заключается въ томъ, что ее можно поставить не тамъ, гдѣ мнѣ угодно, а непремѣнно на горѣ.

Всѣ перечисленныя неудобства были мною устранены:

1) вѣтряная сила работаетъ 365 дней въ году;

2) механизмы, приводимые ею въ движеніе, идутъ плавно, шкивы совершаютъ заданное число оборотовъ въ извѣстную единицу времени;

3) наконецъ, можно пользоваться силою вѣтровъ въ любой долинѣ, въ любомъ ущельѣ.

Достигается это слѣдующимъ образомъ:

Вѣтряной двигатель накачиваетъ воду изъ рѣки на вершину горы въ запруженную лощину и изъ этого-то пруда мы почерпаетъ возможность производить орошеніе, и механическія работы, какъ въ вѣтряные, такъ и безвѣтряные дни. Вспомнимъ, что тамъ, гдѣ есть рѣка, тамъ непременно должна существовать гора, и тамъ непремѣнно на вершинѣ ея, должны быть даровыя, природою изготовленныя водовмѣстилища, т. е. лощины, которыя вырабатываются на вершинахъ всѣхъ горъ, благодаря паденіямъ весеннихъ водъ. Такимъ образомъ природа указываетъ намъ путь, воспользоваться которымъ мы до сихъ поръ не умѣли. Мы запруживаемъ лощины, но испареніе и просачиваніе похищаютъ нашъ запасъ воды и неоткуда его восполнить. Мы строимъ вѣтрянки, но онѣ отказываются накачивать воду на наши поля, какъ разъ тогда, когда намъ является наибольшая необходимость въ этомъ. У насъ есть вода въ рѣкѣ, но поля наши расположены на возвышенности. Мы съ грустью провожаемъ глазами благодатныя струи утекающихъ водъ. Между тѣмъ мы имѣемъ полную возможность использовать и силу вѣтра, и воду рѣки, пользуясь мѣстными условіями.

Начнемъ съ того, что запрудимъ лощину и положимъ въ основаніе ея трубу такого діаметра, чтобы она могла пропускать количество воды, потребное для орошенія нашихъ угодій. Далѣе, поближе къ обрыву, поставимъ вѣтряной двигатель гдѣ-нибудь на возвышеніи. За симъ проведемъ отъ рѣки канаву къ подошвѣ этой горы и будемъ въ вѣтряные дни качать воду въ устроенную нами на горѣ запруду. Тогда весь ходъ дѣла рѣзко измѣняется: вода въ рѣкѣ вмѣсто того, чтобы безслѣдно утекать въ море, перемѣщается на поля для того, чтобы оросить ихъ. Запруженная лощина возмѣщаетъ свои потери отъ высыханія притокомъ новыхъ водъ изъ рѣки и, наконецъ, сила вѣтра подчиняется нашимъ желаніямъ. Выше я поименовалъ тѣ недостатки вѣтряного двигателя, вслѣдствіе которыхъ онъ бракуется. Всѣ эти недостатки устраняются слѣдующимъ образомъ: Благодаря громадной и даровой силѣ вѣтра, мы можемъ щедро расходовать ее, т. е. накачивать воду не только непосредственно на орошаемыя поля, но и про запасъ, въ прудъ, находящійся на горѣ. Допустимъ, что для поднятія на наши поля количества воды въ полмилліона ведеръ намъ нуженъ двигатель въ 20 силъ. Тогда, предположивъ, что въ году половина дней безвѣтрянныхъ *), мы построимъ двигатель не въ 20, а въ 40 силъ.

*) Метеорологическія наблюденія указываютъ, что мы имѣемъ 146 дней въ году со скоростью вѣтра 6 метровъ въ секунду. Это наиболѣе благопріятная для вѣтрянокъ скорость. Далѣе мы имѣемъ меньшія скорости, гдѣ вѣтрянки работаютъ слабѣе, и большія, гдѣ работаютъ энергично и, наконецъ, совсѣмъ (около 120 дней) не работаютъ или вслѣдствіе полнаго безвѣтрія, или вслѣдствіе бурь.

Ясно, что располагая двойнымъ количествомъ нагнетаемой воды, мы половину ея будемъ качать про запасъ въ прудъ и половину пустимъ на поля.

Профессоръ Клоссовскій вычисляетъ, что двигатель въ 10 силъ накачиваетъ въ 137 дней на 10 сж. около 37 милліоновъ ведеръ, или количество воды, достаточное для орошенія почти 500 десятинъ. Но надо строить вѣтряной двигатель вдвое сильнѣе, т.-е. въ 20 силъ, ибо мельникъ, ухаживающій за малой вѣтрянкой, беретъ положительно одинаковое жалованье, что на мельницѣ въ 40 силъ, что на мельницѣ въ 20 силъ. Другихъ же расходовъ на вѣтрянку не полагается. Удвоивъ двигатель, мы не удвоимъ, а почти утроимъ количество доставляемой воды, т. е. получимъ 100.000 000 ведеръ. Изъ этого числа половину мы будемъ непосредственно разливать на поля, а половину собирать въ прудъ. Для этого намъ понадобится прудъ размѣромъ въ 20 десятинъ при средней 2-хъ-саженной глубинѣ. Сдѣлаемъ расчетъ затратъ, которыя мы должны произвести для выполненія 1-й половины оросительныхъ работъ, т. е. подъема воды на высшую точку имѣнія. Для орошенія 1 000 десятинъ пруды въ 233 десятины обошлись г. Жеребцову въ 30 000 руб.; при томъ, что онъ платилъ по 2 р. за кубикъ (какъ это видно изъ „Земл. Газ.“, № 27, 1889 г. 569 стр.), значитъ нашъ прудъ въ 20 десятинъ обойдется намъ въ 2 560 руб. Далѣе вѣтряной двигатель при покупномъ лѣсѣ—1 000 руб., насосъ 1 300 руб., засимъ желоба около 500 руб., итого около 5 000 руб.; т.-е. 5 руб. на десятину. Порядокъ поливы будетъ слѣдующій: къ 1-му апрѣлю прудъ нашъ безъ всякаго содѣйствія вѣтряного двигателя наполняется самъ собою снѣговою водою. Заключая въ себѣ 74.000 000 ведеръ, онъ ороситъ девять сотъ двадцать десятинъ яровыхъ хлѣбовъ.

Хотя намъ говорятъ, что теоретическія выводы не вѣрны, ибо на практикѣ прудъ безплодно много тратитъ на испаренія и просачиваніе, но надо имѣть въ виду, что весной возможно засѣять очень быстро все яровое поле, какъ приготовленное пашней съ осени и потому, быстро выливъ всю воду изъ пруда, мы не дадимъ ей много испаряться съ поверхности пруда, кромѣ того и воздухъ еще не настолько сухъ, чтобы могъ вызвать большое испареніе. Но тѣмъ не менѣе предположимъ, что половина запасенной воды въ прудѣ испарится и уйдетъ на просачиваніе черезъ дно пруда. Тогда прудъ нашъ польетъ 450 десятинъ. Далѣе вѣтряный двигатель, накачивающій намъ по полмилліона ведеръ въ сутки, въ 1 день дастъ намъ количество воды, достаточное для орошенія 40 десятинъ. Такимъ образомъ яровой клинъ будетъ весь орошенъ.

Теперь, къ 1-му сентября, т. е. ко дню окончанія сѣва озимыхъ, мы должны получить изъ рѣки еще 40.000.000 ведеръ для орошенія 500 десятинъ озимаго клина. Конечно, съ 1 апрѣля и по 1 сентября изъ 150 дней непремѣнно наберется 80 дней съ благопріятнымъ вѣтромъ, и нашъ вѣтряный двигатель накачаетъ намъ требуемое количество ведеръ. Часть накачиваемой воды будетъ собираться въ прудѣ, другая часть пойдетъ непосредственно на засѣваемыя озими.

Пятымъ двигателемъ является паровая машина. Относительно паровыхъ машинъ приведу лишь слѣдующія данныя. Паровая машина въ 1 силу на 1 футъ дастъ 1.080.000 ведеръ въ сутки. Паровая машина въ 1 силу на N фут. $= \frac{1.080.000}{N}$ ведеръ. Этотъ расчетъ можно найти въ любомъ руководствѣ механики. Но я замѣчу, что лицо, желающее на нѣсколько дней удесятерить производительность своей паровой машины, можетъ это сдѣлать весьма дешево. Если въ имѣніи вашемъ находится рѣка, то къ ней непремѣнно будетъ прилегать возвышенность, а на ней непремѣнно будутъ лощины. Перегораживайте одну изъ лощинъ и гоните воду въ эту лощину посредствомъ вашей паровой машины. Тогда, скопивъ, допустимъ, въ теченіе 40 дней воду на возвышенности, пустите ее на водяное колесо, или на турбину, и получите возможность удесятерить производительность работы. Такъ, предположимъ, что благодаря дождливому лѣту, травы ваши обошлись безъ искусственнаго орошенія и вы запаслись про черный день водою, нагнетая ее въ вашъ прудъ. Но вотъ настала пора сѣва озимыхъ, а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ; тогда вы, кромѣ того, что будете накачивать на ваши поля воду паровою машиною, спустите также и воду, скопленную вами въ запрудѣ, и въ нѣсколько дней оросите все ваше паровое поле.

Теперь, окончивъ описаніе двигателей, перейдемъ къ передаточнымъ механизмамъ.

I. Для работы лошадьми лучшимъ передаточнымъ механизмомъ служитъ топчакъ.

Думаю, что всякій хозяинъ долженъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы прибѣгать къ такого рода способамъ, благодаря которымъ упростился бы контроль и уменьшилось бы число рабочихъ рукъ. При топчакѣ не нужно погонца, лошадь идетъ сама и ровно, какъ часы. Покойный знатокъ сельско-хозяйственныхъ орудій, Черняевъ, такъ охарактеризовалъ топчакъ:

1) много производительнѣе другихъ приводовъ;

2) работаетъ крайне равномѣрно;

3) не ломокъ, а если и сломается, то починяется мѣстными средствами;

4) прилежныя, лѣнивыя, слѣпыя, съ порченными ногами, старыя и молодыя лошади работаютъ одинаково успѣшно. При этомъ желательно было бы, чтобы онъ (топчакъ) былъ перевознымъ.

Въ настоящее время въ Америкѣ устраиваютъ 4-хъ-конные перевозные топчаки, подлинникъ которыхъ мнѣ довелось видѣть у Липгарта въ Москвѣ.

Переходя къ насосамъ, я долженъ указать на центробѣжный насосъ Гвина (Лондонъ, Каненгстритъ, 89); онъ поднимаетъ какое угодно количество воды на высоту 100 футовъ. Такъ въ имѣніи князя Вяземскаго и въ удѣльныхъ имѣніяхъ Самарской губ. насосы эти поднимаютъ колоссальное количество воды. Напр. въ имѣніи князя Вяземскаго при 28-сильномъ двигателѣ онъ поднимаетъ на 70 фут. высоты 20.000 ведеръ въ часъ. Стоимость такого насоса всего 1.300 р. сер.*). Конечно, съ увеличеніемъ количества воды, цѣнность будетъ увеличиваться. Я нарочно подробно выписываю данныя и цифры стоимости насоса, ибо есть люди, находящіе выгоды въ преувеличеніи расходовъ на орошеніе. Составляя смѣты, они указываютъ на самые дорогіе насосы. Такъ, напр., директоръ Маріинскаго Земледѣльческаго Училища Сладковъ вычисляетъ, что для подъема ничтожнаго количества воды, 3000 ведеръ въ часъ, на сравнительно ничтожную высоту—50 фут. понадобится насосъ, стоимостью въ 800 руб. сер. Далѣе же г. Сладковъ утверждаетъ, будто для подъема воды на высоту 50 фут. центробѣжные насосы не годятся („Земледѣльч. Газета“ 1892 г., № 18). Печально отмѣчать такое незнаніе элементарной механики, проявляемое начальникомъ Земледѣльческаго Училища. Вотъ причины, по которымъ сторонится каждый небогатый помѣщикъ отъ мысли объ устройствѣ орошенія.

Устройство запрудъ.

Окончивъ описаніе способовъ подъема воды на поля изъ рѣкъ, перейдемъ къ устройству запрудъ, для скапливанія снѣговой воды. Дѣлу этому мы должны посвятить особое вниманіе, ибо громадная польза отъ сбереженія драгоцѣнной влаги на поляхъ слишкомъ очевидна для всѣхъ, интересующихся сельскимъ хозяйствомъ, и тысячи лицъ, болѣе талантливыхъ, чѣмъ я, поставили этотъ вопросъ на должную высоту. Поэтому перейду прямо къ сооруженію плотинъ. Да простятъ меня читатели, что

*) Не въ Англіи, а здѣсь, значитъ съ очисткою пошлинъ.

я часто дѣлаю ссылки на орошеніе г. Жеребцова. Дѣло въ томъ, что его многознаменательный опытъ устройства орошенія болѣе 1000 десятинъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: частныя лица, воспитанники и профессора земледѣльческихъ училищъ и, наконецъ, организаторъ общественныхъ работъ, генералъ Анненковъ, приняли систему орошенія г. Жеребцова за образецъ. Поэтому съ этой системой нужно считаться. Система эта много имѣетъ хорошихъ качествъ; но она настолько дорога, что отпугиваетъ, а не заманиваетъ средняго помѣщика, а между тѣмъ я поставилъ задачей своей жизни помогать посильными трудами и указаніями прежде всего небогатымъ помѣщикамъ. Позвольте же перечислить и указать тѣ пріемы, примѣняя которые, мы можемъ вдесятеро сократить расходы на десятину, противъ 100 руб., какъ это вышло у г. Жеребцова.

Гдѣ лѣсъ недорогъ, тамъ вмѣсто земляной плотины слѣдуетъ строить деревянную шпунтовую. Сосчитайте, что стоитъ г. Жеребцову каждая погонная сажень его плотины и сравните съ шпунтовой. Каждая погонная сажень имѣетъ 154 куб. саж. земляной насыпи. Платилъ онъ за насыпку кубика въ среднемъ 1 р. 75 к. („Землед. Газ., 1889 г., № 27, стр. 569). Помноживъ 1 р. 75 к. на 154, получимъ сумму въ 269 руб., тогда какъ деревянная стѣна стоила бы всего 26 руб., значитъ вдесятеро дешевле. Далѣе, выждавъ весны и наполнивъ вашъ прудъ водой, будемъ выпускать эту воду на водяное колесо и заставимъ это колесо производить работу насыпки земли. Когда мы насыплемъ земляную плотину, то деревянную разберемъ и отдадимъ для пользованія другому владѣльцу*).

Спускъ воды изъ пруда.

Спускъ воды изъ пруда для поливки долженъ производиться непремѣнно черезъ трубу, находящуюся въ самомъ основаніи плотины. Это будетъ способствовать продиранію дна пруда,—что весьма важно, такъ какъ извѣстно, что на днѣ пруда всегда происходитъ осадокъ земли, которою насыщены воды, стекающія весною съ полей и наполняющія прудъ. Въ данномъ случаѣ нельзя не остановиться на разсужденіяхъ объ этомъ вопросѣ г. Жеребцова и другихъ. Самъ Жеребцовъ (Гер-

*) Лица, желающія имѣть подробное указаніе производства земляныхъ работъ указаннымъ способомъ, благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: Моховая, д. № 31, кв. 1.

севановъ, стр. 22) и посѣщавшія его лица гг. Сладковъ, Кизенковъ и др. впадаютъ въ слѣдующую ошибку. Они говорятъ: „чѣмъ ниже заложена труба въ тѣлѣ плотины, тѣмъ болѣе уменьшается поливное поле. Поэтому одинъ (Жеребцовъ) совѣтуетъ класть трубу не въ самомъ основаніи плотины, а выше, сбоку; другіе, напр., Сладковъ, хвалятъ сифонъ. Между тѣмъ ни та, ни другая мѣра никуда не годятся. 1-я мѣра неудобна, во 1-хъ, потому, что останется всегда въ прудѣ слой воды неиспользованной, и, во 2-хъ, потому, что весенняя вода будетъ загрязнять дно пруда. Но если труба проложена въ самомъ основаніи плотины, то черезъ нее будетъ „продирать“ дно пруда. Кто много путешествовалъ, осматривая запруды, того не могло не поразить быстрое затягиваніе тѣхъ изъ нихъ, которыя не имѣютъ нижней спускной канавы. Если встать на плотину, когда вода спущена, и взглянуть на одну сторону плотины—наружную, то увидимъ пропасть. Повернемъ голову на другую сторону, т. е. глянемъ на ложе пруда—спрыгнуть можно. Кому изъ владѣльцевъ мельницы не извѣстно, что „оголецъ“, т. е. елань лѣса, высоко поднятая, въ одну весну обмеляетъ прудъ рѣки. Если же прибѣгнемъ къ сифону, то встрѣтимъ тоже неудобство, т. е. затягиваніе пруда. Но какъ же помочь горю, чтобы и труба лежала минимально низко, и на высшія точки поля шла полива? Оказывается—очень просто: слѣдуетъ наружный, выходной конецъ трубы снабдить кривымъ колѣномъ, равнымъ высотѣ плотины. Ясно, по закону сообщающихся сосудовъ, вода въ колѣнѣ станетъ на одинъ уровень съ водою въ прудѣ. Тогда слѣдуетъ просверлить рядъ отверстій въ вертикальномъ концѣ трубы и черезъ эти отверстія производить выпускъ воды, сперва на поля, лежащія немного ниже уровня воды въ прудѣ, а потомъ спускаться все ниже и ниже и т. д., пока не дойдетъ до самаго послѣдняго отверстія, расположеннаго противъ горизонтальнаго конца трубы, т. е. до самаго дна пруда. Въ это то отверстіе мы, между прочимъ, и пустимъ воду въ вешнее водополье. Такимъ образомъ, воспользовавшись указаннымъ приспособленіемъ, мы польемъ всю площадь полей, лежащихъ ниже уровня воды въ прудѣ, а не ограничимся поливомъ лишь той площади на ней, которая лежитъ ниже дна плотины.

Матеріалъ для трубъ.

Желѣзныя трубы весьма дороги; стоимость ихъ доходитъ до 70 р. за погонную сажень; поэтому для людей небогатыхъ нельзя не посовѣтовать обходиться деревянными. Возьмемъ трубы діаметромъ 12 дюймовъ,

т. е. съ площадью около 36 вершковъ (такой діаметръ имѣютъ трубы у Жеребцова, см. „Землед. Газ.“, 1889 г., № 27). Если мы поставимъ трубу такого размѣра, чтобы вся площадь внутренней пустоты равнялась 36 кв. вершк., то намъ понадобятся доски для широкой стороны въ $8^1/_4$ вершковъ ширины и для узкой въ 8, при 2 вершкахъ толщины (фиг. 1.) На постройку трубы въ 15 саж. пойдетъ 20 досокъ, трехсаженной длины. Приблизительно каждая такая доска стоитъ 1 р. 50 к. Вся труба съ винтами и смолой стоитъ около 100 руб. тогда какъ чугунная стоила бы 1050 руб., какъ мы это видѣли напримѣръ у г. Жеребцова. При постройкѣ деревянной трубы нужно наблюдать слѣдующія правила: 1) спайка досокъ одного бока не должна совпадать со спайкой досокъ другого бока; 2) щеки досокъ гдѣ къ нимъ будутъ подшиваться днища, должны быть тщательно профугованы; 3) доски должны выбираться безъ сучковъ; 4) скрѣпленія должны производиться не гвоздями, а винтами; 5) доски должны быть осмолены, но осмолены послѣ того, какъ труба будетъ сколочена, а никакъ не прежде; 6) прежде чѣмъ положить трубы на мѣсто, слѣдуетъ ихъ испробовать. Дѣлается это такимъ образомъ: оба конца трубы наглухо заклепываются и труба наполняется водою. Засимъ въ какой либо бокъ ввинчивается втулка, на эту втулку надѣвается и пришнуровывается пеньковый рукавъ. Далѣе, надъ трубою ставятся двѣ возможно длинныя лѣстницы *), связанныя на верху.

Тогда конецъ рукава поднимается къ самому верху лѣстницы и въ нее льется вода. Длина рукава должна быть никакъ не менѣе предполагаемой высоты плотины. Если при этомъ испытаніи труба наша не потечетъ, то мы смѣло можемъ ее класть, ибо отъ воды доски разбухнутъ и тѣмъ самымъ еще болѣе скрѣпятся. Хорошо просмоленная труба можетъ пролежать многіе десятки лѣтъ, по истеченіи которыхъ доски не потеряютъ своей цѣнности и могутъ прослужить еще столько же лѣтъ въ видѣ половицъ или потолочинъ.

Само собою разумѣется, что чугунная труба лучше деревянной, но разъ у владѣльца нѣтъ въ карманѣ 1000 руб., а есть лишь 100 р., то нужно ли ему отложить постройку плотины, боясь лишь того, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ ему или его наслѣднику придется раскопать средину пруда и замѣнить трубы новыми. Ставимъ же мы деревянные столбы для телеграфныхъ проволокъ, навѣрняка зная, что чугунные были бы лучше и много долговѣчнѣе.

---

*) Такъ чтобы отвѣсъ ихъ равнялся вышинѣ будущей плотины.

Не знаю, согласятся ли со мною, но я упорно совѣтую всѣмъ владѣльцамъ, начинающимъ устраивать орошеніе, держаться сперва минимальныхъ расходовъ, а затѣмъ уже, получивъ въ 1-й же годъ „презентъ“, какъ выражаются мужики, отъ произведеннаго орошенія, изъ этого плюса можно дѣлать всевозможныя дорогія улучшенія, такъ, напримѣръ, замѣнить деревянную трубу не только желѣзною, но хоть даже и алюминіевою.

Одно изъ великихъ качествъ, присущихъ орошенію, заключается въ быстромъ возмѣщеніи затратъ. Взгляните въ офиціальные отчеты конторы Валуйскаго казеннаго участка Самарской губ. Съ орошенной десятины получено 175 пуд., а съ неорошенной въ тотъ же годъ и въ той же смежной мѣстности всего 16 пудовъ („Землед. Газета, № 6 стр. 104, 1892 г.). Можно усомниться въ отчетѣ, представленномъ частнымъ лицомъ, но если отчетъ пишетъ управляющій казеннымъ участкомъ, то всякаго рода сомнѣнія не умѣстны. Ибо если онъ напечатаетъ, что: „ввѣренный моему управленію участокъ далъ 175 пуд.,“ то вѣдь контрольное отдѣленіе того вѣдомства, къ которому принадлежитъ завѣдываемый имъ участокъ, непремѣнно потребуетъ оправдать показанную въ печати цифру. Далѣе, принявъ въ соображеніе другое качество, присущее орошенію, а именно то, что на орошенныхъ земляхъ можно сѣять самые дорогіе сорта хлѣба, легко будетъ понять возможность быстраго осуществленія того правила, который я проповѣдываю: „затрачивать сначала весьма немного съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи дешевые и болѣе тлѣнные предметы замѣнять по возможности лучшими и, соотвѣтственно, весьма дорогими приспособленіями, черпая средства изъ тѣхъ суммъ излишняго дохода, которыя мы получили отъ введенія орошенія“. Тамъ, гдѣ есть недорогіе сосновые и дубовые лѣса, тамъ вмѣсто трубъ изъ досокъ нужно класть помпы (трубы), т. е. цѣльныя деревья, просверленныя внутри. Дубъ трудно поддается сверленію, а потому его лучше распилить пополамъ и затѣмъ вновь соединить, сковать желѣзными обручами и проконопатить паклей съ сурикомъ. Такого рода дубовая труба можетъ прослужить двумъ поколѣніямъ владѣльцевъ. Набивая обручи, не слѣдуетъ жалѣть денегъ и брать самое толстое желѣзо, такъ называемое „однопрокатная шина“. Порядокъ набивки таковъ: обѣ половинки дуба сжимаютъ сильными тисками возможно крѣпче, чтобы, какъ говорится, „сокъ пошелъ“; засимъ вплоть къ тискамъ набивается обручъ и на-туго заклинивается, потомъ, отступая съ $^1/_2$ арш., сжимаютъ дерево и набиваютъ другой обручъ, и т. д. Фуговка распиленныхъ половинокъ въ мѣстахъ разрѣза должна быть особенно тщательна, по линейкѣ и притомъ съ выемкой для помѣщенія жгута и конопатки, которые мы впослѣдствіи

будемъ сгонять молоткомъ. Въ разрѣзѣ наша труба представитъ видъ, изображенный на фигурѣ 2-й. Такихъ трубъ придется положить нѣсколько въ рядъ, чтобы общая сумма площадей отверстій равнялась данной площади. Прудъ весною, немедленно послѣ наполненія его водою, долженъ быть огражденъ отъ размыва бурными потоками весенней воды. Повнимательнѣй присмотрѣвшись къ способамъ, употребляемымъ для достиженія означенной цѣли нашими организаторами орошенія, будемъ поражены крайне ребяческими пріемами, которые практикуются въ этомъ случаѣ.

Объясню примѣромъ. Что сказали бы вы про ту особу, которая, наливая въ кувшинъ воды и замѣтивъ, что онъ полонъ, не прекратила бы наливать воду, а кинулась бы изыскивать способы, какъ бы излишнюю воду поскорѣе спустить черезъ разные краны и другіе водоспуски.

То же самое продѣлываютъ разные хозяева прудовъ; спокойно слѣдятъ они, какъ переполняется весь прудъ, и въ голову имъ не приходитъ прекратить это наполненіе и тогда, когда прудъ уже полонъ. Нѣтъ, вся забота ограничивается лишь только тѣмъ, чтобы, впустивъ воду съ одного конца, выпускать ее въ другой конецъ. И для этого устраиваютъ весьма недешевыя сооруженія, такъ инженеръ Баталинъ заявляетъ, что правильно устроенный водоспускъ долженъ стоить не дешевле 1000 руб. („Землед. Газ.“, 1892 г. № 11, стр. 211).

Между тѣмъ ларчикъ просто открывается. Слѣдуетъ всю площадь пруда огородить невысокимъ „валомъ“, не выше $^3/_4$ арш. [1]) Тогда весенняя вода будетъ скатываться, не вливая ни одной капли въ прудъ, для наполненія же пруда, конечно, придется сдѣлать въ насыпи шлюзы. Когда прудъ наполненъ, шлюзы эти закрываются, и наполненіе прекращается.

Значеніе такого вала громадно. Не надо забывать и слѣдуетъ помнить каждую минуту, что въ нашъ прудъ вливается вода не съ луговъ и ковыльныхъ степей, а съ распаханныхъ полей, а потому весенняя вода заключаетъ въ себѣ массу земляныхъ частицъ. Поэтому, разъ прудъ наполненъ до краевъ, намъ незачѣмъ переливать изъ пустого въ порожнее, незачѣмъ превращать нашъ прудъ въ бездонную бочку. Нѣтъ! надо просто прекратить наполненіе, опустивъ шлюзы [2]). Стоимость такого вала весьма не велика. Допустимъ, что нашъ прудъ занимаетъ 100 десятинъ. Если измѣрить линію краевъ пруда, то получимъ длину ея 2500 са-

---

[1]) Валъ долженъ имѣть покатость 1 верш. на 100 сж. по направленію отъ вершины пруда къ плотинѣ.

[2]) Съ первовесенья земля еще не «отпыхнула», какъ говорятъ мужики, т. е. не растаяла, и потому первыя струи чисты.

женъ. Валъ такой длины обойдется никакъ не дороже 60 руб. Нужно только производить работу отнюдь не только въ ручную, но и присоединить и плугъ. Плугъ долженъ проводить борозду и отваливать тѣмъ самымъ пластъ въ 8 вершковъ глубины. Такимъ образомъ у насъ получится валъ вышиною въ 8 вершковъ. Далѣе плугъ отваливаетъ такой же пластъ, который насыпается сверху перваго уже ручнымъ трудомъ, 200 бабъ въ одинъ день перевалятъ пластъ въ 2500 саженей длины, ибо каждой бабѣ въ день придется перекидать ленту земли всего въ 13 саж. протяженіемъ. Такимъ путемъ мы получимъ валъ болѣе чѣмъ въ 3 аршина вышины.

Г. И. Аристовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣмецкое землевладѣніе въ Россіи.

За послѣднее время въ газетахъ довольно часто попадаются сообщенія о покупкахъ нѣмцами разоренныхъ дворянскихъ имѣній. Между прочимъ черниговскій корреспондентъ „Н. В.“ рисуетъ картину того смятенія, которое обуяло жителей села Бѣгоча при извѣстіи, что теперешній владѣлецъ послѣдняго продаетъ большую часть своего имѣнія—около 2000 десятинъ какимъ-то нѣмцамъ. Можно предполагать, что такое отношеніе народа—явленіе всеобщее и повсемѣстное, что оно также широко распространено по лицу Русской земли какъ и само нѣмецкое землевладѣніе, ростъ котораго представляетъ послѣдствіе нашей экономической политики двухъ послѣднихъ столѣтій. Нѣмецкая колонизація Россіи, сначала искусственно насаждаемая по почину Русскаго правительства съ цѣлью подъема культуры нашего собственнаго земледѣлія, вскорѣ организовалось самостоятельно и приняла, при содѣйствіи ландъ-банка и и государственнаго германскаго кредита такіе размѣры, что и земскіе и мѣстные органы и центральная власть лѣтъ пять-шесть тому назадъ поставили вопросъ о необходимости какихъ-нибудь искусственныхъ преградъ и ограниченій. Въ юго-и сѣверозападныхъ краяхъ площадь нѣмецкихъ земель достигла сотенъ тысячъ десятинъ, тамъ нѣмецкая колонизація приняла характеръ успленнаго заселенія нашихъ окраинъ и побудила правительство прибѣгнуть къ ограничительнымъ мѣрамъ, главнымъ образомъ по политическимъ и кажется даже стратегическимъ соображеніямъ. Еще шире раскинулись нѣмецкія поселки на югѣ и востокѣ Россіи, въ Крыму, въ Херсонской, Екатеринославской, Самарской Саратовской и др. губерніяхъ, гдѣ населеніе болѣе рѣдко, цѣны земли болѣе низки и гдѣ несуществовало никакихъ политическихъ побужденій къ ограниченію. Въ Екатеринославской губерніи на ряду съ нѣмецкими колоніями выдѣлился типъ нѣмцевъ-помѣщиковъ, владѣющихъ нерѣдко громадными участками по 2 по 3 и болѣе тысячъ десятинъ. Запрещаемое закономъ 14 марта 1807 г. только въ царствѣ польскомъ и въ 11-ти губерніяхъ западной полосы Россіи, нѣмецкое землевладѣніе въ разныхъ видахъ

продолжаетъ расти и развиваться во всѣхъ остальныхъ областяхъ. Это чрезвычайно быстро растущее явленіе нашей экономической жизни, и намъ давно пора считаться съ нимъ и установить къ нему то или иное, но во всякомъ случаѣ, строго сознательное отношеніе, основанное на точномъ изученіи той роли какую оно можетъ играть въ экономической жизни нашего народа, и того вліянія, которое оно оказываетъ на его бытъ.

По прошествіи чуть ли не цѣлаго столѣтія нѣмецкой колонизаціи можно смѣло сказать, что та цѣль, во имя которой Екатерина II и послѣдующіе государи поселяли на русскихъ земляхъ нѣмцевъ, оказалась совершенно недостигнутою: благодаря ли костности русскихъ или можетъ быть вслѣдствіе замкнутости и обособленности нѣмцевъ, но, во всякомъ случаѣ, нѣмецкія колоніи не оказали никакого или почти никакого вліянія на подъемъ нашей сельскохозяйственной культуры. Такимъ образомъ главный доводъ, который могъ бы быть приведенъ въ оправданіе развитія нѣмецкихъ колоній съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ хозяевъ, отпадаетъ самъ собою.

Нѣмцы въ Россіи несомнѣнно являются представителями несравненно болѣе высокой земледѣльческой культуры, чѣмъ русскіе хозяева и русскій народъ. Но это превосходство культуры, не сообщаемое окружающему русскому населенію, ужь тѣмъ самымъ, что оно остается исключительною принадлежностью нѣмецкихъ поселенцевъ, при всякомъ столкновеніи интересовъ на широкомъ поприщѣ всеобъемлющей, вездѣсущей свободной конкурренціи, становится враждебною прямо силою коренному жителю страны. При всеобщей экономической борьбѣ за существованіе культурный среди некультурныхъ является сильнѣйшимъ среди слабѣйшихъ. Еслибъ культура дѣйствительно распространялась среди окружающаго населенія, она была бы благодѣтельна для него; но она остается исключительною принадлежностью нѣмцевъ и является гибельною для насъ. Если нѣмецъ, благодаря превосходству своей культуры, можетъ извлекать изъ земли большіе доходы чѣмъ русскій крестьянинъ, то онъ всегда будетъ въ силахъ предложить за нее такую цѣну, которая окажется не по карману послѣднему. При безграничномъ господствѣ свободной конкурренціи владѣльцемъ земли, ея такъ сказать законнымъ собственникомъ всегда въ концѣ концовъ долженъ стать тотъ, кто способенъ получить изъ нея наибольшій доходъ. Естественный ходъ событій приведетъ къ тому, что нѣмцы, какъ лучшіе хозяева, должны вытѣснить и мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и захватить въ свои руки всѣ свободныя къ продажѣ земли Россіи. Русскій народъ, какъ наименѣе культурный, по жестокимъ экономическимъ законамъ, при свободной конкурренціи нѣмцевъ имѣетъ право существовать на своей землѣ только въ качествѣ безземельнаго батрака

да и то до той лишь поры, пока не будетъ вытѣсненъ нѣмецкимъ-же батракомъ, болѣе приспособленнымъ къ требованіямъ „культурнаго“ нѣмецкаго хозяйства. Община, крестьянскіе надѣлы, мелкое мужицкое землевладѣніе и т. д. все это представляетъ собою съ точки зрѣнія желѣзныхъ законовъ экономической борьбы за существованіе и выливанія экономически сильнѣйшихъ хозяйственныхъ формъ и единицъ только гуманные архаизмы и проявленіе нашей „отсталости“. Несомнѣнно, мы присутствуемъ при самомъ началѣ грандіознаго экономически-этнографическаго процесса вытѣсненія менѣе культурной народности народностью болѣе культурною.

Нашествіе нѣмцевъ на Россію совершенно тождественно съ движеніемъ культурныхъ народовъ въ дикія страны Африки, Америки и Австраліи. Насъ губитъ высшая земледѣльческая культура, которою мы не въ силахъ овладѣть. Русское государство и русская интеллигенція должны идти двоякимъ путемъ: во-первыхъ, путемъ подъема нашей собственной земледѣльческой культуры, во вторыхъ — безусловнымъ воспрещеніемъ дальнѣйшей нѣмецкой колонизаціи Россіи и расширенія нѣмецкаго землевладѣнія. Какъ ни досадно было бы кому-либо становиться на національную точку зрѣнія, но къ этой печальной необходимости насъ приводитъ сама жизнь и жестокая логика фактовъ: при данныхъ культурно-историческихъ условіяхъ допускать принципъ равноправности національностей на пріобрѣтеніе земель, значитъ обрекать свой народъ на обезземеленіе, поголовное батрачество и медленное, систематическое вымираніе. Самый возвышенный космополитизмъ вскормленной народными трудами интеллигенціи при такомъ роковомъ стеченіи обстоятельствъ становится равносильнымъ съ ея стороны предательству родного народа. Правы тѣ, кто твердитъ великую евангельскую истину: „всѣ люди—братья“—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы вправѣ были допустить покупку Бѣгочской дачи нѣмцами и полное разореніе тысячи душъ бѣгочевскихъ крестьянъ: такое „братство“ ни чѣмъ не отличалось бы по послѣдствіямъ отъ равнодушнаго попустительскаго братоубійства. Въ каждомъ частномъ случаѣ подобное признаніе „свободы правъ“ чужой національности влечетъ за собою обнищаніе ближайшихъ селъ и деревень и гибель мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Доведенная до крайнихъ предѣловъ и не сообразованная съ условіями быта космополитическая гуманность можетъ оказаться самымъ жестокимъ и кровожаднымъ изъ идоловъ. Обезземеленные, вымирающіе отъ нищеты бѣгочевцы, которыми кишитъ Русская земля—въ извѣстной мѣрѣ жертвы нашего интеллигентнаго прекраснодушія. Одновременно съ проповѣдью свободы нѣмецкихъ закупокъ земли приходится слышать, что въ однѣхъ только

среднихъ губерніяхъ число крестьянъ, не могущихъ приложить свой трудъ къ землѣ, т. е., не имѣющихъ ни надѣла, ни аренды, и представляющихъ „излишекъ“ населенія, долженствующій переселяться въ Сибирь—по даннымъ 1892 г.—2.074.000 человѣкъ. Въ одной Московской губерніи этотъ осужденный на ссылку въ Сибирь на поселеніе перелишекъ крестьянскаго населенія доходитъ до 45,3% населенія. Такимъ образомъ, коренное населеніе выселяется въ Сибирь вслѣдствіе безземелья, а милліоны десятинъ въ Европейской Россіи переходятъ въ руки нѣмцевъ. Русское малоземелье какъ-то уживается бокъ о бокъ съ нѣмецкою колонизаціею! Едва-ли такая странная земельная политика можетъ быть признана естественною. Германизація землевладѣнія даже помимо грядущихъ ужасовъ вытѣсненія русской національности, грозитъ народу бо́льшими тягостями, чѣмъ всякое другое сословное владѣніе этимъ главнымъ орудіемъ сельскохозяйственнаго производства. Нѣмецъ страшнѣе дореформеннаго помѣщика и пореформеннаго кулака. Онъ—наибольшее изъ золъ. Тутъ дѣло не въ одной только національности нѣмцевъ, но именно въ превосходствѣ ихъ земледѣльческой культуры, уничтожающей наше мелкое землевладѣніе и расшатывающей весь строй нашего экономическаго быта. Крупное помѣщичье хозяйство во многихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ только de jure, de facto же помѣщичьи владѣнія дробятся на мелкіе арендные участки, разверстывающіеся между сосѣдними крестьянами въ дополненіе къ ихъ надѣламъ; такимъ образомъ въ замаскированной формѣ арендныхъ сдѣлокъ мелкое земледѣліе, какъ экономически сильнѣйшая форма, фактически господствуетъ у насъ надъ крупнымъ землевладѣніемъ. Это господство мелкаго крестьянскаго землевладѣнія совершенно уничтожается нѣмцами. Первымъ шагомъ нѣмецкаго культуртрегера служитъ упраздненіе системы арендъ и переходъ къ болѣе культурной экономической запашкѣ. „Баринъ безъ насъ не обойдется, а отъ нѣмца аршина въ аренду не возьмешь“—совершенно справедливо говорятъ бѣгочевцы, наученные горькимъ опытомъ другихъ селъ и деревень. Съ бариномъ, кто бы онъ ни былъ — хоть самъ Разуваевъ—все-таки кое-какъ жить можно, а нѣмецъ купилъ барскую землю—пропадай или переселяйся—иного выхода нѣтъ. Разуваевъ при всей своей прижимистости такъ же некультуренъ, какъ мужикъ, и такъ же безпомощенъ въ хозяйственномъ отношеніи, какъ баринъ: подобно прежнему владѣльцу земли онъ ни въ какомъ случаѣ безъ мужицкой аренды не обойдется; онъ больше возьметъ съ крестьянина, больше выжметъ, но все-таки оставитъ его самостоятельнымъ хозяиномъ. Нѣмецъ же позволитъ ему ступить на свою землю только въ качествѣ батрака. Съ каждой десятиной покупаемой нѣмцами земли совершается процессъ

обатрачиванія мужика. Если разореніе и обезземеленіе крестьянства нежелательно, если превращеніе его въ стомилліонный сельскій пролетаріатъ, не могущій найти приложенія своему труду, во всѣхъ отношеніяхъ опасно, если обреченіе русскаго народа на вымираніе и на вытѣсненіе съ лица русской земли болѣе культурной пришлою народностью недопустимо, какъ колоссальнѣйшее преступленіе интеллигенціи противъ своей національности и вскормившаго ее народа,—то дальнѣйшему распространенію нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи долженъ быть положенъ конецъ, при томъ не какими-нибудь мѣстными ограниченіями въ Сѣверо-западномъ или Юго-западномъ краѣ, въ Крыму или на Кавказѣ, но общимъ по всей Имперіи закономъ, воспрещающимъ продажу земель нѣмцамъ.

И. Гофштеттеръ.

Привѣтъ жаворонку.

Встрѣчаешь солнце пѣсней ты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта,
И отвѣчаетъ съ высоты,
Въ сіяньи вѣчной красоты,
Оно улыбкою привѣта;
Шлютъ ароматъ тебѣ цвѣты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта...

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О жаворонокъ голосистый!

Поётъ надъ розой соловей
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно...
Онъ—царь садовъ, онъ—чародѣй
Влюбленныхъ молодыхъ людей
Или живущихъ безмятежно...
Пусть онъ поетъ, поетъ звучнѣй
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно!

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О жаворонокъ голосистый!

Заслыша пѣснь твою, встаетъ,
Берется дружно за работу
Бѣднякъ подъ бременемъ заботъ...
«Богъ помочь!» ты поешь, и вотъ
Онъ бодръ; онъ гонитъ прочь дремоту...
Смиренный труженикъ-народъ
Берется дружно за работу.

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О жаворонокъ голосистый!

Поешь для жницы молодой—
И самому тебѣ отрадно,
Когда надъ рожью золотой,
Сіяньемъ солнца залитой,
Она тебѣ внимаетъ жадно,
Какъ пахарь-сѣятель весной...
И самому тебѣ отрадно!

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя,
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О жаворонокъ голосистый!

Пѣвецъ, собратъ мой по судьбѣ,
Я радъ, что ты—пѣвецъ народный,
Не любишь тьмы, и я въ борьбѣ
Стою за свѣтъ; всегда тебѣ
Отвѣчу пѣснею свободной...
Моя мольба—въ твоей мольбѣ!
Я радъ, что ты—пѣвецъ народный...

Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О жаворонокъ голосистый!

Н. Пановъ.

Нѣсколько словъ о Румыніи и о Святыхъ Румынской Церкви.

Много издано въ Россіи путешествій и путеводителей по св. Аѳонской горѣ, Палестинѣ, Синаю, но ни одного путеводителя или церковно-историческаго очерка мы не имѣемъ по сосѣдней съ нами Румыніи. Въ Кишиневѣ трудно даже найти румынскую азбуку или русско-румынскій словарь, хотя $^{3}|_{4}$ населенія Бессарабіи говоритъ на румынскомъ языкѣ и въ большинствѣ не знаетъ русскаго. Родственная намъ по вѣрѣ и въ значительной части и по крови, Румынія многими считается чуждою Россіи. Между тѣмъ молдавскій и валашскій народъ, твердо хранящій св. православную вѣру, проливавшій во всѣ войны наши съ Турціей свою кровь за общую намъ св. православную вѣру, достоинъ того, чтобы его не забывалъ родственный ему по духу народъ русскій и чтобы наша повременная печать, обратила хотя бы нѣкоторое вниманіе на тѣ страшныя страданія и притѣсненія, которыя ради Россіи переносятъ румыны отъ Швабо-Мадьяріи. Не будь Россіи, естественной покровительницы всѣхъ православныхъ народовъ, и румынамъ, и сербамъ, и русскимъ въ „свободной и конституціонной“ Австро-Венгріи, быть можетъ, жилось бы лучше и привольнѣе.

Въ минувшемъ 1894 году, когда неистовства мадьярскаго правительства превзошли всѣ предѣлы справедливости и когда лучшіе румынскіе люди и патріоты, не исключая и почтенныхъ служителей православной церкви, были безъ всякой вины осуждены и заключены въ мадьярскія тюрьмы, русская печать не заявила никакого сочувствія румынскимъ страдальцамъ. Въ то время какой удобный случай представлялся русскому обществу и самой Россіи заявить сочувствіе справедливымъ требованіямъ угрорумыновъ. Что, если бы вся наша печать, проникшись родственными чувствами къ родному намъ народу молдовлахійскому, заявила неодобреніе мадьярскому задору, нахальству и неистовству. Думается намъ, что жидовско-мадьярскіе патріоты призадумались бы и, можетъ быть, пришли бы къ тому заключенію, что самая будущность ихъ азіатскаго племени зависитъ болѣе отъ Россіи, нежели отъ двуликой монархіи.

Не все же румыны, сербы, угро и галицкоруссы будутъ рабами венгровъ, нѣмцевъ и поляковъ. Слѣдуетъ ли послѣ всего сказаннаго, въ виду нашего равнодушія и бездѣятельности винить румынскую печать въ недоброжелательствѣ къ намъ? Могущественная и сильная Россія забыла о своихъ подъяремныхъ братьяхъ въ Турціи, Угорщинѣ и Австріи. Прежде, чуть не съ XVI вѣка, молдаване и валахи считали Россію самою близкою и родственною себѣ страною, возлагали на насъ всѣ свои надежды; теперь же ихъ правители, исполняя повелѣнія Берлина и Вѣны, стараются выставить Россію какимъ-то пугаломъ, готовой присоединить къ своимъ владѣніямъ Валахію и Молдавію. Но призваніе, долгъ и обязанность Россіи относительно своихъ единовѣрцевъ далеко не та, какую стараются выставить наши враги. Рано или поздно Россія, довершивъ объединеніе всего Русскаго народа, не забудетъ, конечно, и о молдаванахъ южной Буковины и о валахахъ Трансильваніи, Баната и южной Венгріи и т. обр. будетъ способствовать объединенію Румынскаго народа въ одно союзное и дружественное Россіи царство. Иначе и быть не можетъ, ибо рано или поздно всѣ единовѣрные народы Балканскаго полуострова должны будутъ сознать, что только въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи они могутъ свободно развиваться и быть самостоятельными.

Православная Церковь имѣетъ много замѣчательной святыни въ предѣлахъ Румыніи. Города ея по числу церквей скорѣе напоминаютъ собою древніе города Великой Россіи, нежели Малороссіи. Въ г. Яссахъ болѣе православныхъ церквей, нежели въ древне-престольномъ Кіевѣ, а Букарештъ по своей красотѣ и видамъ, а равно и обилію церквей (до 140) напоминаетъ Москву. Многіе православные храмы въ Букарештѣ, Яссахъ, Браиловѣ, Галацѣ и въ другихъ городахъ поражаютъ своею прекрасною архитектурою, а любителей иконописи своею древнею иконописью, стѣнописью и мозаичною работою лучшихъ греческихъ мастеровъ. Лучшимъ и замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ служитъ безъ сомнѣнія древній архіерейско-престольный Успенскій соборъ въ Арджисѣ, съ 3-мя куполами. Этотъ древнепрестольный соборъ Угровлахійскихъ митрополитовъ, а нынѣ архіепископовъ Арджисскихъ, по своей замысловатой и странной архитектурѣ не похожъ ни на одинъ изъ храмовъ въ Россіи и къ тому же онъ довольно величественныхъ размѣровъ, не уступаетъ большимъ петербургскимъ соборамъ. Въ этомъ соборѣ открыто почиваютъ мощи св. Филоѳеи дѣвы и мученицы, пострадавшей въ XIII вѣкѣ отъ отца; родомъ она была изъ Трнова. По Голубинскому и архіеп. Сергію Владимірскому (см. Агіологію: полный мѣсяцесловъ Востока, т. 2, стр. 323 — 324) она пострадала въ 1060 г., что не достовѣрно. Память 7 де-

кабря. Въ монастырѣ Деалу (Dealu—т. е. Холмъ), близъ г. Тырговища, древней столицѣ Валахіи и каѳедрѣ угровлахійскихъ митрополитовъ, почиваютъ открыто мощи св. Нифонта II, бывшаго патріарха Константинопольскаго (съ 1486—1489 и вторично въ 1502 г.), который по оставленіи вселенскаго трона жилъ первоначально на покоѣ въ Адріанополѣ; онъ былъ митрополитомъ Угровлахійскимъ (сохраняя званіе патріарха) послѣ перваго патріаршества. Скончался на Аѳонѣ, въ монастырѣ Діонисіатѣ въ 1508 году. Когда перенесены его св. мощи въ Валахію, неизвѣстно. Часть его св. мощей въ Арджисскомъ Успенскомъ соборѣ. Память ему 11 августа. Въ величественной и прекрасной Трехсвятительской Церкви въ г. Яссахъ, недавно возобновленной въ лучшемъ видѣ, послѣ пожара въ 1890 году, лежатъ св. мощи Параскевы сербыняни, которую проф. Е. Голубинскій совершенно неосновательно считаетъ болгаркой. Она, родомъ изъ Пиватъ (Баядосъ, въ южной Ѳракіи, на взморьѣ бл. Силивріи), прославилась своимъ подвижничествомъ въ XI вѣкѣ. Въ Румынію св. мощи перенесены въ 1841 г. изъ Сербіи. Въ 1890 году во время сильнаго пожара, истребившаго всю внутренность Трехсвятительской церкви, св. мощи преп. Параскевы чудесно сохранились. Огонь, расплавившій серебряную раку, не коснулся не только одежды преподобной, но даже покрывавшей ее пелены и деревяннаго гроба. Пожертвованія на новую серебряную раку для мощей преподобной полились рѣкой и въ 1893 году св. мощи положены были въ новую драгоцѣнную раку; прежняя же оставлена въ томъ видѣ, въ какомъ оказалась послѣ пожара. Память преподобной Параскевы 14 октября. Въ монастырѣ Быстрицы, въ Валахіи близъ города Рымника-Вылъчи, на р. Быстрицѣ, почиваютъ открыто мощи преп. Григорія Декаполита, грека, родомъ изъ г. Иринополя, въ Исавріи, скончавшагося въ началѣ IX вѣка. Память ему 20 ноября. Въ Хушскомъ архіерейско-престольномъ Петропавловскомъ соборѣ почиваютъ открыто св. мощи мученицы Ѳеклы гречанки. Память 22 августа. Въ Букарештскомъ митрополичьемъ Константино-Еленинскимъ соборѣ, въ богатой серебряной ракѣ, почиваютъ открыто св. мощи мученика Димитрія Новаго Бесарабовскаго, мірянина; подвизался пустыннымъ житіемъ и скончался въ 1685 г. Мощи его перенесены въ Букарештъ 8 іюля 1770 г. изъ с. Бесарабова, близъ г. Рущука. Родомъ онъ былъ болгаринъ. Память 26 октября. Въ монастырѣ Тисмана, близъ г. Тыргу-Жіу, у подошвы Карпатъ, почиваютъ открыто мощи преп. Никодима Освященнаго, родомъ серба, іеромонаха, основателя сей обители, жившаго въ XIV вѣкѣ (Имени его нѣтъ ни въ полномъ мѣсяцесловѣ преосв. архіепископ. Сергія, ни у проф. Е. Голубинскаго, ни у Ив. Косолапова, ни въ другихъ извѣстныхъ русскихъ мѣсяцесловахъ). Въ прекрасной и величественной

церкви великомуч. Георгія Побѣдоносца, въ г. Сочавѣ, бывшей каѳедральной, открыто лежатъ въ богатой серебряной ракѣ св. мощи великомуч. Іоанна Новаго Сочавскаго, родомъ изъ Трапезунта. Онъ принялъ мученичество въ г. Аккерманѣ, въ Бессарабіи, въ 1492 г. Память ему 2 іюня.

Румынская церковь имѣетъ не мало святыхъ, подвизавшихся въ румынскихъ монастыряхъ, извѣстныхъ своею благочестивою и строго аскетическою жизнію. Митрополитъ Молдовлахійскій Досиѳей, скончавшійся въ 1701 г. въ Москвѣ, упоминаетъ о многихъ извѣстныхъ ему подвижникахъ XVII вѣка. Всѣ они помѣщены въ книгѣ: „Житія Святыхъ“, называемой Прологъ, напечатанной въ лѣто отъ Р. Х. АХПВ, (1682 г.) въ г. Яссахъ, стр. РНВ и перепечатанной въ 1835 г. въ Ясской митрополичьей печатнѣ.

Кромѣ ихъ, въ румынскихъ монастыряхъ почиваютъ мощи слѣдующихъ румынскихъ святыхъ, совершенно неизвѣстныхъ Русской Церкви и ни въ однихъ нашихъ мѣсяцесловахъ не упоминаемыхъ: Преп. Даніила инока-отшельника, подвизавшагося въ монастырѣ Воронецъ (въ Буковинѣ) въ XIV вѣкѣ. Въ церкви этого монастыря, обращенномъ въ 1780 г. австрійскимъ правительствомъ въ приходскую церковь, лежатъ св. мощи преподобнаго Рафаила архимандрита монастыря Агапія, обращеннаго въ 1803 г. въ дѣвичій и находящагося въ Немѣцкомъ округѣ, въ Молдавіи. Св. Іоанна, архіепископа Романскаго и чудотворца, скончавшагося на покоѣ въ 1698 году, въ монастырѣ Рышка, у Карпатскихъ горъ, въ Сочавскомъ уѣздѣ (гл. гор. Фольтичены) въ Румыніи. Св. Іоаннъ былъ архіепископомъ Хушскимъ съ 1667 по 1673 г. и затѣмъ Романскимъ по 1677 годъ, до епископства былъ постриженникомъ и игуменомъ сего монастыря. Препод. Василія чудотв. и священноинока, въ монастырѣ Молдавица, въ Буковинѣ, обращенномъ въ 1780 г. въ приходскую церковь.

Въ Палидоніи Захарія Копыстенскаго (Аѳанасія Кальнофойскаго) находимъ, что въ г. Раддауцахъ (епископія въ Буковинѣ съ 1390 по 1789 г.) есть мощи св. Леонтія чудотворца и епископа. Кто этотъ Леонтій и гдѣ находятся въ настоящее время его св. мощи неизвѣстно. Въ Раддауцахъ ихъ нѣтъ, такъ же какъ не было на румынскихъ святительскихъ каѳедрахъ ни одного епископа съ именемъ Леонтія или Леона до 1781 года.

Н. Д.

Блаженнѣйшій Софроній, Папа и Патріархъ Александрійскій.

(Письмо изъ Александріи).

Іюня 4-го текущаго года исполнилось 25-лѣтіе патріаршаго служенія на Александрійскомъ престолѣ маститаго іерарха, старѣйшаго изъ всѣхъ нынѣ здравствующихъ святителей православной Церкви, блаженнѣйшаго Папы и Патріарха Александрійскаго Софронія.

25-лѣтній періодъ непрерывнаго и благоплоднаго служенія на какомъ бы то ни было поприщѣ есть уже знаменательное само по себѣ событіе; тѣмъ болѣе знаменателенъ, поучителенъ и достоинъ памяти 25-лѣтній періодъ непрерывнаго святительскаго служенія.

Святѣйшая апостольская Александрійская Церковь торжественно и сердечно праздновала день четвертьвѣковой архипастырской дѣятельности добраго своего пастыря и вознесла горячія молитвы Небесному Архіерею, даровавшему Ей мудраго и благочестнаго руководителя.

Блаженнѣйшій Софроній, въ мірѣ Ставръ Мейданцоглу, родился въ 1798 г. въ Константинополѣ, отъ благочестивыхъ родителей, воспитавшихъ юношу въ страхѣ Божіемъ, любви къ ближнему и беззавѣтной преданности всему отечественному, и сумѣвшихъ рано развить въ немъ горячее стремленіе къ нравственному совершенствованію и подчиненію побужденій сердца голосу разсудка.

Первоначальное образованіе юноша получилъ въ константинопольской патріаршей богословской школѣ и своими недюжинными способностями и успѣхами обратилъ на себя вниманіе митрополита Приконисскаго Косьмы. Принявъ въ 1820 году монашество, по окончаніи богословскаго образованія, онъ былъ взятъ митрополитомъ Косьмой, при которомъ и служилъ $17^1/_2$ лѣтъ въ санѣ діакона и архидіакона, упражняясь въ иноческомъ послушаніи и воспитаніи сердца въ духѣ христіанской ревности и любви къ Богу.

Руководимый и наставляемый горячо любимымъ имъ старцемъ-митрополитомъ, отличавшимся строгостью нравовъ, благочестіемъ и выдаю-

щимися административными способностями, молодой инокъ воспріялъ отъ этого мудраго святителя и его высокія качества — непоколебимость православія, устойчивую любовь къ законамъ и уставамъ Церкви, чистоту и непорочность жизни, мудрость въ управленіи пасомыми и высоту евангельской любви ко всѣмъ угнетеннымъ и нуждающимся. Привлекательнѣйшими этими чертами своего характера, онъ всегда располагалъ къ себѣ сердца всѣхъ и всюду снискивалъ себѣ самую непритворную любовь пасомыхъ.

Въ 1839 году, по кончинѣ своего наставника, онъ рукополагается въ митрополита о. Хіоса, гдѣ онъ находитъ обширное поле для своей дѣятельности, являясь ревностнымъ проводникомъ православныхъ началъ жизни и дѣйствуя въ духѣ и для пользы православной Церкви.

Вниманіе и заботливость его простирались и на учебныя заведенія, коихъ онъ устроилъ до 50, и на возвышеніе религіозно-нравственнаго состоянія всего православнаго населенія. Благодаря его архипастырскому вниманію, епархія обогащается постройкою новыхъ церквей, а старыя принимаютъ благолѣпный и благоукрашенный видъ; проповѣдническая дѣятельность значительно увеличилась и усовершенствовалась. Вообще не было ни одного рода дѣятельности въ области церковной, религіозной и въ жизни духовенства, котораго бы не коснулась искусная рука мудраго архипастыря. Все это, разумѣется, требовало много просвѣщеннаго труда и неутомимой бдительности.

Въ 1855 году онъ перемѣщается съ повышеніемъ на Амасійскую митрополичью каѳедру, а черезъ три года вызывается въ Константинополь для участія въ дѣлахъ Великаго Народнаго Собранія. На этомъ поприщѣ онъ отличился глубокимъ пониманіемъ нуждъ ввѣреннаго ему дѣла, входилъ во всѣ его подробности, исправлялъ недостатки и давалъ дѣлу должное направленіе.

Возвратившись послѣ трехлѣтнихъ трудовъ въ свою епархію, досточтимый іерархъ снова занялся попеченіями о ввѣренномъ ему словесномъ стадѣ, когда Промыслу Божію угодно было ему именно ввѣрить всю св. Константинопольскую Церковь, и въ 1863 году митрополитъ Софроній торжественно былъ провозглашенъ вселенскимъ патріархомъ подъ именемъ Софронія III.

Достаточно извѣстны тревожныя обстоятельства, среди которыхъ состоялось его избраніе на эту высокую, но и столь многотрудную, особенно въ то время, святительскую каѳедру.

Насильственный захватъ румынскимъ княземъ Кузой недвижимыхъ имуществъ православныхъ восточныхъ Церквей въ Румыніи, незаконное

и дерзкое возстаніе болгаръ противъ матери Церквей, великой Церкви Константинопольской, грозили этой послѣдней большой опасностью. Но, благодаря своему свѣтлому, развитому уму, рѣдкимъ правительскимъ способностямъ, искусству въ улаживаніи трудныхъ дѣлъ и неутомимой, исполненной обходительности и проницательности дѣятельности, онъ много содѣйствовалъ устраненію препятствій къ плодотворной своей святительской дѣятельности и водворялъ миръ тамъ, гдѣ, казалось, готовы были вспыхнуть страсти и разгорѣться вражда.

Но многолѣтнія неусыпныя архипастырскія труды не прошли безслѣдно для здоровья 70-лѣтняго старца, и въ декабрѣ 1866 г., чувствуя себя утомленнымъ, его всесвятѣйшество, сложивъ съ себя бремя правленія, удалился на покой. Промыслъ Божій, однако, судилъ иначе и Богу угодно было, чтобы православное общество вспомнило заслуги маститаго іерарха.

Въ 1870 году, по кончинѣ Александрійскаго патріарха Никанора, взоры всѣхъ обращены были на блаженнѣйшаго Софронія и единогласнымъ желаніемъ клира и народа онъ былъ призванъ на престолъ св. ап. Марка.

Административныя способности святителя, обнаруженныя имъ во всѣхъ мѣстахъ его служенія, особенно выказались съ восшествіемъ его на Александрійскій патріаршій престолъ.

И здѣсь всѣ признавали его мощный умъ, твердый и мужественный характеръ и рѣшительность, не останавливающуюся ни предъ какой работой, ни предъ какимъ сложнымъ дѣломъ. Но особенно онъ извѣстенъ въ управленіи своей отеческой добротой, простотой въ обхожденіи и общедоступностью. Не жалѣя силъ и трудовъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, ревностно заботился святѣйшій владыка объ устроеніи Богомъ ввѣреннаго ему вертограда, внося всюду порядокъ, воздвигая изъ развалинъ и устрояя храмы, училища и благотворительныя учрежденія.

Долго было бы перечислять всѣ заслуги и благія дѣянія его блаженства за время четвертьвѣковаго его служенія на престолѣ Александрійской Церкви; достаточно лишь сказать, что все, что только можно было сдѣлать при всѣхъ не благопріятствующихъ его плодотворной дѣятельности обстоятельствахъ и условіяхъ и чего только можно было достигнуть, воистину сдѣлано и достигнуто маститымъ первосвятителемъ, и не его вина, если св. Александрійская Церковь не пользуется еще полнымъ благосостояніемъ, ибо условія, окружающія древнѣйшую апостольскую Церковь, едва ли не самыя тяжелыя изъ всѣхъ, въ которыхъ находятся другія автокефальныя восточныя Церкви.

Въ настоящее время блаженнѣйшему Софронію 98 лѣтъ, но онъ хорошо сохранился и представляетъ собою бодраго, благообразнаго старца, подающаго надежду еще на долгое служеніе на пользу св. Церкви.

Да дастъ же ему Всемилостивый Господь Богъ еще долго наслаждаться плодами неусыпныхъ трудовъ своихъ и да свѣтятъ и впредь на свѣщницѣ святѣйшей Александрійской Церкви столь яркіе свѣтильники вѣры и пастыри стада Христова!

А. Д.

ВЫШЛА ШЕСТАЯ (ІЮНЬСКАЯ) КНИГА

Ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: 1) Хлѣбъ. Романъ. Продолженіе. *Д. И. Мамина-Сибиряка.* 2) Ихъ души. Романъ *Gyp.* (Графини де-Мартель). Перев. съ франц. *М. Н. Р.* Окончаніе. 3) Богиня Діана. Повѣсть. Окончаніе. *П. А. Сергѣенка.* 4) Стихотвореніе. *Л. М. Медвѣдева.* Марчелла. Романъ мистрисъ *Іордъ.* Пер. съ англійскаго *А. С. М.* 6) Камо грядеши? (Quo vadis?). Романъ изъ временъ Нерона. *Генрика Сенкевича.* Перев. съ польскаго *В. М. Л.* Продолженіе. 7) Главные моменты идеи мира въ исторіи. *Гр. Л. А. Комаровскаго.* 8) Новый трудъ объ Амурской Области. (*Г. Е. Грумъ-Гржимайло*: «Описаніе Амурской Области», подъ ред. П. П. Семенова). *А. Ф. Ф.* 9) Изъ исторіи современной грузинской литературы. *А. С. Хаханова.* 10) Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Окончаніе. *Г. Б. Іоллоса.* 11) Исторія, какъ наука. *И. Н. К.* 12) Народное продовольствіе и подать. *П. А. Голубева* 13) Научная оцѣнка вегетаріанизма. *Ф. Ф. Эрисмана.* 14) Изъ литературныхъ наблюденій. *О. Т. В.* 15) Очерки провинціальной жизни. *И. И. Иванюкова.* 16) Иностранное обозрѣніе. *В. А. Г.* 17) Внутреннее обозрѣніе. 18) Библіографическій отдѣлъ. 19) Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1895 годъ, (XVI годъ изданія).

Цѣна съ достав. и пересыл. во всѣ мѣста Россіи: на годъ—12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу: на годъ—14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м.—7 р. 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1 іюля и 1 окт. по 3 рубля. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. 2—24. Въ Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій пр., д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ романа Додэ «Маленькій приходъ» разсылаются новымъ подписчикамъ на 1895 годъ.

При редакціи открытъ **МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ** съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

О ПОДПИСКѢ НА ЕДИНСТВЕННУЮ ВЪ РОССІИ ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(г. VII.) СЪ ПРИЛОЖ. „СБОРНИКА“ (г. 3-й).

Выходитъ 3-й годъ подъ новой редакціей **М. Е. Виноградова.**

Въ газетѣ помѣщаются: I. Дѣйствія и распоряженія правительства. II. Педагогическія статьи. III. Русская печать о школьномъ дѣлѣ. IV. Хроника. V. Корреспонденціи (собственныя и изъ газетъ). VI. Событія и новости русской жизни. Политическія извѣстія. VII. Библіографія. Книж. листокъ «Школьн. Обозр.». VIII. Некрологъ. IX. Смѣсь. X. Письма къ редактору-издателю. XI. Почтовый ящикъ. Содержаніе «СБОРНИКА» за 1894 г.: Знаніе и народное хозяйство *К. К—го.* Промышленные школы и музеи въ Зап. Европѣ. Университеты и высшее техническое образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ (2 ст.). Игра и игры. *А. Нейфельдъ.* Французъ о воспитаніи въ Англіи. *С. П—ой.* Злоба дня. (Пересмотръ льготъ по образованію при отбываніи воинской повинности. Задачи школы и общества. *Ѳ. Соллогубъ.* Цѣль народной школы и средства къ выполненію этой цѣли. *С. Сутулова.* Очеркъ народнаго образованія въ Одессѣ (къ 100-лѣтнему юбилею). Ученическія автобіографіи *И. Мордвинова.* Дополнительныя школы въ Германіи. Призрѣніе дѣтей въ Англіи. Пятидесятилѣтіе дворянскаго института Императора Александра II. Школьный вопросъ въ древней Россіи: а) О характерѣ обученія въ древне-русскихъ школахъ; б) Древне-русскій взглядъ на личность начальнаго учителя. Еще одно сказаніе о Ермакѣ.

«Школьное Обозрѣніе» въ 1895 г. выйдетъ въ 52 №№ съ *приложеніями*. Цѣна за годъ съ перес. и доставкой 5 р.; на девять мѣс. — 4 р.; на полгода — 3 р. и на три мѣсяца 2 р., для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, заграницу 6 р. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-овъ за прежніе годы «Школьнаго Обозрѣнія» не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г., въ видахъ ознакомленія съ новой редакціей, можно получать за *два* руб. 1894 г.—за *три* руб.

Вышедшіе №№ «Школьн. Обозр.», по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы. Объявленія печатаются на первой страницѣ по 50 коп. со строки, на послѣдней по 10 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ **„ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“** С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, д. № 34.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧІЙ"

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписная цѣна: За годъ съ пересылкой 4 руб., за полгода съ пересылкой 2 р. 50 к.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: I. Календарныя свѣдѣнія. II. Объясненіе Евангелія или Апостола. III. Объясненіе главнѣйшихъ истинъ Христіанскаго вѣроученія. IV. Объясненіе Церковнаго Богослуженія, обрядовъ при таинствахъ и др. церковн. службахъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. V. Объясненіе заповѣдей; поученія Св. Отцовъ и Учителей Церкви и современныхъ проповѣдниковъ; духовныя размышленія; поучительные разсказы изъ Пролога, Четіихъ-Миней и т. п.; сказанія о различныхъ явленіяхъ вѣры благодатной и дивныхъ знаменіяхъ милости Божіей. VI. Разсказы изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Нов. Завѣта; изъ Церковной исторіи и преимущественно Русской; описанія Московскихъ и Россійскихъ святынь. VII. Обличенія заблужденій современныхъ сектъ и лжеученій. VIII. Разсказы изъ быта: народнаго, военнаго, школьнаго, миссіонерскаго, изъ быта раскольниковъ и сектантовъ. IX. Духовно-нравственныя стихотворенія. X. Извѣстія и замѣтки и объявленія. №№ журнала будутъ украшаться рисунками или изъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта, или видами замѣчательныхъ святынь и различныхъ достопамятностей съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ.

Въ 1895 году въ журналѣ «КОРМЧІЙ» по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами.

ИЗВѢСТНЫЙ КРОНШТАДТСКІЙ ПАСТЫРЬ ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

Въ 1895 г. Редакція «Кормчаго» дастъ своимъ подписчикамъ воскресное безплатное приложеніе—листокъ подъ заглавіемъ: «Нравственный обзоръ выдающихся событій современной жизни».

Въ редакціи имѣются экземпляры «КОРМЧАГО» за 90, 91, 92 и 93, 94 гг. Первые три года не въ полномъ видѣ (не достаетъ въ каждомъ около 10 номеровъ), цѣна каждому 1 р. 50 к., съ перес.; послѣдніе года, полные, цѣна 1892 г. 2 руб., а 1893 г. (сброшюрованъ) 2 р. 50 к., съ перес. 94 г. (сброшюрованъ) 3 р. Налож. платежемъ не высылается.

Редакторы-Издатели: Протоіерей *С. П. Ляпидевскій.*
Священники *І. Н. Бухаревъ.* *В. П. Гурьевъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1895 ГОДУ

„БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА“.

Въ 1895 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ I. Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ. Здѣсь будетъ напечатанъ полный томъ толкованій Св. Еврема Сирина на посланія Св. Апостола Павла и, кромѣ того, будетъ продолжаться печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго.

Отдѣлъ II. Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

Отдѣлъ III. Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обозрѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западноевропейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

Отдѣлъ IV. Критика, рецензіи и библіографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ.

Отдѣлъ V. Приложенія. Здѣсь въ текущемъ году будутъ напечатаны: Основное Богословіе или Христіанская Апологетика. Курсъ лекцій заслуженнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета и протоіерея В. И. Добротворскаго и протоколы засѣданій Совѣта М. Д. Академіи.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки шесть рублей, съ пересылкой семь рублей, за границу восемь рублей.

АДРЕСЪ: въ Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Богословскаго Вѣстника. Редакторъ э-ордин. проф. **В. Соколовъ.**

ОТКРЫТА ТРЕХМѢСЯЧНАЯ ПОДПИСКА

съ 1-го іюля по 30-е Сентября

на издающійся БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

Цѣна съ доставкой и перес. на три мѣсяца—три руб.

Подписывающіеся на годъ съ 1-го января платятъ 10 р. и получаютъ журналъ съ 1-го №

Вышла VI-я книга (іюнь).

ежемѣсячнаго литературно-политическаго и научнаго журнала

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ: I. Церковная школа. Проф. **С. А. Рачинскаго.**—II. Послѣднее разочарованіе. Повѣсть. Гл. XI—XXI. (Окончаніе). **А. В. Стернъ.**—III. Изъ прошлаго. (Посмертныя записки). Гл. III. Служба въ провинціи (1850—1859). (Окончаніе). **Н. П. Колюпанова.**—IV. «Изъ за себя въ тревогѣ вѣчной». Стихотвореніе **М. А. Хитрово.**—V. Домой по Волгѣ. (Путевые очерки). Гл. XIII—XV. (Окончаніе). **Е. Л. Маркова.**—VI. По поводу одного заграничнаго изданія и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. Гл. XXI—XXVIII. (Окончаніе). **Я. П. Полонскаго.**—VII. Мечты и жизнь. Романъ. Часть первая. Гл. V—X. **В. Л. Маркова.**—VIII. Письма изъ Италіи.—**М. П. Соловьева.**—IX. «Когда-бъ могла душа на мигъ съ себя стряхнуть». Стихотвореніе. **М. А. Лохвицкой.**—X. Обзоръ мѣстнаго управленія и суда. Гл. III (Окончаніе). **В. И. Бафталовскаго.**—XI. Женитьба Лоти. Романъ. Часть вторая. Гл. XIII—XLVII **Пьера Лоти.** (Перев. съ французскаго **В. Горленко**).—XII. Ночь подъ тропиками. Стихотвореніе. Графа **Г. И. Ностица.**—XIII. Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій. (1795—1895). (Окончаніе). **Е. В. Ливотова.**—XIV. Новый уставъ Государственнаго Банка. Гл. I—III. **Талицкаго.**—XV. Не о себѣ. Стихотвореніе. **Е. А. Варженевской.**—XVI. Историческій обзоръ теорій наслѣдственности. Періодъ до Дарвина. Проф. **Н. Ю. Зографа.**—XVII. Разсказы изъ польской жизни: I. Куколка. II. Наивное дитя и погоня за приданымъ. **Элизы Ожешко.** (Переводъ съ польскаго. Ч.).—XVIII. О Виленскомъ памятникѣ графу М. Н. Муравьеву. **А. П. Владимірова.**—XIX. «Русь утѣшься, помолися»... Стихотвореніе. **Н. А. Чаева.**—XX. Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: Отзывы о славянофилахъ. **Н. М. Павлова.**—XXI. Одна изъ нашихъ слабостей. (По поводу полемики **Каткова** съ **Герценомъ**). Замѣтка. Свящ. **І. И. фуделя.**—XXII. Къ вопросу о духовной литературѣ для народа. **Православнаго.** XXIII. Критика: 1) Изъ исторіи русскаго романа. **К. ф. Головина.** 2) Критическая замѣтка. **В. В. Розанова.**—XXIV. Современные вопросы: VI. Наши «національ-либералы». SPECTATOR'A.—XXV. Лѣтопись современной беллетристики. W.—XXVI. Новости иностранной журналистики. **Е. Г.**—XXVII. Библіографія.—XXVIII. Областной отдѣлъ: Изъ Нижегородской губерніи. Школы грамоты и новыя нападки на духовенство. **Акимовича.**—XXIX. А. В. Елисѣевъ. (Некрологъ).—XXX. Поправка въ статьѣ «Бумажныя деньги—товаръ».—XXXI. Книги, поступившія въ редакцію.—XXXII. Объявленія.

Подписная цѣна (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой на годъ—15 руб., на полгода—7 руб., 50 коп., на 3 мѣсяца—3 руб. 75 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб. 25 коп. Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна на 1 годъ—12 руб., на 6 мѣсяцевъ—6 руб., на 3 мѣсяца—3 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣл. конт. журнала—при книжн. магаз. Фену и К°, Невскій, домъ Армянской церки, № 40, и библіот. Семенникова, Васильевскій остр., 6-я линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльныхъ №№ журнала, а также подписка принимается **въ другихъ городахъ** во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конт. ред. по **7** руб. за годъ, 1892—1893 гг. по **5** руб. за годъ, 1894 г.—**8** руб. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція «Росскаго Обозрѣнія», уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова.

Редакторъ-Издатель **Анатолій Александровъ.**

1-го іюня вышла 6-я книжка

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. I. «Законныя жены». Оч. третій. Записки мужа. (Окончаніе). О. Шапиръ.—II. «Характеръ ибсенскихъ драмъ». М. Прозора.—III. «Отверженный». Истор. ром. въ 2-хъ ч. (Окончаніе). Д. Мережковскаго.—IV. «Густавъ Фрейтагъ» (1816—1895). А. Браунера.—V. «Летитъ мой духъ». Стих. К. Фофанова.—VI. «Усталые люди». Романъ Арне Гарборга. Пер. съ датск. О. Петерсонъ.—VII. А. Л. В.—«Люциферъ».—«Узникъ».—«Гроза».—«Какъ я люблю...» Стих. К. Льдова.—VIII. «Наказуемость женщинъ-преступницъ». Ц. Ламброзо.—IX. «Не по правдѣ». Повѣсть. В. Дмитріевой.—X. «Задача современной критики». Статья М. Арнольда. Пер. съ англійскаго, редакціи «Посредника».—XI. «Записки А. О. Смирновой». Смерть Пушкина.—XII. «QUO VADIS». Романъ изъ временъ Нерона. Г. Сенкевича. Пер. съ польск. К. Льдова.—XIII. «Забвенье и молчанье». Стих. И. Минскаго.—XIV. «Старый и новый ламаркизмъ». П. Холодковскаго.—XVI. «На Западѣ». ***.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. I. «Областной отдѣлъ». Провинціальная печать. Десятилѣтіе дня смерти. К. Д. Кавелина, по поводу статьи «Волжскаго Вѣстника».—Случай со статьей Кавелина въ «Современникѣ».—«Отцы и дѣти» разныхъ эпохъ.—Наша скука и неговорливость.—Газеты о пожарахъ въ Дубнѣ и въ Брестѣ.—«Пріазовскій край» о сельскихъ пожарныхъ обозахъ.—Авторъ устава херсонскихъ земледѣльческихъ артелей.—Отставка Саратовскаго городского головы.—Избраніе городского головы въ Одессѣ.—Казанскій голова о визитахъ.—Тобольская жизнь».—«Сибирскій Вѣстникъ» объ общественной баллотировкѣ вопросовъ.—«Кіевское Слово» о провинціализмахъ. Л. Прозорова.—II. «Письмо изъ Америки». Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ (Путевыя замѣтки).—III. Судъ присяжныхъ. М. Стиваля.—IV. «Театръ».—V. «Внутреннее обозрѣніе. Упраздненіе выкупного учрежденія.—Взглядъ на положеніе крестьянъ послѣ ихъ освобожденія.—Направленія нашей экономической политики.—Преобразованіе Крестьянскаго банка.—Проектъ организаціи меліоративнаго кредита.—Кризисъ землевладѣнія и новыя ему льготы.—«Гражданинъ» о дворянскомъ землевладѣніи.—Законъ о сдѣлкахъ на золото.—«Положеніе» объ особой комиссіи при академіи наукъ.—Русскій художественный, этнографическій и историческій музей.—Проектъ женскаго медицинскаго института.—VI. «Критика и библіографія». I. Беллетристика и книги для дѣтей.—II. Медицина и естествознаніе.—III. Общественныя науки.—VII. «Изъ жизни и литературы». Изъ дневника В. Г. Бѣлинскаго.—Десятилѣтіе смерти Н. И. Костомарова.—VIII. «Замѣтка».—IX. «Книги», поступившія въ редакцію для отзыва.—X. «Объявленія».

Продолжается подписка на годъ съ 1-го января и на полгода съ 1-го іюля.

ЦѢНА:	Годъ.	Полгода.	Четверть.
Безъ доставки	12 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к
Съ доставкою	12 » 50 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересыл.	13 р. 50 к.	7 р. — к.	3 р. 50 к.
За-границей	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны.
Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Московск. Отдѣленіи при книжн. маг. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. За редактора Л. Я. Гуревичъ.

Новѣйшіе практическіе

САМОУЧИТЕЛИ ЯЗЫКОВЪ

французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, шведскаго, итальянскаго и русскаго О. Максимовой,

а также два года журнала—самоучитель „Учитель-Лингвистъ“, содержащіе полный чисто-практическій курсъ тѣхъ же языковъ, кромѣ того „Ключъ“,—произношеніе каждаго слова русскими буквами и все необходимое для совершенно-самостоятельнаго изученія языковъ и взрослыми, и дѣтьми. Цѣна за оба года журнала—6 р., годъ первый—2 рубля. Можетъ высылаться наложеннымъ платежомъ. **Точный адресъ для денежныхъ пакетовъ:** Денежный. Совложеніемъ 6 (шести) рублей. Петербургъ. Невскій, д. 110, кв. 2, **Каталогъ при требованіи высылается безплатно.**

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. (Окончаніе). *С. А. Гадзяцкаго*	1
II.	Естественный Законъ въ Духовномъ мірѣ. *Генриха Друммонда*. Гл. I. Біогенезисъ. Гл. II. Вырожденіе. Сокр. пер. *Л. П. Никифорова*	19
III.	Проклятіе или Невольница Злата. Повѣсть изъ Сербскаго быта *архимандрита Кирилла*	39
IV.	Абхазія. Очеркъ. *А. Городищева*	58
V.	Рабочій день. Политико-экономическій очеркъ. *И. Гофштеттера*	82

Зарубежное Славянство.

VI.	Австрійская Оккупація Босніи и Герцеговины. *А. П. Липранди (А. Волынецъ)*	93
VII.	Мольба Славянина. Стих. *Л. Трефолева*	110
VIII.	Изъ *Халупки*. Со словацкаго. Стих. пер. *Н. Новича* .	111
IX.	Изъ *Прерадовича*. Съ сербскаго. Стих. пер. *Н. Новича*.	112

Вопросы внутренней жизни Россіи.

X.	Орошеніе полей. *Г. И. Аристова*	113
XI.	Нѣмецкое землевладѣніе въ Россіи. *И. Гофштеттера* .	137
XII.	Привѣтъ жаворонку. Стих. *Н. А. Панова*	142
XIII.	Нѣсколько словъ о Румыніи и о святыхъ Румынской Церкви. *Н. Д.*	144

Стр.

XIV. Блаженнѣйшій Софроній, Папа и Патріархъ Александрійскій. Письмо изъ Александріи 148

XV. Объявленія 152

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Іюнь 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Главы III и IV-я церковно-историческое изслѣдованіе *Н. Д. Тихомірова*.

БЛАГОВѢСТЪ

Іюнь

1895

Кормчій Ѳ. Четыркинъ.

ГАЛИЦКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. Тихомірова.

Главы третья и четвертая. Продолженіе будетъ въ іюльской книжкѣ.

Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 23-го мая 1895 года.

Цензоръ Протоіерей **А. Автономовъ.**

Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мнимые Галицкіе митрополиты XIII-го вѣка.

Всякій, берущійся писать исторію чего-либо (жизни внѣшнихъ событій и проч.), обыкновенно прежде всего долженъ рѣшить вопросъ, откуда ему начинать свою исторію. Но это опредѣленіе хронологическаго, исходнаго пункта, дающаго начало исторіи, не для всякаго историка составляетъ какое-либо затрудненіе или тяжелый трудъ, такъ какъ нерѣдко этотъ пунктъ уже заранѣе ясенъ и опредѣленъ, такъ что его не приходится долго разыскивать и, нашедши, извлекать изъ покрывавшаго его доселѣ мрака. Не такъ, къ сожалѣнію, обстоитъ дѣло съ нашей митрополіей. Только что приступая къ ней и стремясь толкнуться въ ея закрытыя двери, мы тутъ же—при дверяхъ—встрѣчаемъ ожидающее насъ здѣсь препятствіе, не знаемъ, откуда намъ подойти къ нашей исторіи, не знаемъ, гдѣ ея начало. Volens-nolens приходится разыскивать его, чтобы имѣть возможность идти далѣе, а не остаться съ однимъ желаніемъ идти при вратахъ нашей исторіи.

Откуда же начинается исторія Галицкой митрополіи?

Рѣшеніе этого вопроса, вслѣдствіе общей недостаточности опредѣленныхъ историческихъ данныхъ о церковной жизни Галиціи, представляетъ собою не малое затрудненіе и даетъ мѣсто различнымъ мнѣніямъ и спорамъ. Впрочемъ, всѣ разнорѣчія въ разрѣшеніи этого вопроса сводятся къ двумъ мнѣніямъ, изъ которыхъ по одному—начало Галицкой митрополіи возводится къ XIII вѣку, по другому—къ XIV [м]). Защитники перваго мнѣнія, относящіе начало Галицкой митрополіи къ XIII вѣку, основываются на грамотахъ, якобы происшедшихъ въ XIII вѣкѣ, такъ какъ онѣ помѣчены датами именно этого вѣка и соединяются съ именами—одна Галицкаго князя Романа Мстиславича, а другія (четыре)—Льва Даниловича. Во всѣхъ этихъ грамотахъ упоминаются имена Галицкихъ митрополитовъ; въ дарственной грамотѣ Печерскому монастырю князя Романа, помѣченной 1240 годомъ, въ качествѣ „по-

слуха“ (свидѣтеля) приводится митрополитъ Галицкій Голохтіонъ [1]), въ грамотахъ, выданныхъ отъ имени Льва Даниловича, упоминаются митрополиты Галицкіе—Марко (грамота 1287 года), Іосифъ (1292 г.), Антоній (того же года) и Григорій (1300 г.) [2]). Принявъ за основаніе эти дарственныя грамоты, нѣкоторые ученые и относятъ существованіе Галицкой митрополіи къ XIII вѣку, помѣщая поименованныхъ митрополитовъ въ то или иное время этого послѣдняго. Такъ, каноникъ М. Гарасевичъ (львовскій протоіерей † 1836 г.) въ своемъ сочиненіи „Annales Ecclesiae Ruthenae“ приводитъ трехъ Галицкихъ митрополитовъ XIII вѣка — Галактіона (1240 г.), Іосифа (1292 г.) и Григорія (1301 г.) [3]). Ученый Ходыкевичъ (доминиканскій монахъ) въ своемъ сочиненіи „Dissertationes historica—criticae de utroque Archiepiscopatu Mitropolitano kiivensi et haliciensi, anno 1770“ доказываетъ, что митрополитами въ Галичѣ, отдѣльными отъ Кіевскаго, были—до 1296 года Іосифъ, а съ 1296 до 1306 г. Григорій [4]). В. Левицкій (проф. нравственнаго богословія въ Львовскомъ университетѣ) также упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ митрополитовъ Галицкихъ—Галактіона (1203 г.), Іосифа (1292 г.) и Антонія (1295 г.) [5]) [11]). Повидимому, мнѣніе этихъ ученыхъ должно быть признано основательнымъ и правильнымъ, такъ какъ оно утверждается на документальныхъ свидѣтельствахъ. Все это было бы такъ, но, къ несчастію его защитниковъ, эти свидѣтельства совершенно подложны, какъ это теперь и доказали нѣкоторые изыскатели. Теперь уже нѣтъ ни одного защитника подлинности названныхъ грамотъ, и всѣ ученые съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ останавливавшіеся на нихъ, единогласно признаютъ ихъ подложность и позднѣйшее происхожденіе. Карамзинъ [6]), Макарій, [7]) Филаретъ, [8]) митроп. Евгеній [9]), Шафарикъ и Головацкій [10]), Востоковъ [11]), Карповъ [12]), Чисто-

---

[1]) Востоковъ. Описаніе рукоп. Рум. Муз., стр. 114; Галицкій ист. сб. вып. II, примѣч. 1-е.

[2]) Гал. ист. сб. II, прим. 72, 75, 76, 68.

[3]) M. Harasiewicz. Annales Ecclesiae Ruthenae, p. 11—12.

[4]) Д. Зубрицкій. Критико-истор. повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Гал. Руси, стр. 69; Карамзинъ Ист. Госуд. Рос. т. IV, пр. 203.

[5]) Гал. ист. сб. вып. II, стр. 3.

[6]) Истор. Госуд. рос. IV, стр. 166—167; пр. 203.

[7]) Ист. рус. церкви, т. IV. прил. II.

[8]) Исторія русской Церкви, пер. 2-й, стр. 82, прим. 188.

[9]) Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи, стр. 87.

[10]) Журн. Мин. нар. просв. ч. XL, отд. III, стр. 69.

[11]) Опис. Рук. Рум. Муз. стр. 114—116.

[12]) Очерки изъ истор. росс. церк. іерархіи (чт. въ имп. общ. ист. и др. рос. 1864 г. Іюль—Сент. кн. III, стр. 32—33).

вичъ [1]), И. Линниченко [2]), Петрушевичъ [3]), Зубрицкій [4]), °), Gelzer [5]), Pelesz [6]) и др.—всѣ эти ученые не придаютъ этимъ грамотамъ никакого значенія по вопросу о Галицкой митрополіи, такъ какъ считаютъ ихъ произведеніемъ позднѣйшаго времени. Въ подтвержденіе ихъ подложности они приводятъ весьма сильныя и вполнѣ убѣдительныя доказательства, разбирая ихъ со стороны филологическихъ признаковъ и хронологическихъ данныхъ. Такъ, по строю рѣчи они усматриваютъ на нихъ позднѣйшее польское вліяніе, „болѣе поздній почеркъ письма и употребленіе прямо польскихъ словъ [7]); въ хронологическихъ же датахъ находятъ очевидныя историческія ошибки. Такъ, митрополитъ Галактіонъ выставляется современникомъ, князя Романа Галицкаго, будто-бы издавшаго грамоту въ 1240 году, между тѣмъ какъ этотъ князь былъ убитъ, какъ извѣстно, въ 1205 г., въ 1240 же году престолъ Галицкій занималъ его сынъ Данилъ Романовичъ [8]). Въ грамотѣ 1300 года въ качествѣ свидѣтеля приводится митрополитъ Кіевскій Кипріанъ, между тѣмъ этотъ митрополитъ жилъ гораздо позднѣе (былъ митрополитомъ съ 1376 — 1406 г.), а въ 1200 году митрополитомъ Кіевскимъ былъ Максимъ († 1305 г. [9]). Двѣ изъ этихъ грамотъ писаны одного и того же года (6800—1292), мѣсяца и дня (8 октября въ пятокъ), при однихъ и тѣхъ же свидѣтеляхъ, но въ различныхъ мѣстахъ (одна въ Перемышлѣ, а другая во Львовѣ) и при различныхъ митрополитахъ — Іосифѣ (въ первой), Антоніѣ (во второй). Неискусная и неумѣлая поддѣлка ихъ болѣе чѣмъ ясна. Очевидно, поддѣлывателемъ грамотъ выдуманы и имена и мѣсто, и время, и выдуманы безъ особыхъ стараній закрыть поплотнѣе ихъ подлогъ. Поставивъ въ этихъ грамотахъ напр. дату „8 октября въ пятокъ“, поддѣлыватель поступалъ здѣсь, очевидно, совершенно наобумъ, не справившись, что 8 октября 1292 года приходилось не въ пятокъ, а въ понедѣльникъ [10]). Впрочемъ, и, помимо внѣшнихъ признаковъ подложности нашихъ грамотъ, ихъ поддѣлка вполнѣ очевидна, во-первыхъ, изъ безусловнаго молчанія о Галицкой митрополіи и Галицкихъ митрополитахъ XIII вѣка въ современныхъ и позднѣй-

---

[1]) Очеркъ ист. зап. рус. церкви, ч. I, стр. 7—8.
[2]) Червонорусское судоустройство 14—15 вѣковъ, стр. 145—153 (Жур. Мин. нар. просв. 1891 г. Іюль).
[3]) Гал. ист. сб. вып. II, въ текстѣ и въ примѣч.
[4]) Крит.—ист. пов. стр. 92. и прим. съ грам. подъ буквой Е.
[5]) Beiträge zur russischen Kirchengeshichte aus griechischen Quellen, стр. 255—256.
[6]) Geschichte der union der ruthenischen Kirche mit Rom, I, 387—390.
[7]) Гал. ист. сб. вып. II, стр. 90; то же—у Карамзина, Востокова, Головацкаго Зубрицкаго и др.
[8]) Востоковъ. Опис. рук. рум. муз. стр. 116. Гал. ист. сб. вып. II, стр. 86.

шихъ достовѣрныхъ историческихъ памятникахъ, а, во-вторыхъ, изъ обстоятельствъ ихъ происхожденія. Такъ, въ каталогѣ архіерейскихъ каѳедръ, надписанномъ именемъ царя Льва Мудраго, но происшедшемъ въ болѣе позднее время (XII—XIII в.), [°]) Галичъ помѣченъ не митрополіей, а одной изъ епископій Малой Россіи (εἰς τὴν Μικρὰν Ῥωσσίαν) [1]) и только въ болѣе позднемъ спискѣ каѳедръ Андроника Старшаго (1282—1327) и патріарха Аѳанасія (1302—1309) Галиція возведена на степень митрополіи [2]). Не встрѣчаемъ мы Галицкихъ митрополитовъ и въ Волынско-Галицкой лѣтописи, которая по своему происхожденію представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ и притомъ достовѣрнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, [3]) хотя она могла и должна бы, покрайней мѣрѣ, упомянуть или намекнуть о митрополитахъ Галактіонѣ (1240 г.), Маркѣ (1287), Іосифѣ и Антоніѣ (1292 г.), такъ какъ изъ этого періода (съ 1201 по 1292 г.) она даетъ вообще довольно подробныя историческія свѣдѣнія. Не встрѣчаемъ мы названныхъ митрополитовъ и въ извѣстной грамотѣ короля Казиміра, [4]) который, перечисляя Галицкихъ митрополитовъ: Нифонта, Петра, Гавріила и Ѳеодора, ни однимъ словомъ не обмолвливается объ этихъ первыхъ митрополитахъ, между тѣмъ какъ долженъ бы непремѣнно указать на нихъ. Обращаясь съ настойчивою просьбой къ патріарху о посвященіи въ Галицкіе митрополиты избраннаго имъ кандидата Антонія и для большаго подкрѣпленія своей просьбы стараясь завѣрить патріарха въ извѣчномъ существованіи Галицкой митрополіи, Казиміръ никакъ не долженъ бы упускать изъ виду митрополитовъ XIII в., такъ какъ указаніемъ на нихъ онъ придавалъ бы своей просьбѣ еще большую силу, убѣдительность и даже законность. Если же онъ не упоминаетъ о нихъ, то ясно, что о нихъ онъ не зналъ, такъ-какъ названныхъ грамотъ тогда еще, кажется, не существовало, или же не вѣрилъ въ существованіе этихъ митрополитовъ, если даже, предположимъ, и зналъ ихъ имена.

Изъ сказаннаго болѣе чѣмъ очевидно явствуетъ, что никакихъ митрополитовъ въ XIII в. не было, и существовали они только на бумагѣ подложныхъ грамотъ, а не въ дѣйствительности.

Обращаясь къ вопросу объ обстоятельствахъ происхожденія этихъ грамотъ, мы также находимъ вполнѣ очевидныя доказательства ихъ подложности.

---

[1]) Συντάγμια τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων.... Ралли и Потли, т. V, стр. 474—486.
[2]) Ibid. стр. 490—495.
[3]) Гал. ист. сб. II, стр. 91; Предисл. къ лѣт. Вол.—Гал. изд. Петрушевича. стр. 19.
[4]) Прил. № 22.

Грамоты Льва стали извѣстны не ранѣе второй половины XIV вѣка, именно тогда, когда въ нихъ оказалась настоятельная нужда. Послѣ присоединенія Галиціи къ Польшѣ, Польскіе короли стали раздавать земли Червонной Руси шляхтѣ. Раздавались какъ пустыя, такъ и заселенныя имѣнія. Въ виду этого русскіе землевладѣльцы должны были представить какія-нибудь доказательства своихъ правъ на владѣніе землею. Но такъ-какъ весьма немногіе могли доказать письменными документами свои права, то многіе принялись за поддѣлку грамотъ, каковая поддѣлка особенно была въ ходу въ XV и даже въ XVI вв. На такія поддѣльныя грамоты ссылалось въ XV и въ XVI вв. и Галицкое духовенство въ тяжбахъ съ лицами свѣтскими за достояніе церковное и нерѣдко выигрывало тяжбу. Поддѣлкую этихъ грамотъ не могло не подозрѣвать польское правительство, но все-таки принимало ихъ и придавало имъ нѣкоторую силу [1]).

И такъ, подложность названныхъ грамотъ, будтобы происшедшихъ въ XIII в., съ несомнѣнностью ясна и очевидна. Если же это такъ, то и мнѣніе о существованіи Галицкихъ митрополитовъ въ XIII в., какъ основывающееся только на этихъ грамотахъ, теряетъ подъ собой всякую почву и является полнѣйшей фикціей. Впрочемъ, если мы оставимъ въ сторонѣ и эти грамоты, и вопросъ объ ихъ неподлинности, существованіе Галицкихъ митрополитовъ въ XIII в. не можетъ быть допущено и на основаніи другихъ соображеній. Въ изложеніи побужденій, вызывавшихъ въ то или иное время возникновеніе Галицкой митрополіи въ XIV в., мы указывали на гражданскую обособленность юго-запада, какъ на главную причину всѣхъ случаевъ ея временнаго возникновенія. А этой обособленности, по крайней мѣрѣ, въ такой формѣ, какую она успѣла принять въ XIV в., мы совсѣмъ не замѣчаемъ въ вѣкѣ XIII. Хотя Галицкіе князья занимаютъ окраину Руси, довольно отдаленную отъ Руси сѣверной (Новгородской, Владиміро-Суздальской), но тѣмъ не менѣе не стоятъ особнякомъ, а поддерживаютъ связи съ нею и особенно—съ южной, Кіевской Русью. [т]). Этотъ союзъ тѣмъ болѣе могъ быть крѣпкимъ, что въ послѣдней не успѣла еще такъ сильно замереть народная жизнь, какъ случилось это позднѣе, съ отливомъ населенія въ сѣверную Русь. Насколько былъ крѣпокъ этотъ нравственно-національный и, пожалуй, политическій союзъ Галиціи съ остальною Русью, говоритъ и то обстоятельство, что въ первой половинѣ XIII вѣка, когда Кіевъ пришелъ въ упадокъ, рус-

---

[1]) Червонорус. суд. 14—15 в. Линниченко, стр. 146—153. Гал. истор. сб. вып. II, стр. 83, 93 и прим. 84. Акты зап. Рос. т. I, № 31.

скіе митрополиты, кажется, „почти постоянно жили въ Галичѣ“ [1]) и нѣкоторые даже избирались Галицкими князьями, какъ напр., митрополитъ Кириллъ, избранникъ князя Даніила Романовича. [2]) Правда, во вторую половину XIII вѣка въ Галицко-Волынской Руси начинается уже довольно замѣтное нерусское и ненаціональное направленіе, зависѣвшее можетъ быть, отъ близкаго сосѣдства Галиціи со странами западной Европы, откуда приливали въ нее новые, нерусскіе элементы народонаселенія—нѣмцы, евреи, армяне, и выразившееся особенно ясно съ возраставшемъ вліяніи римской куріи, успѣвшей даже вѣнчать королевскимъ вѣнцомъ князя Даніила (1255 г.) Но это вліяніе было вообще не особенно сильнымъ и успѣшнымъ, такъ-что сохранявшіяся въ Галиціи русско-національныя и православныя преданія, связывавшія ее съ сѣверной Русью, еще были довольно надежнымъ оплотомъ и обезпеченіемъ прочности союза и единенія со всерусскимъ православнымъ первосвятителемъ. [y]). Впрочемъ, во второй половинѣ XIII в., когда Кіевскими митрополитами были Кириллъ (1250 — 1280 г.) и Максимъ (1283—1305 г.), Галицкіе князья (Даніилъ, Василько, Левъ) уже начинали, конечно, сознавать, что митрополиты Кіевскіе болѣе тяготѣютъ къ сѣверу, чѣмъ къ юго-западу, ибо, обходя другія свои области, не посѣщаютъ Галицко-волынскихъ земель. [ф]). Но, видя расположеніе Кіевскихъ митрополитовъ не къ нимъ — Галицкимъ князьямъ, они прежде всего могли желать только одного—отвлечь это расположеніе отъ сѣверныхъ князей и привлечь его на свою сторону. Возможно, что они и предпринимали что-либо въ этомъ родѣ, хотя объ этомъ мы и не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. Но трудно предположить, что бы они, какъ только стали замѣчать нѣкоторую отчужденность отъ нихъ Кіевскихъ митрополитовъ, тотчасъ же начали предпринимать мѣры къ окончательному разрыву съ ними и къ исканію своихъ особыхъ митрополитовъ.

По закону исторической постепенности и чуждой всякихъ скачковъ строгой послѣдовательности, отъ сознанія неудовлетворительности извѣстнаго порядка до рѣшительныхъ мѣропріятій къ коренному измѣненію его долженъ пройти болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, въ который со всею очевидностью могла-бы выясниться вся насущная необходимость его измѣненія. Такой подготовительный періодъ времени особенно долженствовалъ быть продолжительнымъ, когда разрѣшался такой важный вопросъ какъ устраненіе прежняго обычнаго порядка церковнаго

---

[1]) Клевановъ. Исторія юго-зап. Руси; стр. 217.
[2]) Ипат. лѣт. 182, 185; Макар. IV, 7—8.

управленіе и устроеніе новаго. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, мы, думается, и не допускаемъ никакой погрѣшности, когда предполагаемъ, что Галицкіе князья XIII в., еще не дѣлали попытокъ къ образованію у себя самостоятельнаго церковнаго управленія, хотя можетъ быть, и желали послѣдняго.

Итакъ, ни самостоятельной митрополіи, ни особыхъ митрополитовъ Галиція въ XIII в. не имѣла, и защитники мнѣнія о существованіи въ то время этихъ послѣднихъ, очевидно, ошибаются.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Рядъ попытокъ учрежденія особой Галицкой митрополіи, предпринимавшихся Галицкими князьями—Романовичами съ самыхъ первыхъ годовъ XIV в. и до пресѣченія ихъ династіи (1336 г.)

1) Нифонтъ.

Когда же появились въ Галиціи самостоятельные митрополиты? Мы отвергли разобранное нами мнѣніе о существованіи Галицкихъ митрополитовъ въ XIII в., какъ не имѣющее за собой никакихъ историческихъ основаній. Отвергнувъ же это первое мнѣніе, мы становимся на сторону вышеуказаннаго нами второго мнѣнія, которое возводитъ начало Галицкой митрополіи къ XIV вѣку. Но теперь является вопросъ, въ какое же время этого вѣка нужно полагать начало самостоятельной Галицкой митрополіи,—иначе сказать, въ какомъ году появился въ Галиціи первый самостоятельный митрополитъ? Не можемъ не признаться, что отвѣтить вполнѣ удовлетворительно на этотъ поставленный нами вопросъ мы сильно затрудняемся, потому что для разрѣшенія его мы не имѣемъ подъ руками вполнѣ точныхъ и опредѣленныхъ историческихъ данныхъ. Это прискорбное для нашего труда обстоятельство будетъ неизмѣннымъ спутникомъ по всему пути нашего изслѣдованія, оно же встрѣчаетъ насъ и при самомъ началѣ его и уже довольно сильно даетъ себя чувствовать, заставляя насъ имѣть дѣло съ разнорѣчивыми взглядами разныхъ изслѣдователей и побуждая насъ пускаться въ область предположеній и вѣроятностей.

Мы должны опредѣлить, въ какомъ году была учреждена особая Галицкая митрополія и кто былъ ея первымъ митрополитомъ. Но ни русскія лѣтописи, ни современные Галицкіе и Польско-Литовскіе письменные памятники не только ничего не говорятъ о той и другомъ, но даже не даютъ и какого-либо намека, за который хоть какъ-нибудь можно было бы уцѣпиться. Единственное хронологическое указаніе о времени основанія Галицкой митрополіи мы находимъ въ греческихъ памятникахъ—въ перечнѣ подчиненныхъ Константинопольскому патріарху церковныхъ архіерейскихъ каѳедръ, который (перечень), какъ открывается

изъ его надписанія, изданъ во дни самодержца Андроника Палеолога Старшаго [x]). Этотъ перечень мы читаемъ у Георгія Кодина Куропалата (жившаго въ XV в.) въ его сочиненіи „De officiis Palatii Constant. Et officiis magnae ecclesiae“ (p. 220—230)—въ изданіи на греческомъ и латинскомъ языкахъ 1588 г. изъ библіотеки нѣкоего Юлія Паціуса; съ добавленіемъ древнихъ примѣчаній [1]), этотъ перечень помѣщенъ также въ Συντάγμια. Ралли и Потли (т. 5, стр. 490—495); эти же заимствовали его, во-первыхъ, у Іакова Гоара, издавшаго въ 1648 г. въ Парижѣ книгу Кодина [2]), во-вторыхъ у Тафеля [3]), издавшаго книгу „Constantinus Porphirogenitus de provinciis Regni Byzantini“, и изъ кодекса Герасима Арголида [4]). Въ названномъ перечнѣ Ралли и Потли мы читаемъ такую замѣтку: „Галиція, бывшая русская епископія, возведена на степень митрополіи царемъ Андроникомъ Палеологомъ, при святѣйшемъ патріархѣ Аѳанасіи въ годъ 6811 ($130^2/_3$) [5]) [u]). Съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и добавленіемъ эта замѣтка читается въ Парижскихъ записяхъ 1356 и 1389: „Галиція, будучи епископіей великой Руси, возведена въ митрополію при православномъ царѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ, при святѣйшемъ патріархѣ Аѳанасіи въ годъ 6811 въ 3-й индиктіонъ“ [2]). Какъ видимъ, здѣсь къ вышеприведенному изъ Συντάγμια году присоединяется еще замѣтка о 3-емъ индиктіонѣ. Но этотъ послѣдній, согласно приводимый въ обѣихъ парижскихъ записяхъ, не подходитъ къ указанному году, а соотвѣтствуетъ году 6813 ($1304/_5$), такъ-что въ чемъ либо—въ показаніи года или индикта—кроется ошибка. Можетъ быть, индиктъ Г (третій) ошибочно произошелъ изъ α (перваго), соотвѣтствующаго 6811 году; но можетъ быть и то, что 3-й индиктъ помѣченъ правильно но годъ ϛωια слѣдуетъ читать какъ ϛωιδ [7]). Которое изъ этихъ предположеній правильнѣе, трудно судить, но въ виду того обстоятельства, что большинство списковъ указанной замѣтки вовсе не знаютъ индиктіона, тогда какъ годъ учрежденія Галицкой митрополіи во всѣхъ спискахъ показанъ одинъ и тотъ же,—первое предположеніе нужно считать болѣе правильнымъ [8]). Кромѣ года, мы въ одной Парижской записи находимъ не только указаніе на учрежденіе Галицкой

---

[1]) Συντάγμα, V, 15.
[2]) Ibid. 12.
[3]) Ibid. 14—15.
[4]) Ibid. стр. 490, примѣч.
[5]) Ibid., стр. 494, примѣч.
[6]) Gelzer, стр. 255.
[7]) Gelzer, стр. 255 и примѣч.
[8]) О началѣ галицкой и литовской митрополій и первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по виз. док. источ. А. Павловъ (Русск. Обозр. 1894 г. Май, стр. 216).

митрополіи при императорѣ Андроникѣ Старшемъ и патріархѣ Аѳанасіи „посредствомъ царскихъ указовъ и патріаршихъ грамотъ“, но и перечень подчиненныхъ новоучрежденной митрополіи епископій: владимірской, перемышльской, луцкой, туровской и холмской [1]) [2]). Итакъ, мы нашли и приблизительный годъ основанія Галицкой митрополіи (около $130^2/_3$ г.), и даже область подвѣдомыхъ ей епископій, изъ которыхъ четыре входили въ составъ Галицко-Волынскаго княжества, а одна—туровская—въ гражданскомъ отношеніи составляла особый удѣлъ, съ своимъ отдѣльнымъ княземъ, но по своей слабости не имѣвшимъ полной самостоятельности и тяготѣвшимъ къ болѣе сильнымъ князьямъ—сначала къ Галицко-Волынскому, а потомъ Литовскому [2]). Теперь намъ нужно найти имя перваго Галицкаго митрополита, котораго императоръ Андроникъ и патріархъ Аѳанасій утвердили въ новоучрежденной митрополіи. Имени этого перваго митрополита мы не находимъ нигдѣ изъ современныхъ русскихъ, галицкихъ и польско-литовскихъ извѣстій; не сохранили его и греческіе памятники. Обращаясь къ болѣе позднимъ письменнымъ памятникамъ, мы также встрѣчаемъ въ нихъ одно глухое молчаніе объ этомъ имени, какъ и вообще о Галицкихъ митрополитахъ. И только въ одномъ памятникѣ, происшедшемъ несомнѣнно не позднѣе 1370 года, указанъ этотъ первый Галицкій митрополитъ. Мы разумѣемъ упомянутую уже ранѣе грамоту польскаго короля Казиміра, въ которой онъ обращается къ Константинопольскому патріарху съ просьбой поставить для Галиціи митрополитомъ епископа Антонія. „Вся земля (Галицкая) гибнетъ нынѣ безъ закона—пишетъ Казиміръ патріарху—ибо законъ нынѣ исчезаетъ. Отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополіею во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ. Первый митрополитъ вашего благословенія былъ Нифонтъ, второй митрополитъ Петръ, третій митрополитъ Гавріилъ, четвертый митрополитъ Ѳеодоръ. Всѣ они были на престолѣ Галича“ [3]). Казиміръ, какъ мы видимъ, указываетъ цѣлый рядъ Галицкихъ митрополитовъ и первымъ ставитъ Нифонта. Итакъ мы оказались настолько счастливы, что нашли не только перваго Галицкаго митрополита, но и митрополитовъ послѣдующаго времени. Повидимому, намъ остается только радоваться, такъ-какъ, имѣя подъ руками цѣлый рядъ галицкихъ митрополитовъ, мы можемъ надѣяться, что исторія нашей митрополіи вполнѣ обезпечена. Но это только говоримъ, „повидимому“. Прежде чѣмъ довѣряться извѣстному документу и пользоваться

---

[1]) Gelzer, стр. 253, Zachariae Jus Graeco-Roman. t. III, p. 701, not. II.
[2]) Иловайскій, II, стр. 58.
[3]) Приложеніе № 22.

имъ, нужно напередъ знать, стоитъ онъ оказываемаго ему довѣрія и, слѣдовательно, можно ли его употреблять съ пользой. Вотъ теперь и должны мы разрѣшить, какъ намъ смотрѣть на грамоту Казиміра и отсюда—какъ къ ней относиться.

Что же мы видимъ, вчитываясь въ смыслъ названной грамоты и вслушиваясь въ ея тонъ?

Рѣшительный, бойкій тонъ грамоты, которая передаетъ какъ бы всѣмъ извѣстное, несомнѣнное, не допускающее никакихъ возраженій или пререканій, нѣсколько подкупаетъ въ ея пользу и невольно заставляетъ ей вѣрить. Но, къ сожалѣнію, когда мы отрѣшимся отъ воздѣйствія общаго тона грамоты и повнимательнѣе вникнемъ въ ея содержаніе, то прійдемъ къ печальному для насъ выводу—объ ея несомнѣнной субъективности, пропитанной духомъ беззастѣнчивой лжи и, по меньшей мѣрѣ преувеличенія. Эти качества Казиміровой грамоты прямо бьютъ въ глаза, какъ только начинаемъ прислушиваться къ ея завѣреніямъ о томъ, что „отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополіею во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ“. Уже одна эта фраза сильно подрываетъ вѣру въ историческое безпристрастіе и достовѣрность передаваемаго въ этой грамотѣ, такъ какъ извѣчное существованіе Галицкой митрополіи было только въ одномъ воображеніи и на языкѣ Польскаго короля, а никакъ не въ дѣйствительности. Казиміръ хочетъ завѣрить патріарха, будто Галицкая митрополія была чѣмъ-то издавна и законно утвердившимся и безъ перерыва существовавшимъ, но это чистая ложь, которую, можетъ быть, сознавалъ и, навѣрное, подозрѣвалъ самъ Казиміръ. Какъ мы доказали выше, Галиція не только „изъ вѣка вѣковъ“ не славилась митрополіей, но и столѣтіе назадъ отъ временъ Казиміра не была митрополіей, а оставалась въ вѣдѣніи митрополитовъ Кіевскихъ. Да и самъ Казиміръ, съ рѣшительностью заявляя объ извѣчномъ существованіи Галицкой митрополіи, подтверждаетъ его такими именами митрополитовъ, которые жили совсѣмъ не въ отдаленномъ отъ него времени. Названныя имъ имена скорѣе говорили противъ извѣчности Галицкой митрополіи и подтверждали ея существованіе только въ позднѣйшее сравнительно время. Очевидно, Казиміръ, выступая съ такими заявленіями, или не зналъ ясно и опредѣленно церковныхъ обстоятельствъ Галиціи, или же, зная ихъ, намѣренно и сознательно пренебрегалъ исторической правдой. Но если грамота Казиміра не отличается историческимъ безпристрастіемъ и правдивостью, то вслѣдствіе этого и довѣряться ей особенно не слѣдуетъ. А если такъ, то имѣемъ ли мы право вѣрить Казимірову перечню Галицкихъ митрополитовъ? Можетъ быть, онъ, просто-на-просто легкомысленно и беззастѣнчиво выдумалъ перечисляемыхъ имъ митрополитовъ?

Что эти послѣдніе плодъ его пылкой и не знающей мѣры фантазіи, повидимому говорить то обстоятельство, что имена ихъ намъ совершенно неизвѣстны изъ какихъ либо другихъ источниковъ и появились они на свѣтъ только благодаря этой грамотѣ Казиміра. Про перваго—Нифонта—мы можемъ предполагать, что онъ былъ митрополитомъ съ $130^2/_3$ года. Но, предполагая это, мы въ этомъ случаѣ не столько вѣримъ грамотѣ Казиміра, сколько вышеуказанной нами исторической замѣткѣ, помѣщенной въ каталогѣ церковныхъ каѳедръ Андроника Старшаго. Узнавъ оттуда о томъ, что въ $130^2/_3$ году была открыта митрополія въ Галиціи, мы предполагаемъ (и только предполагаемъ), что въ этомъ случаѣ митрополитомъ могъ быть Нифонтъ, какъ поставленный въ перечнѣ Казиміра на первомъ мѣстѣ. Относительно второго митрополита—Петра—Казиміръ, очевидно, говорилъ неправду, ибо Св. Петръ, какъ мы увидимъ ниже, только предназначался въ Галицкіе митрополиты, но никогда не былъ этимъ послѣднимъ, а постоянно, во всю свою жизнь пользовался и титуломъ и властью митрополита „всея Руси“ (Кіево-Московскаго). Обращаясь къ слѣдующимъ за Петромъ митрополитамъ, мы уже прямо становимся въ тупикъ. Имя Галицкаго митрополита Гавріила мы встрѣчаемъ только въ грамотѣ Каѣиміра и нигдѣ болѣе; имя Ѳеодора хотя мы и встрѣчаемъ напр. въ лѣтописныхъ указаніяхъ, но онъ тамъ называется епископомъ и нигдѣ и никогда митрополитомъ, такъ что Ѳеодора митрополита, какъ и митрополита Гавріила, мы не знаемъ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ перечисленные Казиміромъ митрополиты и особенно послѣдніе два вовсе не существовали въ дѣйствительности, и ихъ создало исключительно одно воображеніе короля, желавшаго своей выдумкой обмануть Константинопольскаго патріарха? Нѣтъ; вникая въ смыслъ Казиміровой грамоты и вслушиваясь въ ея тонъ, дышащій искуственной горячностью и поддѣльно-фальшивымъ опасеніемъ, какъ-бы „не исчезъ, не раззорился законъ“ (православный) въ Галиціи, о предполагаемой погибели котораго король на самомъ дѣлѣ ничуть не печалился, но даже, напротивъ, его дѣйствительному разоренію, какъ католикъ, порадовался бы, — мы, ясно чувствуя неискренность автора грамоты, въ то же время сознаемъ, что сплошной лжи въ этой грамотѣ нѣтъ и не можетъ быть. Во-первыхъ, перебирая названныхъ Казиміромъ Галицкихъ митрополитовъ, мы, противъ всякаго ожиданія, усматриваемъ нѣкоторую осторожность и точность въ перечнѣ ихъ. Такъ, перечисляя Галицкихъ митрополитовъ, Казиміръ не упоминаетъ въ числѣ ихъ Романа, который въ его дни былъ Литовско-Галицкимъ митрополитомъ и могъ бы быть занесенъ въ ихъ разрядъ съ полнымъ съ его стороны правомъ. Но Казиміръ этого не дѣлаетъ и, думаемъ, потому, что хочетъ

указать въ своемъ перечнѣ исключительно только Галицкихъ митрополитовъ, а такого, какъ Романъ, бывшаго прежде всего, и по преимуществу, митрополитомъ Литовскимъ и потомъ уже Галицкимъ, онъ ради сохраненія точности опускаетъ изъ своего перечня, хотя, казалось бы, онъ непремѣнно долженъ былъ воспользоваться его именемъ, такъ какъ указаніе лишней личности въ ряду Галицкихъ митрополитовъ еще болѣе поднимало бы цѣну и значеніе его настоятельной просьбы. Во-вторыхъ, представлять дѣло такъ, будто вся грамота Казиміра и всѣ перечисленныя имъ имена митрополитовъ — цѣлая и сплошная ложь, по меньшей мѣрѣ, думаемъ, странно и даже болѣе—невозможно. Какъ бы ни велика была хвастливость Казиміра (Поляки, какъ извѣстно, не чужды этого недостатка), но такъ нагло и, главное, безъ всякой для себя пользы лгать онъ не могъ. Положимъ, добиваясь своего собственнаго митрополита и стараясь завѣрить патріарха въ полной законности своихъ требованій указаніемъ на прежнее продолжительное существованіе Галицкой митрополіи, Казиміръ впадалъ въ нѣкоторое, какъ мы говорили выше, преувеличеніе и фальшь; но онъ, повторимъ, не могъ такъ лгать, чтобы выдавать сознательно свои лживые вымыслы за дѣйствительность,— и вотъ почему: Перечисляя патріарху Галицкихъ митрополитовъ, Казиміръ не могъ не знать того, что всѣ случаи поставленія митрополитовъ и имена этихъ послѣднихъ извѣстны патріарху или, по крайней мѣрѣ, могутъ легко сдѣлаться для него извѣстными, такъ какъ относительно ихъ онъ всегда можетъ получить самыя полныя и точныя свѣдѣнія изъ оффиціальныхъ документовъ патріархіи. А если такъ, то Казиміру было просто невыгодно для себя и своего дѣла морочить патріарха и императора Византіи, который принималъ живое и близкое участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ патріарха и могъ оскорбиться беззастѣнчивостью хвастливаго поляка. Но если такъ, то какже объяснить ту фальшивость и преувеличеніе, которыя допускаетъ Казиміръ въ своей грамотѣ? Возможны въ этомъ случаѣ два объясненія: Казиміръ, какъ человѣкъ, до завоеванія Галиціи стоявшій внѣ всякихъ отношеній къ ея судьбѣ, не зналъ истиннаго положенія прежнихъ церковныхъ обстоятельствъ Галиціи, такъ какъ онъ плохо о нихъ справлялся, или невѣрно ему о нихъ передали, и потому впалъ въ погрѣшность съ извинительностію несвѣдущаго человѣка. Но возможно и то, что Казиміръ собралъ, насколько было возможно, самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о Галицкой Церкви и потомъ самъ добавилъ ихъ собственными измышленіями. Можно, думаемъ, предполагать и то, и другое, порознь и даже вмѣстѣ [III]). Но мы склоняемся болѣе ко второму предположенію и думаемъ, что Казиміръ, справившись, каково было церковное положеніе Галиціи въ прежнее

время, увидалъ, что оно даетъ нѣкоторыя права на требованіе для Галиціи церковной самостоятельности, такъ какъ и ранѣе въ ней бывали свои независимые митрополиты; но, сообразивъ это, онъ, какъ человѣкъ увлекающійся и невоздержный на языкъ, такъ сказать, хватилъ черезъ край, начавъ увѣрять патріарха не только въ томъ, что Галицкіе митрополиты вообще бывали ранѣе, но и что они существовали въ Галиціи издавна, „изъ вѣка вѣковъ“. Возможно (психологически), что, выдумавъ самъ или съ помощью другихъ это извѣчное существованіе Галицкой митрополіи, увѣрилъ и самого себя въ справедливости своей выдумки, подкрѣпленіемъ чего могла быть недостаточность и спутанность извѣстій о Галиціи, что давало ему полное и мнимозаконное право добавлять ихъ своими собственными соображеніями и выдавать ихъ за исторически-достовѣрныя положенія. Извѣстенъ, вѣдь, такой психологическій фактъ, что человѣку свойственно реализовать свои излюбленныя мечты и вѣрить въ дѣйствительное существованіе того, что̀ ему сильно хотѣлось бы видѣть не въ своей только мысли, а въ самой дѣйствительности. Впрочемъ, если Казиміръ и скептически относился къ возможности извѣчнаго существованія Галицкой митрополіи, то и въ такомъ случаѣ, защищая послѣднее предъ патріархомъ, онъ не видѣлъ никакого особеннаго неблагоразумія съ своей стороны. Ему, вѣроятно, думалось, что такими, хотя и фальшивыми, увѣреніями онъ лучше и вѣрнѣе повоздѣйствуетъ на патріарха; разглядитъ ли послѣдній ихъ въ своей неподдѣльной сущности, это еще вопросъ, а между тѣмъ дать особенную силу убѣдительности его просьбѣ они могутъ весьма легко; если даже патріархъ и пойметъ неискренность и фальшь увѣреній Казиміровыхъ, то также пойметъ, во-первыхъ, и то, что въ завѣреніяхъ Казиміра далеко не все ложь, а есть большая доля правды, достойная уваженія, а, во-вторыхъ, пойметъ и приметъ къ свѣдѣнію то обстоятельство, что Казиміръ, съ такой горячностью взявшійся за церковное устроеніе Галиціи и, повидимому, съ интересомъ собирающій историческія свѣдѣнія о ней, не остановится ни передъ чѣмъ и—во что бы то ни стало—достигнетъ намѣченной цѣли. Но если все это такъ, то какже намъ быть въ такомъ случаѣ съ грамотой Казиміра и съ указанными имъ Галицкими митрополитами? Очевидно, мы не можемъ всецѣло вѣрить ей, но въ то же время мы не можемъ во всей ея цѣлости и отвергать ее, ибо не имѣемъ основаній считать ее во всей ея цѣлости одной исключительной ложью. Правда, перечисляемые Казиміромъ Галицкіе митрополиты не подтверждаются другими историческими документами и вслѣдствіе этого могутъ быть сильно подозрѣваемы въ ихъ дѣйствительномъ существованіи,—тѣмъ болѣе, что и говоритъ-то о нихъ чело-

вѣкъ, по всѣмъ даннымъ сильно наклонный ко лжи и, по меньшей мѣрѣ, къ крайнимъ преувеличеніямъ. Но нужно замѣтить то, что отсутствіе о нихъ историческихъ свѣдѣній, кромѣ упоминанія въ грамотѣ Казиміра, еще не можетъ служить доказательствомъ ихъ несуществованія, такъ какъ вообще всѣ свѣдѣнія о Галиціи и Галицкой Церкви въ высшей степени скудны и недостаточны. Не нужно забывать также и того обстоятельства, „что мы не имѣемъ полнаго списка іерарховъ ни для одной изъ древне-русскихъ епархій и въ особенности южныхъ и западныхъ, гдѣ во времена уніи и господства іезуитовъ погибло не мало всякихъ памятниковъ древняго православія [1])“; слѣдовательно, отсутствіе историческихъ извѣстій о Галицкихъ митрополитахъ не должно особенно насъ смущать и служить поводомъ къ отрицанію самаго существованія послѣднихъ. Намъ думается, самымъ вѣрнымъ исходомъ при воззрѣніи на грамоту Казиміра будетъ такой, чтобы выбирать изъ нея то, что соотвѣтствуетъ общей логической и отчасти исторической возможности. Галицкая митрополія, говоритъ Казиміръ, существовала изъ вѣка вѣковъ; мы этому и не придаемъ никакой вѣры, такъ-какъ имѣемъ для этого безусловное опроверженіе въ исторіи прежнихъ церковныхъ обстоятельствъ Галиціи. Но мы не имѣемъ основаній *безусловно* недовѣрять перечню Галицкихъ митрополитовъ, хотя онъ и не подтверждается, какъ сейчасъ мы высказывали, другими историческими свидѣтельствами. Мы знаемъ, что до Казиміра митрополія въ Галиціи существовала, слѣдовательно были въ ней и свои митрополиты, хотя мы и не знаемъ ихъ именъ. Но вотъ является грамота Казиміра, и имена ихъ намъ становятся извѣстными. Являясь для насъ болѣе чѣмъ кстати, Казимірова грамота оказываетъ намъ громадную услугу своимъ перечнемъ митрополитовъ, проясняя судьбы нашей митрополіи. Правда, если Казиміръ просто-на-просто сочинилъ своихъ митрополитовъ, то они могутъ ввести насъ только въ обманъ и еще болѣе затемнить и запутать исторію митрополіи. Но, во-первыхъ, какъ мы говорили, не могъ же Казиміръ *всего* выдумать въ своей грамотѣ; слѣдовательно, перечисляемые имъ митрополиты могли совсѣмъ не быть плодомъ его фантазіи, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ отмѣченной нами выше точности его перечня, а, во-вторыхъ, существованіе Галицкихъ митрополитовъ подтверждается существованіемъ самой митрополіи; слѣдовательно, Казиміровъ перечень имѣетъ за себя даже историческія, хотя и не документальныя, основанія. Вслѣдствіе этого, мы не думаемъ отвергать перечень Казиміра и намѣрены воспользоваться имъ въ нашемъ послѣдо-

[1]) О началѣ галицкой и литовской митр. А. Павловъ, стр. 218, примѣчаніе.

ваніи. Было бы, думаемъ, крайней степенью подозрительности безъ разсужденій отвергнуть его, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы оказались бы въ положеніи людей, не желающихъ по какой-то прихоти пользоваться тѣмъ добромъ, которое имъ предлагаютъ. Добро это, правда, сомнительнаго качества, но во всякомъ случаѣ не настолько дурно и неприглядно, чтобы выбрасывать его за окошко.

Итакъ, мы принимаемъ перечень Казиміра и думаемъ, что названные имъ Галицкіе митрополиты дѣйствительно существовали какъ реальные митрополиты, а не были порожденіемъ его фантазіи. Вслѣдствіе же этого, мы осмѣливаемся предполагать, что и первымъ Галицкимъ митрополитомъ былъ вышеназванный Нифонтъ, котораго Казиміръ въ своемъ перечнѣ ставитъ на первомъ мѣстѣ. Начало его митрополитства падаетъ именно на то время, какое указываетъ замѣтка въ вышеупоминаемомъ нами перечнѣ архіерейскихъ каѳедръ Андроника Старшаго, т. е. на $130^2/_3$ годъ. Указывая на это время начала митрополіи Галицкой, каѳедру которой пришлось первому занять нашему Нифонту, мы не остаемся въ этомъ случаѣ безъ поддержки, такъ какъ наша мысль вполнѣ согласна съ мнѣніями Шараневича [1]), Петрушевича [2]), Е. Е. Голубинскаго [3]), А. Павлова [4]), Gelzer'a [5]).

Нѣсколько иное, отличное отъ нашего, мнѣніе о началѣ Галицкой митрополіи встрѣчаемъ мы у Pelesz'a. Основываясь на грамотѣ Казиміра, Pelesz утверждаетъ, что „сообразно съ этимъ документомъ“ учрежденіе Галицкой митрополіи нужно относить „къ концу XIII вѣка“. „Поводъ къ этому былъ данъ переселеніемъ въ 1299 году митрополичьей резиденціи изъ Кіева во Владиміръ на Клязмѣ, вслѣдъ за которымъ въ Галичѣ и учреждена была своя митрополія и первымъ митрополитомъ былъ поставленъ Нифонтъ. Этотъ Нифонтъ для туземныхъ лѣтописцевъ совершенно неизвѣстная личность; но такъ какъ въ грамотѣ Казиміра онъ называется первымъ и Петръ вторымъ митрополитомъ, то его управленіе нужно отнести въ промежуточное время отъ 1299 по 1305 годъ. Однако, говоритъ далѣе Pelesz, — эта новоосновванная митрополія не была признана патріархомъ,—по крайней мѣрѣ, въ пользу этого обстоятельства нѣтъ никакихъ данныхъ [6])“.

Это мнѣніе Pelesz'a, вѣрное въ своей сущности, въ своихъ частностяхъ далеко не отличается научной обоснованностью и справедливо

---

[1]) Истор. Гал.-Вол. Руси, стр. 124.
[2]) Галицк. истор. сборн. вып. III, стр. 11—17.
[3]) Богословскій Вѣстн. 1893 г. Янв. Митр. Петръ, стр. 22.
[4]) О началѣ Гал. и Лит. митроп., стр. 218.
[5]) Beiträge zur russischen Kirchengeschichte aus griechischen Quellen, стр. 260.
[6]) Pelesz Geschichte . . . I, стр. 381—382.

подвергнуто критикѣ И. Филевичемъ. Этотъ послѣдній относится къ грамотѣ Казиміра съ безусловнымъ недовѣріемъ, признавая его перечень Галицкихъ митрополитовъ „фактически несостоятельнымъ [1])“ и совершенно недостовѣрнымъ; вслѣдствіе этого, онъ въ Нифонтѣ видитъ не реальнаго митрополита, а выдумку короля и относительно его полемизируетъ съ Pelesz'омъ. Оспаривая мнѣніе послѣдняго о существованіи Галицкой митрополіи въ 1299 году и Нифонта, какъ ея перваго митрополита, Филевичъ указываетъ ему, что во время путешествія митрополита Максима въ Царьградъ, гдѣ онъ въ 1301 году присутствовалъ на соборѣ, онъ (Максимъ) обозрѣвалъ по пути Волынскую землю; слѣдовательно, эта послѣдняя не составляла особой митрополіи, а находилась въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита [2]) m). „Если же въ перемышльской рукописи, о которой упоминаетъ Pelesz— говоритъ далѣе Филевичъ—названъ Нифонтъ, то, во-первыхъ, онъ названъ здѣсь епископомъ, а не митрополитомъ, во-вторыхъ, рукопись эта очень поздняя, и, наконецъ, въ ней послѣ Нифонта поставленъ Игнатій [3])“. Кромѣ замѣчаній, высказанныхъ по поводу взгляда Pelesz'а Филевичемъ, нельзя не прибавить того, что мнѣніе его о началѣ Галицкой митрополіи съ 1299 года, которое будто-бы „сообразно съ грамотой Казиміра“, лишено всякихъ основаній, потому что, по вышеуказанному нами перечню Андроника, начало Галицкой митрополіи нельзя полагать ранѣе $130^2/_3$ г. Что же касается перехода митрополита Максима изъ Кіева во Владиміръ, что, дѣйствительно, случилось въ 1299 году [4]), то Pelesz совершенно напрасно хочетъ установить на этомъ годѣ переселенія митрополита точную хронологію начала Галицкой митрополіи. Трудно и даже невозможно предполагать, чтобы такъ неестественно быстро и поспѣшно образовалась Галицкая митрополія, если уже въ самый годъ удаленія Кіевскаго митрополита появляется самостоятельный Галицкій митрополитъ. Такой же случай ухода на сѣверъ былъ и ранѣе,— именно, при переселеніи въ 1250 г. митрополита Кирилла въ землю Суздальскую [5]), но этотъ переходъ не подалъ повода искать тогда Галицкому князю Даніилу особаго митрополита. Слѣдовательно, если удаленіе митрополитовъ изъ юго-западной Руси и должно считать одной изъ причинъ учрежденія Галицкой митрополіи, то все-таки никакъ нельзя устанавливать на его основаніи точное опредѣленіе времени того, съ какого

---

[1]) Филевичъ. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицк.-Владим. наслѣдіе, стр. 269—275 (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г. Январь).
[2]) Ibid. стр. 273.
[3]) Ibid. стр.
[4]) Никон. лѣт. III, 96; ср. Суздал. лѣт., стр. 500.
[5]) Полное собраніе лѣтописи Ипат. 185; Воскр. 159; Никон. III, 32.

именно года началась наша митрополія, какъ это дѣлаетъ Pelesz. [5]). По нашему мнѣнію, какъ Pelesz, такъ и его противникъ Филевичъ, оба ошибаются,—первый возводя начало Галицкой митрополіи къ 1299 году, второй, совсѣмъ отрицая ее въ это и даже въ послѣдующее время.

Для насъ слишкомъ важно было бы знать мнѣніе о началѣ Галицкой митрополіи Высокопр. Макарія, но послѣдній на этомъ вопросѣ почти не останавливается и высказывается по поводу его только мимоходомъ.

Признавая лживость и неточность грамоты Казиміра, [1]) Макарій придаетъ ей все таки нѣкоторое значеніе, но про Нифонта, какъ перваго Галицкаго митрополита, ничего не говоритъ и относитъ первую попытку учрежденія самостоятельной Галицкой митрополіи къ посольству Галицкимъ княземъ Юріемъ Львовичемъ Петра для поставленія въ митрополиты. Приводя разсказъ изъ житія св. Петра, составленнаго митрополитомъ Кипріаномъ и помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, объ игуменѣ Геронтіи, „дерзостію восхитившемъ санъ святительскій и о желаніи князя Юрія галичскую епископію въ митрополію претворити“, поставивъ на нее Петра, [2]) Макарій замѣчаетъ отъ себя, что если по смерти митрополита Максима (1305 г.) волынскій князь, „восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити“, то прежде, значитъ, эта епископія не была митрополіей [3]). Думаемъ, что эта мысль высокопр. Макарія не совсѣмъ справедлива и нисколько не доказываетъ того, будто ранѣе попытки съ Петромъ въ Галиціи не было митрополита. Галицкая митрополія существовала періодически, съ перерывами, и въ продолженіе цѣлаго столѣтія не могла стать на твердую почву, будучи всегда чѣмъ то неустановившемся и даже не всегда признаннымъ со стороны власти патріаршей, вслѣдствіе чего она обыкновенно колебалась между самостоятельнымъ положеніемъ независимой митрополіи и между подчиненіемъ ея, съ утратой своей самостоятельности, митрополитамъ Кіевскимъ. Вслѣдствіе же такого, случайно-періодическаго своего существованія, она обыкновенно становилась митрополіей, буквально, „претворяясь изъ епископіи“, состоявшей доселѣ въ вѣдѣніи Кіевскаго митрополита въ качествѣ подвѣдомой ему епархіи и теперь превращающейся въ достоинство независимой отъ него митрополіи. Притомъ составитель житія св. Петра митр. Кипріанъ могъ совсѣмъ не знать о Нифонтѣ, или потому, что этотъ послѣдній, по кратковременности своего пребыванія на каѳедрѣ Галицкой митрополіи, не успѣлъ ничѣмъ себя заявить въ исто-

[1]) Макарій IV стр. 56.
[2]) Степенная книга, стр. 414.
[3]) Макарій, IV, 307, приложен. № II.

ріи, или же по причинѣ общей скудости свѣдѣній о Галиціи и особенно объ ея церковныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, если даже Кипріанъ и зналъ про этого митрополита, то могъ совершенно пренебречь имъ, считая его поставленіе на независимую отъ Кіевской митрополіи каѳедру дѣломъ незаконнымъ и неканоническимъ. Да и вообще нужно замѣтить— „житія святыхъ не такой источникъ, отъ котораго можно было бы ожидать строгаго соблюденія точности выраженій и послѣдовательности въ разсказѣ объ историческихъ событіяхъ, особенно давно минувшихъ“ [1]) Вслѣдствіе этихъ высказанныхъ нами соображеній, мы и осмѣливаемся не соглашаться съ вышеприведенной мыслью высокопреосв. Макарія, на которой, впрочемъ, онъ особенно и не настаиваетъ и не старается ее развивать и доказывать.

Итакъ, мы остаемся при нашемъ высказанномъ мнѣніи, что Галицкая митрополія была основана приблизительно около 130²/₃ года. Виновникомъ ея учрежденія былъ такимъ отразомъ не Галицкій князь Левъ Даниловичъ, какъ думаетъ Pelesz, а его сынъ Юрій, занимавшій престолъ Галицкаго княжества съ 1301 по 1315 годъ. Этотъ князь отличался миролюбивымъ характеромъ, не увлекался жаждой военной славы, какъ его дѣдъ Данило и прадѣдъ Романъ; живя въ мирѣ съ сосѣдями и не стремясь къ расширенію своей области, Юрій „старался лишь удержать, сохранить и обезпечить то достояніе, которое ему передалъ отецъ“. [2]) Направивъ же свои стремленія исключительно ко внутреннему благоустроенію своего княжества, Юрій естественно могъ натолкнуться на мысль позаботиться не о гражданскомъ только благополучіи своихъ подданныхъ, но и церковномъ. Онъ видѣлъ, что Кіевскій митр. Максимъ отдаетъ явное предпочтеніе сѣверу, куда онъ окончательно удалился въ 1299 году. Правда, онъ около 1301 г. заходилъ по пути въ Волынскую землю, но потомъ опять ушелъ на сѣверъ. Вслѣдствіе этого Юрій Львовичъ, и могъ прійти къ мысли создать въ своемъ княжествѣ отдѣльную и независимую митрополію, которая, какъ мы знаемъ, дѣйствительно и была открыта императоромъ Андроникомъ Старшимъ и патріархомъ Аѳанасіемъ въ 130²/₃ году, т. е. тотчасъ же вслѣдъ за послѣднимъ посѣщеніемъ Галиціи митрополитомъ Максимомъ. Каѳедру новооткрытой митрополіи занялъ извѣстный намъ Нифонтъ, но былъ на ней, очевидно, совсѣмъ не долго—никакъ не болѣе 3—4 лѣтъ, т. е. до 1305 г., когда умеръ митр. Максимъ [3]) и когда князь Юрій

---

[1]) О началѣ Галицк. и Лит. митр. А. Павловъ, стр. 217.
[2]) Шареневичъ. Истор. стр. 122.
[3]) Полн. собр. лѣтоп. Новгор. IV, 47; Софійск. I, 204; Воскрес. 184; Никон. III, 103.

избралъ и послалъ ставиться на Галицкую митрополію другого кандидата— Петра. О жизни и дѣятельности этого перваго Галицкаго митрополита мы совершенно ничего не знаемъ и даже не рѣшаемся утверждать, а только предполагаемъ, что этимъ первымъ Галицкимъ митрополитомъ былъ именно нашъ Нифонтъ, а не кто-либо другой, такъ-какъ личность этого Нифонта безусловно неизвѣстна и непзвѣстна до того, что его смѣшиваютъ даже съ совершенно другими личностями, напр. съ указаннымъ нами выше искателемъ русской митрополіи Геронтіемъ. [1]) Каѳедра новоучрежденной митрополіи помѣщалась въ самомъ Галичѣ, при соборномъ храмѣ Божіей Матери, вѣроятно праздника Успенія, гдѣ ранѣе имѣли свое пребываніе Галицкіе епископы [2])

2) Св. Петръ.

Послѣ смерти Галицкаго митрополита Нифонта, послѣдовавшей, по всей вѣроятности, никакъ не позднѣе 1305 года, Юрій Львовичъ дѣлаетъ вторичную попытку получить своего собственнаго митрополита, предназначивъ въ послѣдніе игумена Ратскаго монастыря Петра. Свѣдѣнія объ этой попыткѣ мы получаемъ изъ указаннаго нами выше житія св. Петра, составленнаго митрополитомъ Кипріаномъ. Упомянувъ о кончинѣ и погребеніи митрополита Максима, жизнеописатель разказываетъ далѣе о названномъ нами выше игуменѣ Геронтіи, который, желая „восхитить санъ святительскій“, забралъ одежду и утварь и отправился въ Константинополь ставиться въ русскіе митрополиты. Этотъ поступокъ Геронтія неодобрительно встрѣтили во всей Руси „и многіе негодоваху“. Вознегодовалъ на него и Волынскій князь и задумалъ „совѣтъ не благъ— восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити извѣтомъ творяся Геронтіева высокоумія не хотя, и нападаетъ на Петра словесы, подгнѣщая его къ Царюграду [3])“. Какъ понимать этотъ „совѣтъ не благъ князя Волынскія земли“, какимъ тогда былъ извѣстный намъ Юрій Львовичъ?

По смыслу жизнеописанія, Юрій какъ будто не захотѣлъ имѣть Геронтія митрополитомъ вслѣдствіе его „высокоумія“, т. е. по причинѣ его личныхъ, не нравящихся ему качествъ. Но вся причина была на самомъ дѣлѣ не въ высокоуміи Геронтіевомъ, а въ болѣе важныхъ по-

---

[1]) Филаретъ. Истор. русск. церкви, пер. II, стр. 82, примѣч. 188.
[2]) Галицк. истор. сборн. вып. I, ч. II—О соборн. Богор. Церкви въ Гал., стр. 51—101.
[3]) Степенн. кн. I, стр. 414.

бужденіяхъ. Какъ сѣверная, такъ и южная Галицкая Русь оттого такъ недружелюбно встрѣтили поступокъ Геронтія, что въ немъ ясно чувствовались своекорыстныя цѣли его покровителя. Кипріанъ не объясняетъ, кто былъ этимъ послѣднимъ но и безъ его объясненій о немъ не трудно догадаться. Преданный всецѣло интересамъ Московскаго князя, который былъ главнымъ и даже единственнымъ избирателемъ русскихъ митрополитовъ, и около котораго жили эти послѣдніе, Кипріанъ, очевидно, потому называетъ „дерзостію“ поступокъ Геронтія, что этотъ шелъ въ Константинополь не отъ Московскаго князя, а отъ кого-то другого. Отъ кого же? Болѣе чѣмъ вѣроятно видѣть въ такомъ князѣ Михаила Ярославовича Тверского, соперничавшаго съ Москвой за великое княженіе и въ лицѣ Геронтія желавшаго пріобрѣсти вѣрнаго и надежнаго помощника для укрѣпленія и расширенія своей колеблющейся великокняжеской власти. [1]) Не только подозрѣвая, но и ясно видя политическіе замыслы Тверского князя, всѣ остальные русскіе князья и особенно болѣе сильные Московскій и Галицкій должны были предпринимать всѣ мѣры, чтобы помѣшать этимъ пропскамъ князя Михаила, въ которыхъ ясно сквозило не Геронтіево „высокоуміе“, а его собственное. Но со стороны Московскаго князя, какимъ тогда былъ Юрій Даниловичъ, мы никакихъ мѣропріятій въ этомъ родѣ не видимъ. Московскій князь, можетъ быть, ждалъ митрополита—Грека, подобнаго Максиму, и не хлопоталъ о выборѣ своего собственнаго кандидата изъ русскихъ, надѣясь на то, что избранный и поставленный въ Византіи митрополитъ не замедлитъ, подобно своимъ предшественникамъ, направиться съ юга на сѣверъ во Владиміро-Московскую Русь. Но если Московскій князь не вступалъ въ борьбу съ Геронтіемъ и дозволялъ ему добиваться митрополичьяго сана у патріарха, надѣясь, вѣроятно, на отказъ послѣдняго честолюбивому искателю митрополіи, то не оставался въ бездѣйствіи Галицкій князь Юрій, для котораго будущій русскій митрополитъ Геронтій былъ нежелателенъ, какъ не только Кіево-Московскій, но и Галицкій митрополитъ. Не желая подчинять ему церковь своего княжества, оспротѣвшую послѣ смерти митрополита Нифонта, Юрій противопоставилъ ему своего собственнаго кандидата—галичанина по происхожденію и по мѣсту своего жительства — игумена Ратскаго монастыря Петра [2]).

Въ какіе же митрополиты предназначалъ князь Юрій своего избранника Св. Петра?

---

[1]) Макарій, IV, 15; Е. Е. Голубинскій. (Св. Петръ Богосл. Вѣстн. 1893 г. Янв. стр. 20—23). Иловайскій. Исторія... т. II, 10, Карповъ. Очерки... стр. 3.

[2]) Степенн. кн. I, стр. 411—412.

По изложенному нами ходу дѣла, Юрій какъ будто желалъ получить въ Петрѣ митрополита всерусскаго, такъ-какъ онъ противопоставлялъ его Геронтію, также предназначавшемуся на общерусскую митрополію. Но такому пониманію дѣла противорѣчитъ прежде всего прямой непосредственный смыслъ приведеннаго нами выше выраженія о желаніи князя „галичскую епископію въ митрополію претворити“. Въ этомъ выраженіи дается знать только объ одномъ желаніи князя Юрія—имѣть у себя отдѣльную Галицкую митрополію и отдѣльнаго митрополита: относительно же его желанія выставить кандидатуру на общерусскую митрополію избраннаго имъ Петра здѣсь нѣтъ и намека. За такое пониманіе этого выраженія говоритъ также и то обстоятельство, что такъ какъ ранѣе, 3 или 4 года назадъ,—согласно желанію Юрія, въ Галиціи была основана самостоятельная, независимая митрополія, каѳедру которой недолго занималъ названный митрополитъ Нифонтъ, то для него (Юрія) было вполнѣ естественно желать и добиваться только одного — именно поддержанія успѣшно имъ достигнутаго церковнаго порядка, т. е. продолженія дальнѣйшей самостоятельности новоосновапной митрополіи. Согласно такому объясненію, Юрій Львовичъ, не желая имѣть свое княжество въ неудобной и даже нѣсколько унизительной зависимости отъ митрополита Геронтія, который неминуемо долженъ былъ уйти съ юга на сѣверъ, и рѣшился обезпечить себя отъ такой зависимости церковнымъ отдѣленіемъ отъ Кіевскаго митрополита и пріобрѣтеніемъ своего собственнаго митрополита. Но, можетъ быть, стремленія Галицкаго князя слѣдуетъ разсматривать нѣсколько иначе, видя въ послѣднихъ не скромное желаніе его получить независимаго Галицкаго митрополита, а широкіе и дальновидные замыслы его вліять на общерусскія дѣла, путемъ избранія Петра митрополитомъ Галицкимъ, въ кругъ власти котораго должны были входить и Кіевъ съ Москвой?

Такъ, повидимому, хочетъ понимать дѣло И Филевичъ. Въ этой попыткѣ Юрія Филевичъ усматриваетъ стремленіе Галицкаго князя „сохранить вліяніе на выборъ русскаго первосвятителя и удержать съ своихъ рукахъ традиціонное верховенство“. [1]) На самомъ дѣлѣ, что было выгоднѣе для князя Юрія—имѣть ли въ Кіевѣ или гдѣ-нибудь на югѣ не уходящаго, предположимъ, на сѣверъ митрополита и своимъ вѣдѣніемъ обнимающаго и сѣверную, и южную Русь, или же своего собственнаго отдѣльнаго Галицкаго митрополита, не имѣющаго власти ни надъ Кіевомъ ни надъ сѣверной Московской Русью? Первый планъ шире, ибо, съ его успѣшнымъ выполненіемъ, Юрій могъ достигнуть весьма важныхъ политическихъ выгодъ, о которыхъ такъ хлопотали сѣверные князья; но этотъ планъ въ то же время былъ и опаснѣе, ибо цѣль достигалась только

въ случаѣ неухода митрополита на сѣверъ; съ уходомъ же его туда, вся попытка могла окончиться ничѣмъ, принести одно горькое разочарованіе. А могъ ли Юрій крѣпко надѣяться, что его избранникъ Петръ осядется въ южной Руси и не уйдетъ на сѣверъ, куда уже ранѣе переселились два его предшественника по каѳедрѣ—митрополиты Кириллъ и Максимъ? Можетъ быть, онъ надѣялся на то, что Петръ былъ галичанинъ по происхожденію и его собственный избранникъ? Но и Кириллъ былъ южанинъ родомъ и избранъ былъ Галицкимъ княземъ Даніиломъ, но все таки онъ не остался на югѣ, а переправился на сѣверъ, пожертвовавъ и своими привязанностями къ родинѣ, и чувствомъ благодарности къ князю Данилу за свое избраніе, руководясь въ этомъ случаѣ высокими церковными и государственными интересами. Правда, второй планъ, ограничивавшійся однимъ скромнымъ желаніемъ получить церковную автономію въ Галицкомъ княжествѣ, гораздо уже перваго, но зато надежнѣе и вѣрнѣе, такъ-какъ при выполненіи его не приходилось опасаться того, что Галицкій митрополитъ оставитъ Галицію и уйдетъ на сѣверъ, куда его не пуститъ обитающій тамъ русскій митрополитъ. Такія соображенія могли, думаемъ, приходить въ голову и князю Юрію и естественно склоняли его „не къ сохраненію вліянія на выборъ русскаго первосвятителя“, а къ скромнымъ заботамъ о томъ, чтобы соблюсти у себя независимое положеніе Галицкой митрополіи и получить для нея преемника Нифонту—Петра. Да и не въ характерѣ, кажется, Юрія было увлекаться горделиво широкими планами о сохраненіи въ своихъ рукахъ „традиціоннаго верховенства“ и задавать тонъ всей общерусской жизни, вліяя на нее черезъ посредство своего избранника—Петра митрополита. Для него важнѣе было, какъ мы говорили выше, насажденіе внутренняго благоустроенія въ своихъ пространныхъ владѣніяхъ, а этого послѣдняго онъ и могъ вполнѣ достигнуть путемъ своихъ собственныхъ заботъ и содѣйствіемъ своего ближайшаго помощника—Галицкаго митрополита [1]).

Итакъ, намъ думается, что Юрій Львовичъ посылалъ св. Петра въ Константинополь исключительно за тѣмъ, чтобы получить въ немъ преемника Нифонту, отдѣльнаго Галицкаго митрополита [1]).

Чѣмъ же окончилась эта попытка князя Юрія?

Естественно было ждать, что его просьба поставить въ Галицію митрополитомъ Петра не встрѣтитъ у Константинопольскаго патріарха никакихъ препятствій и будетъ вполнѣ удовлетворена, такъ какъ въ

---

[1]) Е. Е. Голубинскій св. Петръ, стр. 22, Макарій IV, 15; Филаретъ, Ист. II, 81; Шараневичъ. Истор. 124—125; Петрушевичъ. Гал. сборн. II, 7—9; Иловайскій II, 10, Павловъ. О нач. гал. и лит. митр. стр. 219—221; Pelesz, I, 382 и 383.

это время и патріархомъ, и византійскимъ императоромъ были тѣ же лица, которыя дозволили открытіе Галицкой митрополіи 3—4 года назадъ, т. е. патріархъ Аѳанасій и императоръ Андроникъ. Но надежды Юрія оправдались только „на половину“ [1]) Аѳанасій и византійскій дворъ благосклонно приняли просьбу Галицкаго князя и охотно утвердили Петра въ санѣ митрополита. Но патріархъ неодобрительно отнесся къ мысли о раздѣленіи русской митрополіи и поставилъ Петра не Галицкимъ, какъ желалъ и ожидалъ князь Юрій, а митрополитомъ „Кіевскимъ и всея Руси.“ По какимъ соображеніямъ патріархъ отказался продолжить самостоятельное существованіе уже ранѣе открытой имъ митрополіи и что онъ отвѣчалъ на „писаніе“ Юрія [2]), просившаго въ немъ объ удовлетвореніи своего желанія,—мы, за неимѣніемъ свѣдѣній, ничего не знаемъ. Можетъ быть предыдущее митрополитствованіе Нифонта было почему либо для него (патріарха) невыгоднымъ или непріятнымъ, вслѣдствіе чего онъ и рѣшилъ за лучшее возвратиться къ прежнему порядку церковнаго управленія Галиціей, присоединивъ недавно открытую митрополію къ области митрополіи общерусской. На „писаніе“ Юрія, излагавшаго въ немъ, вѣроятно, всѣ причины, побуждавшія его обращаться съ просьбой къ патріарху и главной причиной выставлявшаго, конечно, переселеніе митрополитовъ изъ Кіева на сѣверъ, патріархъ отвѣчалъ, вѣроятно, въ успокоительномъ духѣ, или обнадеживая его тѣмъ, что Петръ не уйдетъ на сѣверъ, а останется въ Кіевѣ, или же обѣщая ему, что онъ (патріархъ) позаботится о томъ, чтобы Петръ, въ случаѣ ухода изъ Кіева, не оставлялъ совершенно Галиціи и возможно чаще посѣщалъ ее. [3]) Патріархъ могъ утѣшать Юрія и тѣмъ, что онъ исполнилъ его просьбу поставить присланнаго имъ Петра въ митрополиты, чѣмъ онъ оказалъ явное предпочтеніе и уваженіе не только послѣднему, но и самому князю Юрію, отвергнувъ Геронтія и не уваживъ просьбы его покровителя—Тверского князя. Какъ бы то ни было, Юрій Львовичъ, совсѣмъ, вѣроятно недовольный послѣдствіемъ своей попытки и мало удовлетворившійся успокоеніями и обѣщаніями патріарха, примирился съ случившимся и уже болѣе не пытался просить у патріарха отдѣльнаго митрополита, хотя и имѣлъ для такой просьбы весьма сильныя основанія, такъ-какъ прибывшій изъ Царьграда митрополитъ Петръ, послѣ недолгаго пребыванія въ южной Руси, скоро (1309 г.) отправился на сѣверъ [4]) [5]).

---

[1]) Макарій. IV стр. 17.
[2]) Степенная кн. стр. 414.
[3]) Е. Е. Голубинскій. Св. Петръ, стр. 25.
[4]) Полн. собр. лѣтопис. Воскрес. 185, Ник. Ш, 105.

Но во всей этой попыткѣ Юрія намъ слѣдуетъ разрѣшить еще одно недоумѣніе. Мы доселѣ все говорили о русскомъ святителѣ Петрѣ, который занималъ каѳедру Кіевской митрополіи съ 1308 по 1326 годъ [1]) Но вотъ въ извѣстной намъ грамотѣ Казиміра указывается какой-то митрополитъ Галицкій Петръ. Мы при разборѣ этой грамоты высказали такую мысль, что Казиміръ совершенно напрасно причелъ къ Галицкимъ митрополитамъ именно этого, нашего митрополита св. Петра. Но, можетъ быть, Казиміръ разумѣлъ другого Петра, независимало Галицкаго митрополита, современнаго и сонменнаго первому? [2]) Или, можетъ быть, называя нашего Петра Галицкимъ митрополитомъ, Казиміръ не допускалъ никакой ошибки, если предположимъ, Петръ былъ поставленъ для Галиціи, но потомъ переманенъ былъ на сѣверъ, гдѣ каѳедра митрополіи до 1309 года оставалась не занятой, которую сѣверные князья и предложили занять Петру, заручившись въ этомъ случаѣ, можетъ быть, содѣйствіемъ и поддержкой самого патріарха? То и другое предположеніе находятъ для себя защитниковъ: первое въ лицѣ нѣмецкаго ученаго Гельцера, а второе въ лицѣ русскаго профессора Павлова. Посмотримъ, насколько правильны и основательны высказываемые ими взгляды.

Намъ извѣстно, по скольку мы высказывались ранѣе, что объ избраніи св. Петра митрополитомъ разсказывается въ его житіи, составленномъ третьимъ его преемникомъ по каѳедрѣ—митрополитомъ Кипріаномъ. Мы не будемъ повторять сказаннаго нами уже ранѣе, но только замѣтимъ, что указаніе житія не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что избранъ Галицкимъ и утвержденъ отъ патріарха Кіевскимъ митрополитомъ былъ именно нашъ „Кіевскій и всея Руси“ митрополитъ Петръ Но если это такъ, то на чемъ же основываетъ Gelzer свое мнѣніе о какомъ то современномъ и сонменномъ св. Петру другомъ Петрѣ, Галицкомъ митрополитѣ, когда такому его мнѣнію служитъ прямымъ противорѣчіемъ это указаніе Кипріанова житія? Какъ мы заранѣе уже можемъ догадаться, Gelzer не придаетъ этому русскому извѣстію важнаго значенія и хочетъ подорвать его достовѣрность. Онъ говоритъ: „какъ ни мало патріаршая политика отличалась послѣдовательностію, однако нельзя допустить, чтобы тотъ же патріархъ Аѳанасій, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ по учрежденіи Галицкой митрополіи, вновь уничтожилъ ее [2])“. По мнѣнію Gelzer'a, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ представлять дѣло такъ, что закрытія митрополіи совсѣмъ не было, каѳедру которой благополучно получилъ какой-то Петръ, который

---

[1]) Ibid. Воскр. 185. Никон. Ш, 104—131, Новгор. I, 73.
[2]) Gelzer. Beiträge zur russischen Kirchengeschichte... 257.

и называется по имени въ грамотѣ Казиміра; но этотъ Петръ — лицо, совершенно отличное отъ св. Петра, митрополита Кіево-Московскаго; „составитель же Степенной книги или его источникъ — біографъ св. Петра митр. Кипріанъ—смѣшалъ перваго съ послѣднимъ или отождествилъ ихъ вслѣдствіе неправильныхъ комбинацій“ [1]). Но, во-первыхъ замѣтимъ мы Gelzer'у, ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что патріархъ, открывшій недавно митрополію, опять закрываетъ ее, пользуясь смертью ея митрополита. Ничего не было бы страннаго даже и въ томъ, если бы патріархъ закрылъ по какимъ-либо соображеніямъ Галицкую митрополію еще при жизни занимавшаго ея каѳедру митрополита, какъ это, увидимъ ниже, и случилось впослѣдствіи—въ 1347 году; еще менѣе страннаго въ томъ, что для закрытія (почему она была нежелательна для послѣдняго, ни мы, ни Gelzer не знаемъ, а въ этомъ, можетъ быть, была вся сила), въ Константинополѣ воспользовались удобнымъ случаемъ—смертью ея митрополита; крайняя же непродолжительность ея существованія для распорядителей въ судьбахъ митрополіи могла не имѣть никакого значенія. Одна Notitia, на которую указываетъ самъ Gelzer, утверждаетъ, что „Галицкій (епископъ) нерѣдко былъ возводимъ въ достоинство митрополичье, но потомъ опять возвращался въ положеніе простого епископа властью Русскаго митрополита“ (τὸν μὲν Γαλίτζης πολλάκις τιριηθέντα, εἰς ἐπίσκοπον αὖθις ὑποβιβάζεσθαι τῇ τοῦ Ρωσσίας δυναστείᾳ) [2]). А если такія превращенія съ Галицкими митрополитами и ихъ митрополіей были „нерѣдки“, то почему же не предположить такое же превращеніе и въ настоящемъ случаѣ? Что же касается предположенія Gelzer'а о томъ, будто составитель Степенной книги или митр. Кипріанъ перемѣшали двухъ Петровъ, совершенно различныхъ другъ отъ друга и сходныхъ только по имени,— это его предположеніе, какъ не имѣющее за собой никакихъ положительныхъ основаній, оказывается, по меньшей мѣрѣ, произвольнымъ. Къ этому же нужно прибавить еще то, что, защищая свою мысль о смѣшеніи Кипріаномъ двухъ совершенно отдѣльныхъ личностей, Gelzer обнаружилъ видимое незнакомство съ первоначальнымъ житіемъ св. Петра, принадлежащимъ, по нѣкоторымъ спискамъ, современнику и ставленнику его, ростовскому епископу Прохору и передѣланнымъ потомъ митрополитомъ Кипріаномъ. „Въ этомъ житіи хотя и не упоминается объ избраніи св. Петра на митрополію Волынскимъ княземъ, но все-таки содержится ясное указаніе на Волынь, какъ на родину святаго и мѣсто его иноческихъ подвиговъ (въ основанномъ имъ монастырѣ на рѣкѣ Рати). Этого именно Петра древнѣйшій

---

[1]) Ibidem.
[2]) Gelzer, стр. 261.

жизнеописатель его изображаетъ потомъ, какъ митрополита всея Руси, обходившаго сначала „волынскую и кіевскую землю“, а потомъ суздальскую, и скончавшагося въ Москвѣ. Такимъ образомъ и по первоначальному житію св. Петра онъ и есть одно и то же лицо съ бывшимъ Волынскимъ игуменомъ Петромъ, избраннымъ тамошнимъ княземъ на митрополію, (о чемъ прибавляетъ только позднѣйшій жизнеописатель того же Петра) [1]) и, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія предполагать какого-то другого Петра, современнаго и соименнаго нашему. Впрочемъ, мы не отказались бы признать существованіе отдѣльнаго Галицкаго митрополита-современника нашему Петру, если бы имѣли о немъ хотя какія-нибудь историческія указанія. Правда, въ Галиціи былъ Петръ архіепископъ, но, во-первыхъ, онъ жилъ болѣе полстолѣтія назадъ и, во-вторыхъ, былъ, по всей вѣроятности, не православнымъ архіепископомъ, а какимъ-либо римско-католическимъ прелатомъ [2]), такъ что и указывать на него, какъ на православнаго Галицкаго митрополита, Казиміръ не могъ [3]).

Но если несправедливо это разобранное нами первое мнѣніе, то, можетъ быть, намъ позволительно принять второе, по которому митрополитъ Петръ является занимающимъ сначала каѳедру Галицкой митрополіи, а потомъ—Кіевской?

Такъ думаетъ, сказали мы выше, профессоръ А. Павловъ. По его мнѣнію, если нельзя согласиться съ высказаннымъ и разобраннымъ взглядомъ Gelzer'a, то можно, безъ особеннаго риска, принять второе предположеніе, что „св. Петръ первоначально былъ поставленъ въ Галицкіе митрополиты, а потомъ уже признанъ всероссійскимъ“. [3]) Защищая эту свою догадку, Павловъ въ качествѣ основанія указываетъ на извѣстную грамоту короля Казиміра, гдѣ св. Петръ названъ вполнѣ опредѣленно *Галицкимъ* митрополитомъ, что могло случиться, говоритъ онъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что св. Петръ былъ уроженецъ волынскаго края и избранъ на митрополію тамошнимъ великимъ княземъ; во-вторыхъ потому, что мѣстомъ первоначальной дѣятельности его въ санѣ митрополита была именно „волынская и кіевская земля“. [4]) Правда, профессоръ признается, что высказанной имъ догадкѣ сильно не благопріятствуютъ хронологическія указанія сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, „которыя самое *постановленіе* Петра относятъ къ 1308 году и уже въ слѣдующемъ году представляютъ его дѣйствующимъ въ суздальской землѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ онъ рукоположилъ новгородскаго

---

[1]) Павловъ. О нач. Гал. и лит. митр. стр. 219.
[2]) Галиц. истор. сборн. вып. II, стр. 3—8.
[3]) Павловъ. О началѣ Галицк. и Литов. митр. стр. 220.
[4]) Ibidem, стр. 219—220.

архіепископа Давида". [1]) Но Павловъ не видитъ въ этой хронологической датѣ лѣтописей, своимъ указаніемъ прямо на допускающей возможности болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія св. Петра въ южной Руси, какого либо важнаго препятствія къ признанію справедливости высказанной имъ догадки. „По хронологіи лѣтописей, разсуждаетъ профессоръ, выходитъ, что каѳедра русской митрополіи, послѣ смерти митрополита Максима, впродолженіе почти трехъ лѣтъ оставалась вакантною. Но ни сами лѣтописи, ни другіе источники нашей исторіи не указываютъ и не даютъ понять никакой причины столь продолжительнаго „вдовствованія" русской митрополіи. Между тѣмъ, по смыслу извѣстія, содержащагося въ Кипріановомъ житіи св. Петра, волынскій князь имѣлъ особенное побужденіе спѣшить отсылкой въ Константинополь своего кандидата на митрополію, такъ какъ въ сѣверной Руси, вскорѣ послѣ смерти митрополита Максима, явился такой кандидатъ на его каѳедру, который могъ разсчитывать на подчиненіе своей власти и вдовствовавшей тогда галицкой митрополіи. Это былъ извѣстный намъ Геронтій" [2]). Онъ, какъ мы знаемъ, не получилъ того, чего добивался, а митрополитомъ на Русь явился его соперникъ — Петръ. „Взявъ во вниманіе изложенныя обстоятельства дѣла, развиваетъ далѣе свою мысль профессоръ, приходишь невольно къ мысли, что постановленіе Петра совершилось не въ 1308 году, а по крайней мѣрѣ двумя годами раньше, впродолженіе которыхъ новый митрополитъ, какъ избранникъ южнорусскаго великаго князя, предпочтенный кандидату великаго князя сѣверной Руси, долженъ былъ держаться на своей родинѣ, т. е. фактически оставаться митрополитомъ только галицко-волынскимъ. Этого желалъ, конечно, и мѣстный князь. Можетъ быть, и патріархъ, предположивъ со временемъ упразднить галицкую митрополію, поставилъ св. Петра въ митрополиты провизорно, то-есть такъ, чтобы онъ, согласно съ желаніемъ своего князя, былъ сначала Галицко-волынскимъ митрополитомъ, а потомъ, по соглашенію съ великимъ княземъ сѣверной Руси и при содѣйствіи самого патріарха, сдѣлался и всероссійскимъ. Въ сѣверной Руси митрополитъ св. Петръ, какъ выше замѣчено, появляется въ 1309 году, и если въ мѣстныхъ лѣтописяхъ самое постановленіе его отнесено только къ предыдущему году, то это могло произойти отъ того, что тамъ до 1308 г. не хотѣли признавать его митрополитомъ, и приняли наконецъ только по формальному требованію патріарха, обращенному къ великому князю и всей духовной іерархіи суздальской

[1]) Ibidem, стр. 220.
[2]) Павловъ, стр. 220.

земли. А это признаніе легко могло быть принято нашими сѣверными лѣтописцами за самый фактъ поставленія Петра въ митрополиты не только для южной, но и для сѣверной Руси". [1])

Что сказать относительно предлагаемой профессоромъ Павловымъ догадки?

Намъ кажется, нѣтъ настоятельной нужды представлять дѣло такъ, какъ хочетъ его представить Павловъ, предполагающій неточность хронологическаго указанія лѣтописей. Сомнѣваться въ точности или достовѣрности этого послѣдняго мы никакъ не можемъ, такъ какъ не имѣемъ для этого положительно никакихъ историческихъ данныхъ, а, напротивъ, видимъ полное согласіе указанной даты во всѣхъ лѣтописяхъ, что прямо склоняетъ къ признанію строгой точности ея. Правда, мы впродолженіе почти трехъ лѣтъ видимъ каѳедру русской митрополіи вакантною, и намъ непонятно продолжительное отсутствіе на ней митрополита, но отсюда можно ли заключать, что весь этотъ трехгодичный періодъ времени русскій митрополитъ пребывалъ въ Галиціи, для которой онъ и былъ поставленъ митрополитомъ? Почему не предположить, что борьба Петра съ Геронтіемъ не такъ скоро окончилась, какъ кажется Павлову, а потребовала не малой проволочки времени, чтобы выйти изъ нея полнымъ побѣдителемъ? Затягивать время, разжигая борьбу между соперниками, Константинопольскіе патріархи были большіе охотники, такъ какъ это открывало для нихъ заманчивую возможность наживы. Замѣчательный примѣръ такой борьбы мы увидимъ позднѣе въ исторіи митр. Алексѣя и Романа, долго и настойчиво споривших за обладаніе Русской митрополіей. Почему же не предположить такой же борьбы, хотя и менѣе напряженной, и въ исторіи Петра съ Геронтіемъ? А если это было такъ, то Петру нельзя было скоро выбраться изъ корыстолюбиваго Константинополя и добраться до Москвы. Да и вообще изъ Константинополя какъ-то не любили скоро выпускать новопоставленныхъ митрополитовъ. Это мы видимъ не на одномъ Петрѣ, но и на его преемникѣ по каѳедрѣ—митрополитѣ Ѳеогностѣ, который прибылъ въ Россію болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти Петра (1326—1328 г.), [2]) а также на примѣрѣ митрополита Фотія, прибывшаго въ Россію черезъ три года послѣ смерти своего предшественника—митрополита Кипріана (1406—1409 г.). [3]) Далѣе, если Петръ былъ поставленъ Галицкимъ митрополитомъ, то мы не можемъ понять, почему же не

---

[1]) Павловъ, стр. 221.
[2]) Полное собр. русск. лѣтоп. I, 230; III, 74; V, 218; VII, 201; Никон. III, 138.
[3]) Ibid. III, 104; VI, 144—145; Ник. V, 32; Акты запад. Россіи, I, № 25.

былъ поставленъ Московскимъ митрополитомъ его соперникъ—Геронтій? А не былъ онъ поставленъ исключительно потому, что патріархъ и императоръ Византіи предпочли ему св. Петра. Но еслибы этотъ послѣдній былъ поставленъ въ Галицкіе митрополиты, то въ званіи „Кіевскаго и всея Руси“ митрополита былъ бы утвержденъ Геронтій или же, въ случаѣ его непригодности, былъ бы истребованъ патріархомъ другой кандидатъ, болѣе подходящій или достойный митрополичьяго сана, или же, что̀ всего вѣроятнѣе, былъ бы присланъ на Русскую митрополію митрополитъ Грекъ, избранный самимъ патріархомъ. Впрочемъ, можетъ быть, патріархъ, утверждая Петра Галицкимъ митрополитомъ, былъ намѣренъ отдать ему впослѣдствіи и сѣверную Русь, почему и не уважилъ исканій Геронтія, какъ и думаетъ представить дѣло профессоръ Павловъ? Но и съ такимъ предположеніемъ почтеннаго профессора трудно согласиться. Непонятной становится прежде всего эта тактика патріарха, который въ одно и то же время и уважаетъ просьбу Галицкаго князя, утверждая его кандидата Галицкимъ митрополитомъ, и разрушаетъ своими руками только что имъ сдѣланное, предполагая въ скоромъ времени упразднить Галицкую митрополію, переведя ея митрополита на сѣверъ, а ее самое присоединивъ къ митрополіи сѣверной. Зачѣмъ, спрашивается, вся эта совершенно безполезная проволочка времени? Если патріарху хотѣлось закрыть Галицкую митрополію (а что ему хотѣлось, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ за это говоритъ само ея закрытіе), то почему онъ медлилъ постановленіемъ Петра въ Галицкіе митрополиты, затягивая и запутывая дѣло, когда, казалось, представлялся такой удобный случай къ ея закрытію—смерть ея митрополита Нифонта? Предположить, что онъ боялся въ этомъ случаѣ оскорбить или обидѣть князя Юрія, весьма трудно, такъ какъ съ княземъ Юріемъ врядъ ли патріархъ сталъ бы особенно деликатничать или церемониться. Этотъ Галицкій князь, какъ мы замѣчали выше, былъ миролюбиваго характера, а съ такими людьми Константинопольскіе патріархи были далеко нецеремонны и небоязливы. Но кромѣ того, обидѣть Юрія все равно приходилось неизбѣжно, такъ какъ съ уходомъ Петра на сѣверъ, согласно планамъ патріарха, всѣ хлопоты Галицкаго князя оканчивались мыльнымъ пузыремъ и всѣ его надежды разбивались въ прахъ. А не все ли равно годомъ ранѣе или годомъ позднѣе нанести обиду? Этимъ не смягчишь горечь послѣднѣй. Да въ сущности и не въ желаніи патріарха угодить Галицкому князю—нужно искать, думается, основную причину поставленія Петра, а въ немъ самомъ. Если кандидатъ Юрія не былъ отвергнутъ патріархомъ, подобно Геронтію, то это случилось, думаемъ, не потому, что въ

Стр

XIV. Блаженнѣйшій Софроній, Папа и Патріархъ Александрійскій. Письмо изъ Александріи 148

XV. Объявленія 152

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ**. Іюнь 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Главы III и IV-я церковно-историческое изслѣдованіе *Н Д. Тихомірова*.

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграницей. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и народныя пѣсни. 6) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Обозрѣніе газетъ и журналовъ 9) Библіографія и критика. 10) Извѣстія и разныя новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и объявленія.

Приложеніе: БЛАГОВѢСТЪ. Статьи богословскаго и церковно-историческаго содержанія.

Условія подписки на 1895 годъ:

Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и заграницу:

На годъ **6** руб. | На полгода **3** руб.

Допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до полной уплаты подписной цѣны.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ—**одинъ рубль.**

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ СПБ. Славянскомъ Обществѣ, площадь Александринскаго театра д. 9, а также въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ и Москвѣ, и во всѣхъ другихъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 20 рублей, за полстраницы—10 р., за 1/4 5 р.

Адресъ Редакціи „РУССКОЙ БЕСѢДЫ“; С.-Петербургъ, Большая Морская, домъ № 56, кв. 3.

Издатели: А. В. Васильева.
Е. А. Евдокимовъ.
В. С. Драгомірецкій.

Редакторъ: *В. Драгомірецкій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Іюня 1895 года.